

DOI: 10.22378/he.2019-4-2

ISSN 2587-9286 (Print)
ISSN 2619-1636 (Online)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2019. Том 4, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–69646
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2019, VOL. 4, NO. 2

ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Budgetary Institution “Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ПИ № № ФС 77–69646
received from Roskomnadzor on May 2, 2017

Published twice annually

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

<http://historicaethnology.org>
E-mail: historical.ethnology@gmail.com

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2019
© «Историческая этнология», 2019

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Хакимов Рафаэль Сибгатович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Научный редактор: Габдрахманова Гульнора Фаатовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор выпуска: Ногманов Айдар Ильсурович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Давлетшина Лилия Шамилевна (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Гараева Алсу Мансуровна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна (Университет штата Пенсильвании, Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация)

Данилко Елена Сергеевна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация)

Дробижева Леокадия Михайловна (Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация)

Екеев Николай Васильевич (Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна (Университет Объединенных Арабских Эмиратов, Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуа Атсуши (Университет Симане, Мацуэ, префектура Симане, Япония)

Хотопп-Рике Миесте (Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ИСАТАТ), Магдебург, Германия)

Низамова Лилия Равильевна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ногманов Айдар Ильсурович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович (Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Российская Федерация)

Титмайер Элизабет (Музей Европейских Культур, Берлин, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна (Самарский государственный педагогический университет, Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Rafael Khakimov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Science Editor: Gulnara Gabdrakhmanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Issue Editor: Aydar Nogmanov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Tatar Editor: Liliya Davletshina (G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Editor: Alsu Garaeva (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry (Pennsylvania State University, University Park, USA)

Liliya Gabdrarifkova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Marat Gibatdinov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Andrey Golovnev (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation)

Elena Danilko (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Leokadiya Drobizheva (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Nikolay Ekeev (S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altai, Russian Federation)

Aygul Zabirova (United Arab Emirates University, Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue (Shimane University, Matsue, Shimane Prefecture, Japan)

Mieste Hotopp-Riecke (Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT), Magdeburg, Germany)

Liliya Nizamova (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Aydar Nogmanov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Radik Salikhov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

El'dar Seydametov (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation)

Elisabeth Tietmeyer (Museum of European Cultures, Berlin, Germany)

Ekaterina Yagafova (Samara State Pedagogical University, Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Теория этнического

- Дусаева Э.М.* Культурные коды Старо-Татарской слободы 206
Айдарова-Волкова Г.Н. Неизвестные мечети Старо-Татарской слободы
второй половины XVI – первой половины XVIII вв. 219

Этническая реальность: синхронный и диахронный анализ

- Имашева М.М.* Татарское предпринимательство в социально-
экономической жизни Астраханской махалли в начале XX в. 235
Надырова Х.Г. Проблема возрождения идентичности
архитектуры Старо-Татарской слободы Казани 255

Микроистория и культура повседневности

- Булатова М.Р.* История деревни Курмантау
и ее лингвистическая характеристика 264

Национальное образование

- Галиуллина Д.М.* Г. Әхмәровның «Төрки әлифбасы» битләрендә
балаларга әхлакый тәрбия бирү мәсәләләре 274
Садыков Ш.Ф. «Милли байрак» газетасында Риззәтдин Фәхрәтдин
эшчәнлегә яктыртылышы 284
Салахова Э.К. Казанның Иске Татар бистәсе – XIX–XX йөз башында
татар мәгарифе үзәге (уку йортларына тарихи күзәтү) 294
Черновская В.В. Салихджан Баруди и Махмуд Юсупов
(малоизвестная история отношений учителя и ученика) 312

ДОКУМЕНТЫ

- Ханипова И.И.* Дневник жизни детского дома: история детской
повседневности 1920-х гг. в воспоминаниях очевидцев 320
Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в.
из Российского государственного архива древних актов 339
Амерханова Э.И. Татарские слободы на картах Казани из фондов
Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского
Казанского федерального университета 354

НОВЫЕ КНИГИ

- Алтысбес М.А.* О книге Б.Г. Аягана «Абулхаир Шейбанид –
последний правитель Дашти-Кыпчака» 367
Салахова Э.К. Рецензия на книгу Ф.Б. Батыргаря
«Метрические книги мусульман г. Твери» 375
Миронова Е.В. Рецензия на монографию: Валеева Н.Г. Чистопольское
уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.) 381

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

- Мигранова Э.В.* «Жаль, что мы всегда осознаем потери спустя время» 386

CONTENTS

PUBLICATIONS

The theory of Ethnic

- Dusaeva E.M.* Cultural codes of the Old Tatar Quarter 206
Aidarova-Volkova G.N. Unknown mosques of the Old Tatar Quarter
of the second half of the 16th – the first half of the 18th century 219

Ethnic Reality: Synchronous and Diachronic Analysis

- Imasheva M.M.* Tatar entrepreneurship in socio-economic life
of the Astrakhan mahalla in the early twentieth century 235
Nadyrova Kh.G. The issue of reviving the identity
of the Old Tatar Quarter architecture in Kazan 255

Microhistory and the Culture of Everyday Life

- Bulatova M.R.* Kurmantau village history and its linguistic characteristics 264

National education

- Galiullina D.M.* Problems of moral education of children
in G. Akhmarov's primer "Torki Alifba" ("Turkic primer") 274
Sadykov Sh.F. Presentation of Rizaetdin Fakhretdin' activity
in the newspaper "Milli bayrak" 284
Salakhova E.K. Old Tatar Quarter of Kazan – the center
of Tatar education of the 19th – early 20th centuries
(historical overview of educational institutions) 294
Chernovskaya V.V. Salihjan Barudi and Mahmoud Yusupov
(little known story of the relationship between a teacher and his disciple) 312

DOCUMENTS

- Khanipova I.I.* Diary of a children's home: History of children's daily life
in the 1920s in the memories of eyewitnesses 320
Abdullin Kh.M. Two plans of the Tatar settlement of Kazan the middle
of the 18th century from the Russian state archive of ancient acts 339
Amerkhanova E.I. The Tatar settlements on the maps of Kazan from
N.I. Lobachevsky Scientific library's collection
at Kazan Federal University 354

NEW BOOKS

- Alpysbes M.A.* About the book by B.G. Ayagan "Abulkhair Sheybanid –
the last ruler of Dashti-Qipchaq" 367
Salakhova E.K. Review of the book by F.B. Batyrgarey
"Registers of birth of muslims in the city of Tver" 375
Mironova E.V. Monograph review: Valeeva N.G. Chistopol county
zemstvo of the Kazan province (1865–1914) 381

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

- Migranova E.V.* "It's a pity that we recognize losses only long after" 386

Публикации

ТЕОРИЯ ЭТНИЧЕСКОГО

УДК 008.2; 351.85

DOI: 10.22378/he.2019-4-2.206-218

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ СТАРО-ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ

Э.М. Дусаева

*Казанский федеральный университет
Казань, Российская федерация
edusaeva@gmail.com*

Сегодня перед Казанью стоят вопросы сохранения наследия, выбора векторов развития, корреляции символического и физического пространства. Важным является запрос на поиск собственной идентичности в условиях глобализации. В результате исследования с точки зрения видов деятельности характерных для данной территории были изучены опыты-коды, т.е. набор повторяющихся событий на протяжении истории.

Старо-Татарская слобода была одной из ярких территорий, формирующих дух города. Ее характеризуют национальный, мусульманский, торговый культурные коды, основанные на опыте, которая данная территория извлекла на протяжении времени, в условиях данного ландшафта и сложившихся видов деятельности. Сегодня пространство Старо-Татарской слободы можно условно разделить на несколько зон в зависимости от образа, который создается и транслируется вовне. Это образ, сконструированный «сверху», «снизу» и зона со стертым смыслом. Переосмысление территории Старо-Татарской слободы наполнит город особым колоритом и позволит найти баланс между сохранением наследия и ответом на современные запросы, усилит уникальность в процессе глобализации.

Ключевые слова: татарская культура, Казань, культурный код, урбанистика, дух места, душа города.

Для цитирования: Дусаева Э.М. Культурные коды Старо-Татарской слободы // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 206–218. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.206-218

В жизни города возникают моменты, когда он как будто сам подталкивает людей к исследованию, переосмыслению себя. Это происходит из-за изменения историко-культурного контекста, кризисов или подъемов, когда стремительно меняющаяся внешняя форма неожиданно перестает соот-

ветствовать внутреннему содержанию. В России произошла смена эпох, наследие которых до сих пор требует осмысления. По вопросам памяти не существует единого мнения.

Казань – динамично развивающийся город, получивший статус «третьей столицы», город событий международного масштаба. Именно сейчас здесь наиболее остро стоят вопросы понимания собственной идентичности в связи с определением векторов дальнейшего развития. В условиях глобализации поиск самости приобретает особую актуальность. Являясь городом с богатой историей, Казань решает ряд вопросов, связанных со своим наследием, его сохранением и созданием нового.

Старо-Татарская слобода, в XIX в. определяемая многими современниками как «азиатская», сегодня стала своеобразным брендом, визитной карточкой Казани, местом нашей самости. Вопросы изучения наследия слободы позволяют понять, куда двигаться дальше, как оживить территорию, как сохранить не только здания, но и атмосферу, дух места.

Данная статья является частью проекта «Создание концепции устойчивого развития исторического поселения Казань» и касается исследования казанской идентичности. Автор совместно с Марьей Леонтьевой, социологом, казанским координатором Центра прикладной урбанистики изучали, что означает быть казанцем в прошлом и настоящем, как это проявляется в символическом и физическом пространстве города. Данная статья подготовлена совместно с аспирантками Казанского Федерального университета Гиматдиновой Гузелией и Ханбековой Наилей.

Ключевым понятием в данной статье является понятие культурный код. К. Рапай в работе «Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему» [1, с. 2] рассматривает культурный код и его особенности через призму социологии, описывая коды различных социальных групп. В данном исследовании культурный код – это своеобразный ключ к пониманию изучаемого типа культуры [2, с. 256]; уникальные, присущие определенному типу культуры особенности, которые вырабатывались на протяжении долгого времени и транслировались от предков к потомкам.

Понятие культурного кода в настоящем исследовании приобрело также значение ключевого опыта, возникшего в конкретном ландшафте и при определенном виде деятельности. Именно данные опыты–коды транслируются, интерпретируются и переинтерпретируются на протяжении времени. За основу понимания устройства города была взята методология В. Глазычева [3] и основателя центра прикладной урбанистики С. Мурунова, структурно-семиотический анализ, методы анализа дискурса.

Для выделения основных культурных кодов был использован инструмент Река времени, в которой зафиксированы значимые события в жизни города, сформированные в результате базовые ценности, присущие данной территории и определившие самобытность Казани.

При работе с инструментом Река времени были исследованы исторические источники и историографический материал, взяты интервью с экс-

пертами в области краеведения, истории, урбанистики, философии. Река времени представляет собой разномасштабные события (уровень человека, квартала, района, города, страны, мира), которые интерпретируются согласно концепции урбаниста С. Мурунова с точки зрения их влияния на ландшафт, деятельность и ценности, которые сформировались на территории Казани. В результате были исследованы опыты-коды, т.е. набор повторяющихся событий на протяжении истории, что было указано в соответствующих графиках на Реке времени.

В идентичности Казани были выделены несколько ключевых опытов-кодов с точки зрения видов деятельности, характерных для данной территории. Это способность выступать Пограничьем в физическом и символическом смысле. Первоначально Казань была основана как северный форпост Волжской Булгарии, впоследствии функция «границы/пограничья» стала использоваться скорее для маркирования «диалога» Запада и Востока, татарской и русской культур. Следующий опыт-код – быть Центром Православным, Мусульманским, Торговым, Промышленным, Политическим, Национальным, Культурно-Просветительским, Спортивным (речь идет о 2000-х гг.). Казань на протяжении истории выступала не только в роли центра, но и Опоры, Поддержки для Московского государства (помощь чудотворной Казанской иконы в борьбе в польской интервенцией), России (во время Великой Отечественной Войны). Сегодня данный опыт трансформировался, и Казань стала своеобразной экспериментальной площадкой в Российской Федерации.

Рассмотрим ключевые культурные коды-опыты, характерные для Старо-Татарской слободы. Особенности развития данной территории связаны с историей ее формирования. Очевидно, что коды политического, православного, спортивного центра здесь отсутствуют. Функции политического центра исторически были закреплены за другими территориями. Православный центр Казани располагался по другую сторону протоки Булака.

За Старо-Татарской слободой сразу же закрепляется код национального, мусульманского и торгового центра, так как все они в той или иной степени взаимосвязаны. С момента основания слобода собирала людей по национальному признаку, хотя до рубежа XIX–XX вв. речь идет скорее о религиозной принадлежности. В этой части города селились мусульмане, именно здесь появились первые каменные мечети, типографии, национально-культурные клубы, места встреч активной молодежи. Здесь заключались торговые сделки в чайных, привозили и торговали товаром на Сенном базаре, на вырученные деньги строились купеческие особняки, доходные дома, медресе. Пиком развития слободы стал рубеж XIX–XX вв., как собственно и пик развития татарской городской культуры, татар как нации. Здесь жили знаковые для татар люди – просветители, религиозные деятели, имамы, купцы, поэты, писатели, музыканты, общественные деятели.

Национальный центр

Казань в качестве национального центра впервые фигурировала в период с 1438 по 1552 гг. – время существования Казанского ханства. После завоевания Казани Иваном Грозным татары будут выселены за Булак, где у озера Кабан будет основана слобода, ныне именуемая Старо-Татарской.

Процесс складывания татарской национальной самобытности относится ко второй половине XIX – начала XX вв. и связано с деятельностью Ш. Марджани (его называют «отцом нации» как основоположника татарской национальной идеи), с национально-культурным возрождением, джадидизмом и проектами национально-культурной автономии и государственности 1918 г.

Казань как национальный центр начинает активно позиционироваться со второй половины XIX в. Отчасти это связано с усилением Казани как мусульманского, промышленного центра. Сюда прибывает самая активная часть татар, здесь творили известные мусульманские просветители, была возможность реализоваться в торговле, промышленности. К рубежу XIX–XX вв. можно говорить о складывании татар как нации, которая активно транслирует свои ценности через периодическую печать, театр, искусство, литературу, музыку [4, с. 290–296]. В революционном 1917 г. до прихода к власти большевиков татары и другие народы России на своих национальных съездах вполне конкретно, пользуясь правом на самоопределение, заявляли о восстановлении своей утерянной государственности. Подобные попытки были и при самодержавии, хотя активность национальных движений пресекалась на корню. В большинстве случаев эта государственность мыслилась в рамках предоставления прав широчайшей автономии, в рамках федеративной и демократической России. Большинству национальных лидеров представлялось, что федерация дает для их народов больше возможностей, чем ограничений. В частности, об этом неоднократно заявлялось на всероссийских мусульманских съездах в Москве в мае 1917 г., в Казани – в июле 1917 г., во время которых татары играли роль главных организаторов и идеологов.

Следующей символической точкой являются 1990-е гг., когда на волне суверенитета в Казани идея города как национального центра получает новое развитие. Следующей вехой, ставшей точкой роста, является начало 1990-х гг. Процессы демократизации в конце 1980-х гг. вплотную подвели к проблемам национально-государственного устройства страны. В условиях роста национального самосознания, парада суверенитетов для ТАССР, как и многих других автономных республик, центральным являлся вопрос о предоставлении статуса союзной республики.

6 августа 1990 г. глава Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин сделал в Уфе заявление: «Вы возьмите ту долю власти, которую сами можете проглотить», которое в СМИ стало известно как «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Как следствие 30 августа 1990 г. на

сессии Верховного Совета ТАССР была принята Декларация о государственном суверенитете республики. Принятие документа означало преобразование ТАССР в Республику Татарстан. 30 августа стал праздником суверенитета республики.

Отражением процесса становления суверенной государственности Татарстана явилось утверждение его государственных символов. Ими стали Государственный флаг (ноябрь 1991 г.), Государственный герб (февраль 1992 г.) и Государственный гимн (август 1993 г.).

Через два месяца Верховный Совет республики назначил на 21 марта 1992 г. референдум по вопросу о ее государственном статусе. Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «О разъяснении формулировки референдума, назначенного на 21 марта 1992 г.» подчеркивало, что цель референдума состоит в подтверждении Декларации, а не в вопросе о государственном обособлении Республики Татарстан от Российской Федерации. 21 марта на референдум пришло большинство граждан, из них 61,4% на поставленный вопрос ответили положительно.

6 ноября 1992 г. на XII сессии Верховного Совета была принята Конституция Республики Татарстан. Основной закон республики придал ее суверенитету правовую форму. Конституция подтверждала многие из принципов, отраженных в Декларации о государственном суверенитете 1990 г.

Татарстан вместе с Чеченской республикой не участвовал в подписании Федеративного Договора, состоявшегося 31 марта 1992 г. Поэтому 15 февраля 1994 г. был подписан Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ.

Новый договор о разграничении полномочий между Россией и Татарстаном был подписан 24 июля 2007 г. сроком на десять лет.

По новому договору республика имеет право поддерживать развитие самобытной национальной культуры за пределами региона и иметь представительство Татарстана в Москве. Также документ закреплял право Татарстана на вкладыши в паспорта на татарском языке и требование к кандидатам на пост главы республики владеть двумя языками – русским и татарским. В совместном ведении с Москвой решение вопросов, связанных с экономическими, экологическими, культурными и иными особенностями Татарстана.

После не подписания договора с Москвой в 2017 г., потерей статуса татарского языка как обязательного к изучению в школах в 2018 г., очевидна потеря позиций Казани как национального центра по ряду пунктов [5, с. 4–6]. Но позиционирование Татарстана как успешного и передового региона России, где проходят международные события, реализуются современные проекты, по-прежнему притягивает активное население из соседних регионов. Казань остается «Меккой» для татар со всей России. Сегодня этот город окончательно превратился в место притяжения татар со

всего мира и России. Этому способствуют и культурные мероприятия, и общественные институты, такие как Всемирный конгресс татар.

В ландшафте национальный код прослеживается в зарождении светской татарской культуры, появлении Забулачной республики, полумесяца на башне Сююмбике, использовании национальной символики, айдентики.

Ключевой деятельностью Казани как национального центра является генерация (производство) и трансляция (тиражирование) новых смыслов. Национальная специфика, функции нациестроительства, актуализации идеи национальной государственности являются решающими для определения роли национального центра. На рубеже XIX–XX вв. появляются татарские газеты, журналы, типографии, Восточный клуб, зарождается национальный театр, музыка, проекты национальной государственности (Идел-Урал, ТАССР).

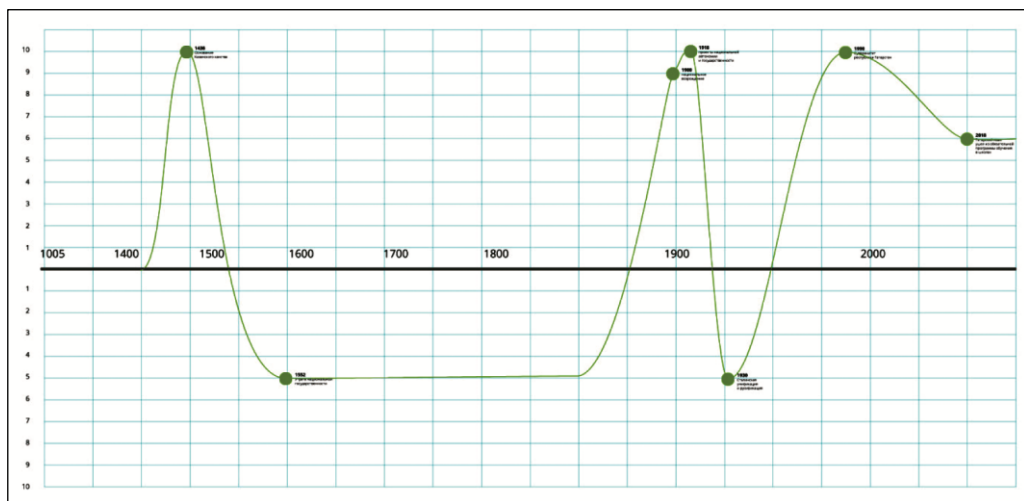

Рис. 1. Код-опыт «Национальный центр». 1438 г. – основание Казанского ханства (+10); 1552 – утрата национальной государственности (–5); рубеж XIX–XX вв. – национальное возрождение (+9); 1918 – проекты национальной автономии и государственности (+10); 1930 – сталинская унификация и русификация (смена график 1928, 1939) (–5); 1990 – суверенитет Республики Татарстан (+10); 2018 – татарский язык ушел из обязательной программы обучения в школах (+6).

Мусульманский центр

Казань выполняла функции мусульманского центра, являясь столицей Казанского ханства. Следующей важной вехой является Указ Екатерины II веротерпимости и строительство первых каменных мечетей в татарской слободе в 1767 г. В XIX в. Казань можно назвать одной из интеллектуальных столиц мусульманской России. Именно с Казанью связаны самые яркие страницы истории развития исламской религиозной мысли, философии, мусульманского образования, книгопечатания. В Казани жили и тво-

рили выдающиеся богословы и деятели, имена которых являются достоянием мировой истории Ислама – Шигабутдин Марджани, Ризаэтдин Фахретдин, Муса Бигиев, Галимджан Баруди.

Казань является столицей региона, во многих отношениях представляющего собой образец реализации важнейших исламских ценностей. В 1917 г. открылся Первый Всероссийский съезд мусульманок в Казани и в этом смысле город выступает как центр, задающий определенные правила. В начале 1990 гг. религиозное возрождение выразилось в возвращении минаретов в ландшафт города, Духовное управление мусульман Республики Татарстан с 1998 г. вытеснило Центральное духовное управление мусульман России. В Казани современное исламоведение переживает уникальный период времени. «С одной стороны довольно много структур, которые занимаются этим профессионально, наблюдается интерес к нему на уровне визуальных кодов, но вместе с тем ряд специалистов не востребовано и нет разнообразия с профессиональных исследований», – пишет исследователь Ислама Альфрид Бустанов [6, с. 1].

В 2016 г. Казань выбрали в качестве пилотного региона для запуска исламского банкинга. За это право республика боролась с Чечней. Исламский банкинг подразумевает принципы партнерского финансирования, широко применяемые во многих странах Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока – Малайзии, Объединенных Арабских Эмиратах, Бахрейне. Речь идет о беспроцентном кредитовании.

В Казани начали работу для привлечения туристов из мусульманских стран, запустив программу «Халяль-френдли» – в городе действуют четыре отеля, предоставляющих халяль-услуги: питание, молельные комнаты, Коран, обслуживание и сервис по нормам шариата. Это «Олимп», «Ногай», «Релита» и «Корстон». Считается, что здесь созданы комфортные условия для проживания мусульман. Ранее Info Islam публиковал результаты опросов, согласно которым 84% мусульман чувствуют себя в республике уютно и спокойно. В свою очередь отношение других конфессий и проживающих в Казани людей к мусульманам положительное – так считает более 80% населения [7, с. 1].

Казань стремится и сегодня выполнять роль исламского центра не только для региона, но и для всей страны. В ландшафте код мусульманский центр проявился в строительстве мечетей, медресе, утверждении системы татарских слобод. В деятельности речь идет о просвещении, издании книг, создании научных трудов, школ, типографий (начало XX в.), коммуникация с Другими, создание торговых, религиозных, просветительских представительств (с мусульманским кодом) в российском пространстве.

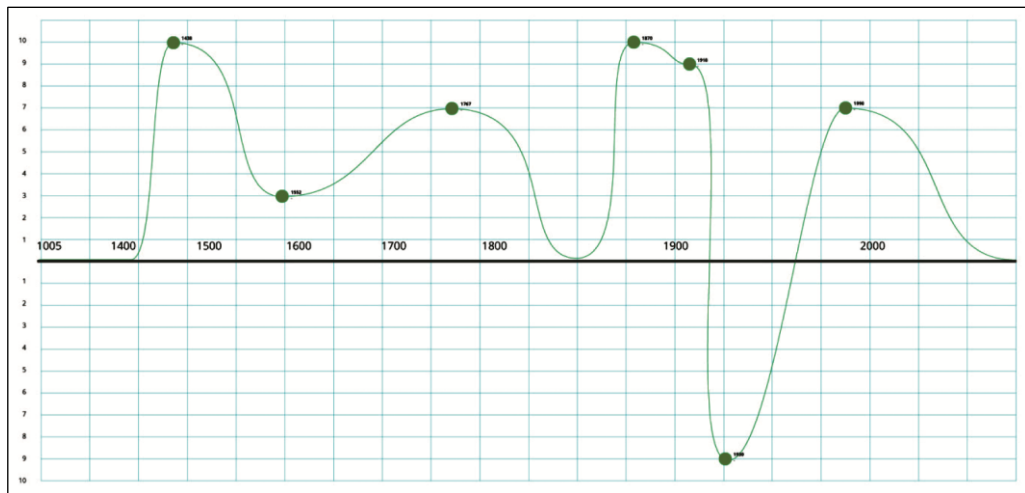

Рис. 2. Код-опыт «Мусульманский центр». 1438 г. – Казань как мусульманский центр (+10); 1552 – основание Старо-Татарской слободы (+3); 1767 – строительство каменных мечетей (+7); 1870 – религиозно-реформаторские идеи Ш.Марджани (+10); 1918 – съезды мусульман и мусульманок (+9); 1930 – разрушение мечетей (-9); н. 1990 – религиозное возрождение (возвращение минаретов, в 1998 г. ДУМ РТ вытесняет Центральное духовное управление мусульман России); конец XX в. – начало строительства мечети Кул Шариф (+7).

Торговый центр

Торговая деятельность Казани определяется географическим положением и ландшафтом города. Город расположен на Волге, чуть севернее от места впадения Камы, на территории издавна считавшейся посреднической зоной между путями Европы и Азии, Юга и Севера. Торговая деятельность определяет роль Казани как логистического центра и транзитной точки.

Отправной вехой можно считать дату основания Казани, когда зарождается торговля в небольшом городе-крепости. 1438 г. – по одной из периодизаций дата основания Казанского ханства – условно считаем наивысшей точкой проявления торгового кода Казани. В этот период Казань поддерживала торговые отношения с ближайшими соседями, странами Запада и Востока. Привлекательность Казанской ярмарки обусловило стремление московских царей поставить под контроль торговые пути и денежный поток, которые шли через Казанское ханство. С целью ослабить позиции Казани в международной торговле была основана ярмарка в городе Васильсурск, затем переехавшая близ Макарьевского монастыря.

В 1552 г. происходит смена «хозяина» рынка. Ввиду Казанских войн и восстаний середины XVI в., последовавших после присоединения Казани, торговля явно переживала кризис. В XVII в. некогда главный конку-

рент Казанской ярмарки – Макарьевская, считается теперь одним из крупных торговых центров России. Однако Казань будет сохранять посредническую роль в торговле со Средней Азией в течение следующих столетий.

Конец XIX в. – важная веха в развитии Казани как торгового центра. Оформляется синтез промышленности и торговли, реализованный в новом формате выставки (Торгово-промышленная выставка 1890 г.).

После революционных событий будет положено начало национализации и сворачивания торговых отношений. Сворачивание НЭПа, переход к политике коллективизации и индустриализации стало утратой торговой деятельности в Казани.

В результате перестроечных реформ и шоковой терапии начала 1990-х гг. меняется экономическая ситуация во всей стране. Новой чертой в торговом коде Казани становятся спортивные мероприятия международного уровня (Универсиада 2013 г., Чемпионат мира по Водным видам спорта 2017 г., Чемпионат мира по футболу 2018 г.).

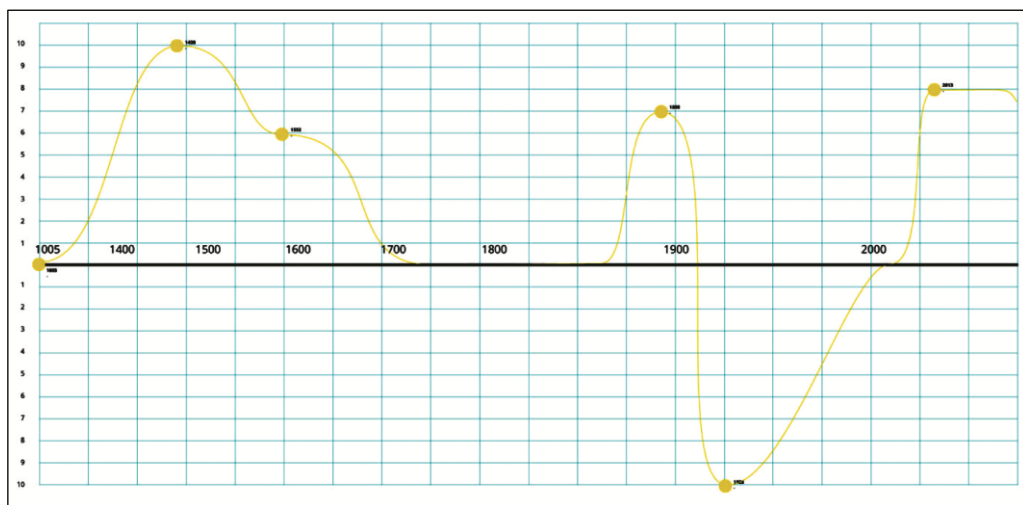

Рис. 3. Код-опыт «Торговый центр». 1005 г. – основание города Казани (0); 1438 – основание Казанского ханства (+10); 1552 – основание Макарьевской ярмарки – будущий конкурент Казани (1523 Васильсурск) (+6); 1890 – Торгово-промышленная выставка (рубеж XIX–XX вв.), сосредоточение торгового (национального) капитала (+7); 1928 – свертывание НЭПа, коллективизация и индустриализация (–10); 2013 – XXVII Всемирная летняя Универсиада (+8).

Переплетение трех культурных кодов: национального, мусульманского, торгового характеризовало устойчивое развитие не только города Казани, но и Старо-Татарской слободы в частности.

Сегодня национальный код отчасти поддерживается проводимыми мероприятиями, (например фестиваль татарской культуры *Печән базары*), татарским академическим драматическим театром им. Г. Камала, музеями,

наличием татарского общепита, действующими мечетями. Но Старо-Татарская слобода – это скорее символическое место, являющее для современных татар своеобразным местом памяти, местом истории, культуры, поддерживающим идентичность. Благодаря сохранившимся домам, мечетям современный человек может сконструировать свою историю, ощутить близость к своим предкам. Слобода стала скорее памятником, нежели живым организмом, транслирующим культурные коды.

С изменением исторической ситуации и политической конъюнктуры, программы расселения исторического центра, произошло размывание населения, и оно перестало быть религиозно и этнически гомогенным. Культурный опыт-код быть торговым центром уже не актуален и требует переосмысления. Слобода перестала быть центром татарской нации, культуры, однако в этом направлении ведется работа. Скорее можно говорить о наличии нескольких центров в городе, что, на наш взгляд, является более интересным и плодотворным. Такая же ситуация с мусульманским культурным кодом.

Пожалуй, на сегодняшний день лишь участок ул. Парижской коммуны от ул. Московской до ул. Г. Тукая сохранил и переинтерпретировал культурные коды Старо-Татарской слободы. Здесь стоит действующая мечеть (Сенная/Нурулла) с магазинами на первом этаже, работают кафе, маленькие магазины, где идет бойкая торговля «национальными», «мусульманскими» товарами, располагается музей Чак–Чака, популяризирующий татарскую культуру. Здесь собственники лично знают друг друга, и складывается ощущение близости к татарским традициям, уюта, дома, аутентичности, поскольку он живет и действует вне зависимости от туристического потока. В доме Апакова фактически сохраняется функционал начала XX в.. Если в прошлом веке здесь располагалась текстильная мастерская, то сегодня здесь продаются тюбетейки, калфаки. – это магазин мусульманской одежды. Таким образом, несмотря на неполную сохранность внешнего облика, точечную перестройку и застройку данного квартала, дух места, его уклад сохранились.

Сегодня пространство Старо-Татарской слободы можно условно разделить на несколько зон, в зависимости от образа, который создается и транслируется вовне. К первой относится ул. К. Насыри – официальный портрет «казанских татар», то, как представляет их правительство Республики Татарстан и казанские интеллектуалы. Это скорее образ, сконструированный «сверху». Фактически был создан некий собирательный образ татарина как Другого, яркого, самобытного, но не Чужого/Чуждого. Это – красивая картинка, но вместе с тем практически утрачен дух места. Данная территория стала туристическим объектом, но даже последними воспринимается скорее как памятник-музей. Важно обсудить «оживление» данной территории с точки зрения основных культурных кодов. Ведь именно сочетание мусульманского, национального, торгового, а позднее и промышленного привело слободу к пику ее развития.

Вторая зона – это взгляд на Старо-Татарскую слободу «снизу», ничем внешне не регламентируемый, но определяемый скорее основными видами деятельности. Ярким примером является уже упоминавшаяся улица Парижской коммуны. Независимо от внешних экспертов и политической воли, улица живет по своим законам и потребностям. Основной ее культурный код мусульманский, а не национальный, поскольку почти все офисы или магазины так или иначе связаны с Исламом и его современной интерпретацией. Третью зону составляют кварталы, в которых прежний смысл либо стерт, либо не проявлен в достаточной мере. На сегодняшний день ни у администрации, ни у жителей города нет видения этой территории.

Будущее развитие данного места видится в диалоге власти и людей, жителей и интеллектуалов, собственников и потребителей. Старо-Татарская слобода была одной из ярких территорий, формирующих дух города. Ее переосмысление сегодня наполнит особым колоритом город и позволит найти баланс между сохранением наследия и ответом на современные запросы, усилит уникальность в процессе глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазычев В.Л. Город без границ. М.: Территория будущего, 2011. 398 с.
2. Рапай К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему перевод с английского У. Саламатова. М.: Альпина Паблишер, 2015. 168 с.
3. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, 2003. 512 с.
4. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татар. кн. Изд-во, 2011. 343 с.
5. Исхаков Д.М. Будущее татарской нации // Современная татарская нация: концептуальные исследования. Казань: Институт истории им Ш. Марджани АН РТ, 2007. 247 с.
6. Бустанов А. Если без сарказма, то Казань перестала быть исламоведческим центром. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/426665> (дата обращения: 25.08.2019).
7. Мухаметшина Г. Почему Казань – мусульманская столица России? URL: http://www.info-islam.ru/publ/jandeks_novosti/pochemu_kazan_musulmanskaja_stolica_rossii/35-1-0-39069 (дата обращения: 25.08.2019).

Сведения об авторе: Дусаева Энже Мидхатовна – кандидат культурологии, доцент, Казанский федеральный университет (420008, ул. Пушкина, 1/55, Казань, Российская Федерация); edusaeva@gmail.com

CULTURAL CODES OF THE OLD TATAR QUARTER

E.M. Dusaeva

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
edusaeva@gmail.com*

Today, Kazan faces the issues of heritage preservation, choosing vectors of development, and the correlation of symbolic and physical space. The important point is to construct its identity in the context of globalization. As a result of the presented research, the cultural codes were investigated from the perspective of the types of activity specific to a given territory, i.e. a set of recurring events throughout history.

The Old Tatar Quarter (Staro-Tatarskaya Sloboda) was one of the remarkable territories, which formed the spirit of the city. It is characterized by the national, Muslim, and commercial cultural codes, based on the experience that this territory has gained over time in the conditions of the given landscape and established kinds of activities.

At present, the space of the Old Tatar Quarter can be conditionally divided into several zones, depending on the image that is created and transmitted outwards. This image is constructed via “top-down” and “bottom-up” perception and a zone with an erased meaning. Rethinking the territory of the Old Tatar Quarter will fill the city with a special flavor and will allow finding a balance between preserving the heritage and responding to contemporary requests, and will strengthen uniqueness in the globalization process.

Keywords: Tatar culture, Kazan, cultural code, urban studies, the spirit of a place, the soul of the city

For citation: Dusaeva E.M. Cultural codes of the Old Tatar Quarter. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 206–218. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.206-218

REFERENCES

1. Glazychev V.L. *Gorod bez granits* [City with No Borders]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2011. 398 p. (In Russian)
2. Rapaille C. *The culture code: An ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do*. Broadway Books, 2006. (Russ. ed.: Rapaj K. *Kul'turnyj kod: Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu*. Transl. by U. Salamatova. Moscow, Alpina Publisher, 2015. 168 p. (In Russian)
3. Kononenko B.I. *Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii* [Unabridged explanatory dictionary]. Moscow, Veche Publ., 2003. 512 p. (In Russian)
4. Friderih M. *Gabdulla Tukaj kak ob'ekt ideologicheskoy bor'by* [Gabdullah Tukaj as an object of ideological battle]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2011. 343 p.
5. Iskhakov D.M. *Budushchee tatarskoj nacji* [The future of the Tatar nation] // *Sovremennaya tatarskaya naciya: konceptual'nye issledovaniya* [Contemporary Tatar

nation: Conceptual studies]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, RT Academy of Science, 2007. 247 p.

6. Bustanov A. *Esli bez sarkazma, to Kazan' perestala byt' islamovedcheskim centrom* [Sarcasm put aside, Kazan is no more the centre of Islamic studies]. (In Russian) Available at: <https://m.business-gazeta.ru/article/426665> (accessed 25.08.2019).

7. Muhametshina G. *Pochemu Kazan' – musul'manskaya stolica Rossii?* [Why is Kazan the Muslim capital of Russia]. (In Russian) Available at: http://www.info-islam.ru/publ/jandeks_novosti/pochemu_kazan_musulmanskaja_stolica_rossii/35-1-0-39069 (accessed 25.08.2019).

About the author: Enzhe M. Dusaeva is a Candidate of Science (Cultural Studies), Associate Professor, Kazan Federal University (1/55, Pushkin St., Kazan 420008, Russian Federation); edusaeva@gmail.com

НЕИЗВЕСТНЫЕ МЕЧЕТИ СТАРО-ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ.

Г.Н. Айдарова-Волкова

*Казанский государственный архитектурно-
строительный университет
Казань, Российская Федерация
aidagalnik@mail.ru*

Работа посвящена исследованию казанских мечетей первых веков российского периода. Актуальность темы связана с ее недостаточной разработанностью с точки зрения истории и теории архитектуры. Для решения обозначенной проблемы требуются новые источники и подходы к исследованию мусульманской архитектуры второй половины XVI – первой половины XVIII вв. – периода запрета на строительство мечетей. На основе сводного анализа летописных, картографических, архивных и историко-архитектурных источников установлено, что после «казанского взятия» в Казани и в других поселениях бывшего Казанского ханства сохранялись старинные мечети и нелегально, эпизодически строились новые. Для обозначения вновь построенных мечетей автором вводится термин «нелегальная мечеть», понимаемый как тип мечети с сокращенной социально-функциональной и эстетической программой, построенной без разрешения властей. Показано, что в отдельных случаях выборные представители татар добивались разрешения на строительство мечетей еще до легализации ислама в начале и в середине XVIII в. Выявлены некоторые типологические признаки нелегальных мечетей Старо-Татарской слободы.

Ключевые слова: архитектура нелегальных мечетей, Татарские слободы, Казань, XVI–XVIII вв.

Для цитирования: Айдарова-Волкова Г.Н. Известные мечети Старо-Татарской слободы второй половины XVI – первой половины XVIII вв. // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 219–234. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.219-234

Как известно, первые казанские легальные мечети в Старо-Татарской слободе – Марджани и Апанаевская – появились только во второй половине XVIII в. (1767 г.). Со второй половины XVI в. строительство и само существование мечетей находилось под негласным запретом. В болгарский и казанский периоды сформировались архитектурно-градостроительные традиции, сложилась типология мусульманских культовых и общественных зданий. На основе аналогов болгарской, касимовской и синхронной крымской культовой архитектуры можно полагать, что типология мечетей ханского периода включала главную мечеть страны Джума-Джами,

ханскую мечеть Хан-Джами, соборные джума-мечети, квартальные и поминальные (тюрбе) мечети, медресе, ханаки, бани и другие общественные здания. Исходя из традиций, которые сформировались в Волжской и Золотоордынской Булгарии и во взаимодействии с культурами, с которыми контактировала ханская Казань, можно сделать предположение о существовании объемно-пространственных типов мечетей, характерных для болгаро-татарских, турецких, центрально-азиатских, африканских, закавказских городов исламского мира. Это многоколонные и базиликальные центрично-купольные и многокупольные мечети ярусного типа, состоящие из четвериков и восьмериков с шатровым или купольным покрытием, а также срубно-деревянные мечети. Конструктивные особенности заключались в широком использовании природного камня-известняка, дерева (сосна), обожжённого кирпича. Минареты могли иметь круглостовольную или восьмигранную форму, или пирамидальные формы, сочетающие четверики и восьмерики, четверики, восьмерики и цилиндры с купольными или шатровыми крышами. Количество и расположение минаретов: наземные (угловые или отдельностоящие), надкровельные, врезанные в двускатные или многоскатные крыши, декоративные. Со второй половины XVI в. строительство разнообразных типов монументальных мечетей и мусульманских общественных зданий прекращается. Существующие здания перестраиваются или используются по новому назначению. Сегодня их остатки следует искать в подземных и наземных слоях старинных зданий Казани XVI–XVIII вв.

Расположение и границы Старо-Татарской слободы

Со второй половины XVI в. в Казани нелегальные мечети строились в татарских слободах. В ханской Казани за стенами забулачного острога в верхнем течении речки Булак располагалась Кураишева слобода, туда и переселилась значительная часть казанцев, не принявших христианства. В источнике XVI в. «Список с писцовых книг по г.Казани с уездом 1566–1568 гг.» обозначено местоположение Кураишевой слободы в верхнем течении Булака возле старинного татарского кладбища и Отучевой мечети. При этом о Кураишевой слободе говорится в прошедшем времени, в настоящем же упоминаются другие слободы, расположившиеся за Булаком, в том числе и Татарская [14, с. 42].

Возникновение Кураишевой слободы – это тайна, которая еще ждет своего исследования. Известно, что курайшитами в доисламской Аравии назывались люди из числа могущественного мекканского рода высшего духовенства, к которому принадлежал сам Пророк. После завоевания Мухаммадом Мекки часть курайшитов приняла ислам, другая, значительная рассеялась за пределами Аравийского полуострова. Арабские столкновения на Кавказе (в Армении) и в Хазарии в 653 г. могли являться одним из путей проникновения ислама и оседания его носителей на берегах Волги.

В их числе могли оказаться представители рода курайшитов (всего средневековые арабские ученые насчитывали 25 родов (батн) курайшитов» [5, с. 47, 175]. Н.Ф. Калинин, говоря о Кураишевой слободе, дает свое пояснение, не противоречащее нашей гипотезе: «Курайш – аристократический род духовенства, от которого вели свое происхождение главы казанского духовенства» [4].

Местоположение Кураишевой слободы указано в другом источнике 1555 г. Это грамота казанскому архиепископу Гурию на земли и рыбные ловли в Казанском уезде. Среди деревень, пожалованных казанскому Архиепископскому дому, указываются: «... да за булаком *на Кураишеве* от острогу вверх по Булаку на 100 дворов крестьянских... да ему дан огород у проломных ворот от острога под татарским кладбищем в подгорье, вверх по Булаку *против Кураишева*» [3, с. 3–4].

Термин «Татарская слобода» впервые упоминается в Писцовой книге 1566–68 гг. Там же указывается ее расположение: «Да за Булаком на Кабане озере слобода Татарская, а в слободе прикашики, дети боярские, казанские жильцы Артемий Староемко. Всего 4 двора, да двор пуст, что был прикашиков же Григория Фефилова, да 150 дворов татарских и чувашских и летом многие дворы стоят порозжи и сказали, ...что Татарове и Чуваши приезжают жить зимою или в заворошню, и тогда де их живут в одном дворе семей по десяти, а в ином дворе и больше десяти семей» [14, с. 53].

Из обозначенного выше следует, что во второй половине XVI в. слободы Кураишева в верхнем течении Булака по его левой стороне и ее продолжение -Татарская на левом берегу Кабана – являлись по сути одной Татарской (Старо-Татарской) слободой. Постепенно образовалось еще несколько татарских слобод за Кабаном: в XVII в. – Новокрещенская (улица Захарьевская), в XVIII в. – Мещанская (улица Екатерининская-Тукаевская). Две бывшие татарские деревни с новыми русскими названиями Плетени и Поповка влились в Татарские слободы. В конце XVIII в. они образовали городское предместье. Новая Татарская слобода образовалась после Уразметова пожара в 1714 г. Потомки бежавших от крещения казанцев возвращались по мере улаживания межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Первыми поселились мурзы с правого берега Волги. Первоначально слобода по своему составу жителей была мелкодворянской. Она через татарское кладбище, образовавшееся, вероятно, в конце XVII – начале XVIII вв., планировочно объединилась с Плетенями и Поповкой, заселенными к середине XVIII в. татарским населением [17, с. 42].

Анализ источников показывает, что северная граница Кураишевой слободы проходила примерно южнее старинного татарского кладбища, располагавшегося примерно недалеко от места, где позднее возник Сенной базар. В XVII в. южная граница Татарской (Новокрещенской) слободы еще не доходила до Плетеней; между слободой и селом Плетени располагался луг. Об этом имеется историческое свидетельство. Это грамота 1684 г.: «Дело об огороднем месте» слободского татарина Ишмамента

Шангурина говорится: «Около татарской слободы поставлен острог, за острогом по сю сторону от села Плетени огородили огороды...за татарским острогом, за полевыми воротами по луговой дороге» [10, с. 29].

В XVI–XVII вв. Татарская слобода была огорожена собственными острожными стенами и называлась «Татарский острог». С запада к нему примыкали огороды: архиепископские, огороды преображенского монастыря и Татарской слободы. Они оставались здесь до конца XVII в. Есть основания полагать, что планировка и застройка Татарской слободы в значительной степени сохраняла некоторые планировочные принципы, элементы застройки бывшей Кураишевой слободы. Впервые попытка реконструировать основные принципы планировки Татарской слободы второй половины XVI в. была предпринята В.В. Егеревым. На основе анализа более поздних планировок татарских деревень он выявил три планировочных элемента: 1) магистральные дороги-улицы, 2) переулки и подъезды, 3) тупики или концы, связывающие отдельные дома в группы по родственному признаку [8, с. 69–70]. Согласно авторской реконструкции основными структурными элементами планировки являлись несколько транзитных улиц, нерегулярные по своей трассировке, к которым выходили огороженные и неправильные по форме кварталы и такие же нерегулярные небольшие межквартальные пространства (пустыри, болота, перелески). Внутри огороженных кварталов были криволинейные улочки, тупики, переулки, ведущие к отдельным усадьбам. Периметр средневекового квартала формировался высокими заборами, вся частная и общественная жизнь была обращена внутрь квартала. Снаружи квартал окружали огороды, выгоны для скота, бесхозные территории, прилегающие к транзитным дорогам – «улицам», соединяющим такие кварталы [2, с. 16–17].

Нелегальные мечети второй половины XVI–XVII вв.

Через 14–15 лет после «казанского взятия» в Казанском кремле и в посаде по сведениям Писцовой книги сохранялось немало капитальных зданий ханского времени. Они перечислены как «мизгити», «мечети», «бывшие мечети», «Муралеева мизгить», «мизгить, что была Муралеева», «Мечеть у царского строго двора», «Мечеть против Благовещения», а также другие капитальные здания («полаты»): «против Благовещения полата», «у царского двора полата», «у старого царевского двора малая полата», «Муралеевская полата». В посаде упоминаются и другие объекты ханского времени: две бани на Булаке, баня на «Поганом озерке». На Арском поле особо упоминается двор татарский с таможенной избой за старым острогом против острожных Арских ворот. В Татарской (Кураишевой) слободе сохранялись еще старинные мечети ханского времени. Известно, что в Кураишевой слободе стояла мечеть князя Отуча («Утучева мизгить»). Вероятнее всего, она была каменной, иначе бы не сохранилась во время боевых действий. О том, что Отучева мечеть сохранялась через 15 лет после Казанской войны,

говорится в Писцовой книге 1566–68 гг., где сказано, что в верхнем течении Булака в Татарской заострожной слободе «Ворота острожные Кураишевские к Утучевской мизгити, против татарские заострожные слободы» [14, с. 49–50]. По картографическим источникам (Геометрическая карта Казанской губернии) известно, что до конца XVIII в. у подножия западных стен Кремля сохранялась и Даирова баня.

Что стало с Отучевой мечетью? Вероятно, она какое-то время стояла полуразрушенная, в запустении, а потом либо была перестроена в церковь, либо постепенно разобрана на материал для новых построек. Мировая практика показывает, что в завоеванных городах культовые объекты приспособлялись или перестраивались под иные вероисповедания путем смены религиозной символики (крест на полумесяц или наоборот), пристраивания отдельных канонических элементов (минарет, алтарь), радикальной перестройки (надстройки куполов, пристройки входных порталов и др.). Исторической закономерностью является повсеместное использование сакрально чистых (намоленных) мест религиозных объектов. В Константинополе (Стамбуле) православный храм Святой Софии, церковь Св. Феодосии и многие другие церкви были обращены в мечети; Кордовская мечеть – в церковь; церкви Валенсии, Болгарии – в мечети, а затем снова в церкви. Эти процессы характерны и для нашего времени (Германия).

Источником для определения места расположения Отучевой мечети могут служить картографические материалы. Анализ известного дорегулярного плана этой части Казани 1730 г. показывает, что от Кураишевых ворот шла прямая широкая дорога-улица, вблизи от которой в XVII–XVIII вв. стояли три церкви – Московских чудотворцев, Смоленско-Варлаамской иконы Божией Матери и Тихвинской иконы Божией матери. Все три – вблизи от старинного татарского кладбища. Возможно, одна из них представляла собой перестроенную Отучеву мечеть. Все перечисленные церкви имели общие признаки объемно-пространственного построения, основанного на сочетании четверика, восьмерика и купола. Церкви типа «восьмерик на четверике» получили распространение в русской архитектуре, начиная со второй половины XVI в., и особенно широко утвердились в Казанской губернии в XVI–XVIII вв. в рамках регионального варианта русского узорочья и барокко.

Несомненно, все три церкви не раз перестраивались. Они содержат стилевые элементы XVI–XVIII вв., аналогичные, например, Гостинодворской церкви Казани. Церковь Варлаамия Хутынского не сохранилась. В ее композиции четко проявилась конструктивная основа, состоящая из двухэтажного четверика и высокого восьмерика, крытого низким куполом с декоративной маковкой. Колокольня состояла из высокого четверика и двух убывающих по высоте восьмериков с аналогичной купольной крышей. Из трех церквей ближе к посадским Кураишевским воротам находились церкви Московских чудотворцев и Тихвинская. Обе они были выдержаны в тех же конструктивных и стилевых формах с учетом некоторых различий в про-

порциях и декоративных деталях. Церковь Московских чудотворцев имеет неканоничное расположение колокольни – с северной, а не с западной стороны. Церковь Тихвинская не имеет достоверной даты строительства. Известна только дата повторного освящения. Это вполне возможно и для двух других церквей, так как их возобновление после очередных пожаров и их повторное освящение не редко фиксировалось как дата строительства.

а)

б)

в)

Рис. 1. Церкви, на местах которых могла размещаться Отучева мечеть:
а) Церковь Московских чудотворцев (фото В. Павлова); б) Тихвинская церковь (фото И. Алексева); в) Смоленско-Варлаамская церковь (фото В. Шмелева).

Есть основания полагать, что Отучева мечеть могла представлять собой тип компактной центрично-купольной мечети, состоящей из куба, опирающегося на него низкого глухого восьмерика, покрытого полусферическим куполом или восьмигранным шатром. Мечеть могла иметь отдельностоящий или угловой минарет. Традиция строения таких зданий восходит к архитектуре Черной палаты в Булгаре. Мечети такого типа имели синхронное распространение в Крыму (в селе Колеч, Крым, Алуште, Евпатории).

В Татарской (Кураишевой) слободе могли еще долго сохраняться некоторые мечети и мавзолеи на старинном Кураишевском кладбище. Это предположение возникает на основе некоторых данных о двух разобранных в 1790 г. на кирпич гробницах, находившихся возле старинной церкви Живоначальной троицы в Ямских слободах (случай неслыханный для православного обычая). Через три года полученные таким образом 13 тысяч кирпичей с четырьмя решетками и гробничное железо было продано. Из этого следует, что гробницы (мавзолеи?) были не маленькие [9]. По данным И. Георги (1799 г.) в Казани татары имели две знатные слободы, в одной находятся две каменные молебные храмины и оставшиеся от прежних еще времен высокие и круглые башни, а в другой построены две деревянные «молебные храмины» [7, с. 9]. Возможно, речь идет о минаретах мечетей, оставшихся с ханского времени.

Анализ панорамных изображений Казани первой и второй половины XVII в. дает основания полагать, что в начале и в конце XVII в. в казанском Забулачном посаде, вероятно, еще стояли некоторые старые мечети эпохи Казанского ханства. Возможно, они стояли «в запустении» в разрухе, восстанавливать их не разрешалось. На панораме Казани, опубликованной А. Олеарием (примерно 1630-е гг.), за пределами острожных стен забулачного посада показаны жилые и культовые здания Татарской слободы: одна мечеть, похожая на деревянную с остроконечным минаретом на крыше. Некоторые монументальные здания, похожие на церкви не имеют крестов, другие похожи на мечети с надкровельным минаретом. Анализ гравюр панорамных видов городов Среднего Поволжья, сделанных чертежником, сопровождавшем А. Олеария, отражает бытование необычных зданий, напоминающих мечети. На видах Козмодемьянска, Тетюш довольно отчетливо видны несколько типов мечетей: 1) базиликальные с отдельно стоящим минаретом, скатной крышей (Козмодемьянск); 2) мечеть с минаретом на скатной крыше; 3) мечеть с угловым минаретом и плоской крышей. Строение, необычное для церковной архитектуры, похожее на мечеть, показано А. Олеарием на панораме Козмодемьянска. Три, объединенные в одно здание, однефные базилики, с двускатными крышами, четырьмя минаретами на них: один с шатровым и три с купольным покрытием [15].

Можно утверждать, что во второй половине XVI–XVII вв. мечети в Татарской слободе строились и восстанавливались. Внешняя политика не способствовала этому, запреты были неофициальными, но практикова-

лись. В 1570 г. посол Ивана Грозного пишет султану Селиму Сулейману в Константинополь: «Мой Государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его царь Саин Булат господствует в Касимове, царевичи Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья Ногайские в Романове; все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях». Вместе с тем уже в 1592 г. казанский митрополит Гермоген пишет царю Федору: «Сорок лет от Казанского взятия не бывали мечети в Татарской слободе, а ныне учинили мечети ставить близко посаду на лучной выстреле». На что царь Федор ответил, что это «...сделалось вашим воеводским небрежением и оплошкою, как есть сбрендили, что прежде мечети татарские от взятия до вас не бывали и вы б мечети татарские посметали и впредь татарам мечети однолично ставить не велели» [11, с. 5–6].

Анализ различных материалов показывает, что данный указ не выполнялся. Так, например, в 1744 г. при описи мечетей Казанской губернии (еще до легализации ислама) их было 536, причем одни из них были построены до взятия, а другие после взятия Казани [18, с. 59]. Возможно, это было лишь поспешное восстановление каменных, разрушенных казанской войной, старых мечетей. Новые же нелегальные (незаконные) мечети были без минаретов, возводились в простейших деревянных конструкциях. Их можно отнести к типу архаичных мечетей, имевших распространение в небогатых селах, которые по существу не выделялись среди массовой деревянной жилой застройки. По сведениям И. Георги 1799 г. «молебные храмины в деревнях походят на самые худые хижины, у которых вместо башен (минаретов – прим. авт.) сделаны перилы и с сего места кликает пономарь мирян на молитву». «Худые жилища» же жилища «скудных людей» состоят из одной избы, дверь которой вышла на улицу и с плоской крышей – вид четвероугольника» [7, с. 9]. Таким образом, самая простейшая нелегальная мечеть представляла собой срубную клеть без сеней с плоской крышей или с двускатной крышей и с люком вместо минарета.

В самых экстремальных условиях на молитву собирались в обычном доме уважаемого человека, старейшины рода или муллы. Имеются сведения, что мечеть татар-отступников от православия занимала вторую половину дома муллы, то есть в доме из двух клеток, соединенных сенями, одна служила мечетью, другая – жилищем. Допускать бытование такого типа можно на основании более поздних нелегальных мечетей крещеных татар, отпавших от христианства уже после легализации ислама в конце XVIII–XIX вв. [12].

Если социальные условия конкретной местности позволяли полулегальное бытование мечетей или селение находилось далеко от миссионерских центров, то такая простейшая мечеть могла иметь некоторые дополнительные элементы объемно-планировочного решения: сени и угловой минарет, заменяющий открытую лестницу на крышу (подобный тип есть в изображении панорамы Козмодемьянска А. Олеария, 1639 г.).

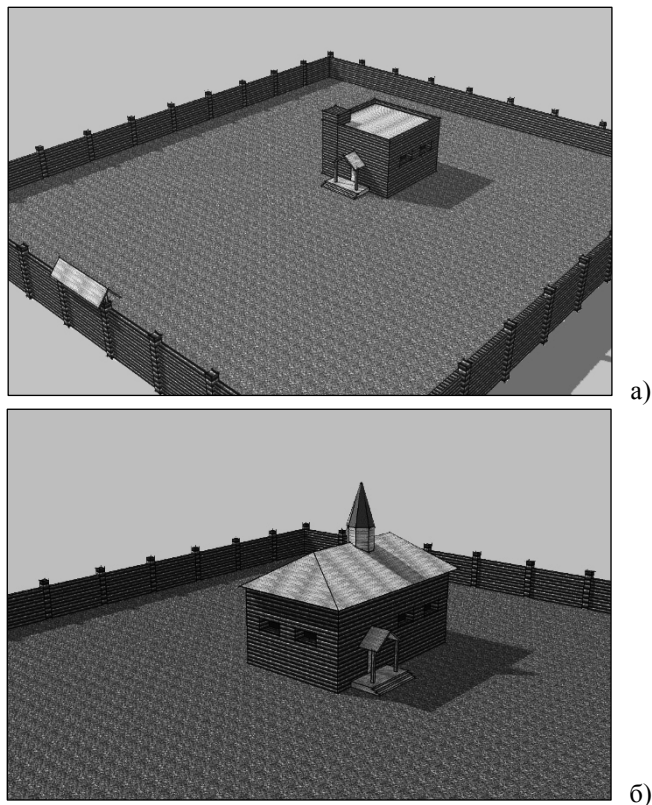

Рис. 2. Нелегальные мечети. Опыт графической реконструкции по иконографическим источникам XVI–XVIII вв.:
а) с приставной лестницей вместо минарета;
б) с низким надкровельным минаретом (изображения автора).

Разрешенные мечети начала XVIII в.

Настойчивость мусульман татарских слобод имела свои положительные последствия. В 1736 г. вышел Указ «О непостроении вновь мечетей», «дабы впредь без особых указов Сената мечетей не строить...разве вместо самых обветшалых по освидетельствованию духовной власти, что они подлинно обветшали, на том же месте, где была прежняя...в отдалении от новокрещен» [18, с. 16]. В 1741 г. в Татарской слободе было пять уже мечетей [18, с. 21]. В 1742 г. по челобитной (прошению) от выборных ясашных татар (Исмаилова, Айтуганова, Мухаммедова и др.) к императрице Елизавете, подписанному арабской каллиграфией говорилось: «Предания лет пристны благоверныя памяти великого царя Иоанна Васильевича и после взятия названного при дедах и прадедах, когда наши по нашему мусульманскому закону имелись и ныне имеются для моления и приидо к присяги построенные мечети...» [18, с. 21]. Из этого следует, что мечети

существовали до 1742 г. Это подтверждается и другим документом. Имеются некоторые архивные и исторические сведения о том, что «законная» мечеть, возможно, существовала в Татарской слободе еще в 1712 г. В фонде № 131 «Посольский приказ, татарские дела» РГАДА хранится документ от 7 января 1712 г.: «Дело по челобитию переводчиков и толмачей Рамазана Тевкелева с товарищами о бытии в Татарской мечети Абызом Казанскому татарину Ашир Кадыеву» (РГАДА, ф.131, оп.1). Из чего следует, что мечеть в 1712 г. уже стояла [19]. Есть упоминание и о некоей мечети, стоявшей в 1726 г. Возможно, это сведения об одной и той же мечети.

В течение нескольких лет то разрешали, то запрещали строительство мечети. Согласно Указу от 22 июня 1744 г., был установлен правительственный контроль над этим процессом, а также регламенты по месту возведения, порядку устройства и вместимости мечетей. В 1744 г. Сенат разрешил построить две мечети в Татарской слободе, а Указом Сената 1759 г. в Поповке (одну, но вскоре мусульмане добились того, что построили и вторую).

В 1767 г. Екатерина II по прошению служилого татарина Исаия Измайлова разрешила построить еще две мечети в Татарской слободе. Проситель в челобитной сообщал, что в результате пожара 1756 г., в котором сгорела их Татарская слобода, они лишились своих мечетей и что на погоревших местах новые мечети ставить запретили. А на месте одной из сгоревших мечетей построили деревянную греческую церковь и населили слободу русскими, татар же выселяли в новую слободу (Поповку). В Старой же Татарской слободе осталась одна деревянная мечеть «весьма малая и ветхая» [11, с. 13]. Из этого опубликованного в 1867 г. Е. Маловым документа можно заключить следующее. 1) Мечетей до пожара 1756 г. в Старой Татарской слободе было несколько, не менее трех. Все они или почти все, вероятно, были деревянными. 2) После разрешения Екатерины II на строительство новых двух каменных мечетей в Татарской слободе вместе со старой деревянной стало три мечети. Всего вместе с двумя мечетями в Поповке в 1767 г. их стало пять. По данным К. Насыри новые мечети возводились на месте старых [13]. Вероятно, мечети Апаевская и Марджани стоят на местах прежних деревянных мечетей. По нашим наблюдениям, сделанным в 1990-е гг. во время реставрации Апаевской мечети вскрытые в процессе реставрации белокаменные фундаменты не соответствовали конструкциям второй половины XVIII в.: в них для укрепления были проложены тонкие деревянные бревна.

Следует предполагать бытование старинных мечетей в периферийных районах, в «инородческой глубинке». В 1878 г. в журнале «Нива» была опубликована зарисовка развалин старинной татарской мечети в одной из деревень Казанской губернии (художник А. Бар). Мечеть имела высокий минарет, расположенный на углу двухэтажного кубического объема, крытого сферической крышей. Стены были выложены с использованием естественного камня и кирпича. Очень высокий минарет отличается от минаретов болгарского периода структурой и композицией. Высокий ци-

Айдарова-Волкова Г.Н. Неизвестные мечети Старо-Татарской слободы второй половины XVI – первой половины XVIII вв.

линдр служил основанием для стройного восьмерика со следами консольной галереи для азана, выше идет еще один восьмерик со своей площадкой для азана, а на нем изящный четверик, покрытый невысоким четырехскатным шатром. Вряд ли она могла быть построена в российский период. Судя по стилистике, это руины мечети ханского времени. В научный оборот сведения об этой публикации конца XIX в. введены Ф.Х. Валеевым [6, рис. 91-а]. Копия зарисовки введена нами в научный оборот в 1997 г. [1, с. 168].

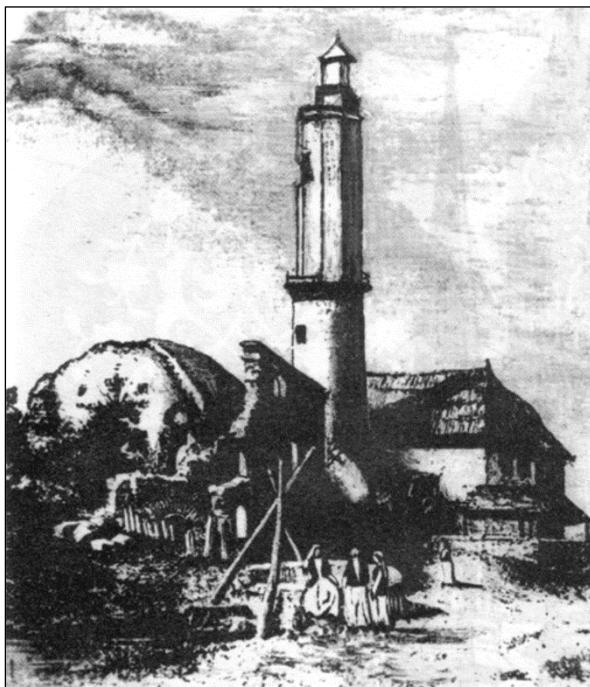

Рис. 3. Зарисовка А. Бара руин провинциальной мечети (XIX в.)

Вдали от администрации могли сохраняться мечети казанского ханства, вероятно, строились и новые. Русской администрацией контролировались в основном Казань и города-крепости на Волге. Если здесь, на глазах наместника, воеводы и митрополита строились нелегальные мечети, то в глубинке, вдали от миссионерских центров старинные мечети, вероятно, стояли дольше, а новые строились смелее.

Во время переписи в 1744 г. в Казанской губернии обнаружилось 536 мечетей. Указывалось, что некоторые сохранились от прежних времен. Перепись проводилась строго по «даругам» (волостям). Термин «даруги» к тому времени перефразирован в «дороги». Указано: по Галецкой дороге 17 мечетей; по Алацкой дороге 91; по Зюрейской дороге сломанных 96 мечетей, не сломанных одна; по Ногайской дороге сломанных 83 мечети,

несломанных 52; по Арской дороге сломанных 127 мечетей, несломанных 65 [18, с. 52]. Общее число меньше 532, что, возможно, объясняется отсутствием учета нескольких мечетей, указанных по отдельным деревням.

Вопрос о том, какие мечети строились в этот период, представляет определенные трудности. Решение его возможно на основе комплексного анализа различного рода прямых и косвенных источников – исторических сведений, архитектурных типов, памятников предыдущих и последующих периодов развития архитектуры мечетей. Авторская реконструкция архитектурного развития нелегальных мечетей середины XVI – середины XVIII вв., а также приближенная реконструкция их архитектурных типов и гипотетического облика состоит в следующем. При ограничении монументального строительства в условиях религиозного преследования нелегальные мечети могли строиться в основном из дерева. Опасность их разрушения со стороны русской администрации способствовала выработке в этих условиях типа мобильной, быстро возводимой простой мечети с минимально выраженной религиозной символикой, не привлекавшей внимания приказной администрации и миссионеров. Поэтому такие бросающиеся в глаза признаки мечетей, как высокий минарет, большие размеры, декоративные украшения, сложная планировка не могли иметь широкого распространения.

Нелегальная мечеть в борьбе за выживание приобрела черты, давшие ей возможность в условиях гонений на ислам сохраниться как архитектурный тип, который маскировался под обычный жилой дом за счет архаизации архитектурной формы и сокращения функционально-эстетической программы. В сложных условия бытования такая мечеть имела вид клетской избы с плоской крышей, без минарета и без выраженного михраба, с приставной лестницей для азана. Только по развороту продольной оси она могла выделяться из жилой застройки, и то незначительно, учитывая кучевую планировку кварталов во второй половине XVI в. В зависимости от обстановки в уезде, волости, от характера расположения села нелегальные деревянные мечети могли иметь конкретные формы: 1) простейшая мечеть-изба с люком в крыше вместо минарета; 2) мечеть с низким надкровельным минаретом. Возможность нелегального бытования мечетей с надкровельным минаретом следует допускать ввиду стремительного их развития сразу же после легализации, что было бы невозможно при полной утрате этого типа мечетей в течение 200 лет (1552–1756 гг.).

В условиях фактического запрета на строительство мечетей вся предшествующая типология была сведена до простейших типов. Следует полагать о возможном строительстве только деревянных мечетей, поскольку типология каменных мечетей Казанского ханства и традиции профессионального монументального зодчества были в значительной степени прерваны. Имелись редкие прецеденты строительства небольших каменных мечетей в вотчинах богатых мурз, немалая часть которых сумела сохранить свои поместья. Всего в Казанском уезде (губернии) в четырех дорогах (даругах) «за служилыми князьями и за новокрещенами и за мурзами и за татарами в

вотчине 2 деревни, да в поместье сельцо, да 18 деревень без жеребий, да 2 пустоши, да в 73 деревнях 130 жеребий по дачам, да 125 жеребьев без дач, 2 двора вотченника, 226 дворов помещиков...» [16, с. 202].

Таким образом, можно утверждать, что после взятия Казани не все мечети были уничтожены. До их легализации эпизодически сохранялись старинные мечети, иногда нелегально строились новые простейших типов, некоторые возводились по специальному разрешению. Достоверно известно о двух сохранявшихся: Отучева мечеть, которая могла быть как базиликального типа с внутренними опорами, так и центрично-купольной с угловым минаретом или отдельностоящим минаретом. Облик сохранявшейся в одном из селений Казанской губернии мечети периода Казанского ханства можно гипотетически реконструировать как центрично-купольную с угловым минаретом. Нелегальные деревянные мечети могли быть трех разновидностей: 1) простейшая в виде срубной клетки с плоской крышей без сеней с приставной лестницей вместо минарета; 2) изба со скатной крышей и люком вместо минарета; 3) двухзальная мечеть-изба с сенями, скатной крышей и низким надкровельным минаретом. Градостроительное размещение таких мечетей, как правило, было связано с местами пониженного рельефа для их маскировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдарова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX вв.: модель развития, структура типов, влияния. Казань: КГАСУ, 1997. 196 с.
2. Айдарова Г.Н. Татарские слободы Казани: архитектурно-градостроительное развитие и методологические аспекты реконструкции. Казань: Изд-во КГАСУ, 1999. 92 с.
3. Алишев С.Х. Источники по истории Татарстана. Казань: Б. г., 1994. 124 с.
4. Архив АН РТ. Ф. 8. Оп.1. Д 352.
5. Большаков О.Г. История халифата: Т. 1. М.: Восточная литература, 1989. 309 с.
6. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 104 с.
7. Георги М.И. Описание всех живущих в российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей: Часть II. СПб.: Б. г., 1799. 246 с.
8. Егев В.В. Самобытное расселение народностей казанского края // Вестник Научного общества Татароведения. Казань, 1928. № 8. С. 69–70.
9. Историко-археологические очерки церквей города Казани. Вып. I. Казань: Центральная типография, 1913. 45 с.
10. Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (материалы для истории Казанской епархии), собранные протоиереем Е. Маловым. Казань: Типо-литография Каз. Импер. Ун-та, 1902. 54 с.

11. Малов Е.А. О татарских мечетях в России. Казань: тип. Каз. ун-та, 1868. 80 с.
12. Малов Е.А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства. Казань: тип. Каз. ун-та, 1872. 154 с.
13. Насыри К. Избранные произведения. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 254 с.
14. Невоструев К.И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом: (1566–1568) / Издан Советом Казанской духовной академии к IV Археологическому съезду в Казани. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1877. 88 с.
15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 582 с.
16. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1978. 240 с.
17. Покровский И.М. Окраины города Казани в XVI–XVIII вв. (Забулацкая Архангельская, Ягодная слободы). Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1905. 22 с.
18. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Оп. 14. Д. 803.
19. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1.

Сведения об авторе: Айдарова-Волкова Галина Николаевна – доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой теории и практики архитектуры Казанского государственного архитектурно-строительного университета (420043, ул. Зеленая, 1, Казань, Российская Федерация); aidagalnik@mail.ru

UNKNOWN MOSQUES OF THE OLD TATAR QUARTER OF THE SECOND HALF OF THE 16TH – THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY

G.N. Aidarova-Volkova

*Kazan State University of Architecture and Engineering
Kazan, Russian Federation
aidagalnik@mail.ru*

The work focuses on the study of Kazan mosques of the first centuries of the Russian period. The relevance of the topic is due to its insufficient elaboration within the framework of the history and theory of architecture. White spots in the history of the architecture of Tatarstan require searching for new sources and approaches to studying Muslim architecture of the second half of the 16th – the first half of the 18th centuries, the period when construction of mosques was prohibited. Based on the analysis of chronicle, cartographic, archival, historical and architectural sources, it was established that after the “capture of Kazan,” ancient mosques were occasionally preserved or new mosques were built illegally in Kazan and in other settlements of the former Kazan Khanate. To designate newly built mosques, the author introduces the term “illegal mosque” as a type of mosque with a reduced social, functional and aesthetic program, built without the permission of the authorities. In some cases, elected representatives

from Tatar residents got permissions to build mosques even before the legalization of Islam in the beginning and in the middle of the 18th century. Certain typological features of illegal mosques of the Old Tatar Quarter have been revealed.

Keywords: architecture of illegal mosques, Tatar quarters of Kazan in the 16th–18th centuries

For citation: Aidarova-Volkova G.N. Unknown mosques of the Old Tatar Quarter of the second half of the 16th – the first half of the 18th century. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 219–234. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.219-234

REFERENCES

1. Aidarova G.N. *Arhitekturnaya kul'tura Srednego Povolzhya XVI–XIX vv.: model' razvitiya, struktura tipov, vliyaniya* [Architectural culture of the Volga Regions of the 16th–19th centuries: Model of development, structure of types, influences]. Kazan, Kazan State Univ. of Arch. and Engin. Publ., 1997. 196 p.
2. Aidarova G.N. *Tatarskie slobody Kazani: arhitekturno-gradostroitel'noe razvitiie i metodologicheskie aspekty rekonstruktsii* [Tatar quarters in Kazan: Architectural and urban development and methodological aspects of reconstruction]. Kazan, Kazan State Univ. of Arch. and Engin. Publ., 1999. 92 p. (In Russian)
3. Alishev S. Kh. *Istochniki po istorii Tatarstana* [Sources on the history of Tatarstan]. Kazan, B. G. Publ., 1994. 124 p. (In Russian)
4. Arkhiv Akademii Nauk Respubliki Tatarstan [The Archive of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. Fond 8. Reg. 1. File 352. (In Russian)
5. Bol'shakov O.G. *Istoriya halifata: T. 1.* [The history of the Caliphate: Vol. 1.]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1989. 309 p. (In Russian)
6. Valeev F.Kh., Valeeva-Suleimanova G.F. *Drevnee iskusstvo Tatarstana* [Ancient art of Tatarstan]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2002. 104 p.
7. Georgi M.I. *Opisanie vseh zhivushhih v rossijskom gosudarstve narodov i ih zhitejskih obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostoprimechatel'nostej: Chast' II.* [Description of all the peoples that live in the Russian state and their everyday rituals, habits, clothes, homes, exercises, entertainment, religions and other points of interest: Part II]. St. Petersburg, B. g. Publ., 1799. 246 p.
8. Egerev V.V. *Samobytnoe rasselenie narodnostej kazanskogo kraja* [The original settlement of the peoples of the Kazan region]. *Vestnik Nauchnogo obshchestva Tatarovedeniya – Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies*. Kazan, 1928, no 8, pp. 69–70.
9. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Ccrkvej goroda Kazani. Vyp. I* [Historical and archaeological essays on Kazan churches. Issue I]. Kazan: Central Printing House, 1913. 45 p.
10. Malov E.A. *Drevnie gramoty i raznye dokumenty (materialy dlya istorii Kazanskoj eparhii), sobrannye protoiereem E. Malovym* [Ancient letters and various documents (materials for the history of the Kazan Diocese), collected by Archpriest E. Malov]. Kazan, Tipolithography of Kazan Imperial University, 1902. 54 p.

11. Malov E.A. *O tatarskih mechetyah v Rossii* [About Tatar mosques in Russia]. Kazan, Printing house of Kazan University, 1868. 80 p.

12. Malov E.A. *Ocherk religioznogo sostoyaniya kreshchenyh tatar, podvergsihihsja vlijaniju magometanstva* [Essay on the religious status of baptized Tatars who were influenced by Mohammedanism]. Kazan, Printing House of Kazan University, 1872. 154 p.

13. Nasyri K. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1977. 254 p.

14. Nevostruev K.I. *Spisok s piscovyh knig po g. Kazani s uezdom: (1566–1568) / Izdan Sovetom Kazanskoj duhovnoj akademii k IV Arheologicheskomu s'ezdu v Kazani* [List of scribble books in Kazan with the county: (1566–1568) / Published by the Council of the Kazan Theological Academy for the 4th Archeological Congress in Kazan]. Kazan, Tipography of Kazan Imperial University, 1877. 88 p.

15. Olearius A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of the trip to Muscovy and through Muscova to Persia and back]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1906. 582 p.

16. *Piscovaya kniga Kazanskogo uezda 1602–1603 godov* [The cadastres of Kazan County for the years of 1602–1603]. Kazan, Printing House of Kazan University, 1978. 240 p.

17. Pokrovskij I.M. *Okrainy goroda Kazani v XVI–XVIII vekah (Zabulackaja Arhangel'skaja, Jagodnaja slobody)* [The outskirts of the city of Kazan in the 16th–18th centuries (Zabulatskaya, Arkhangelskaya, Jagodnaja quarters)]. Kazan, Tipolithography of Kazan Imperial University, 1905. 22 p.

18. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Central State Archive of Ancient Acts]. Fond 248. Reg. 14. File 803. (In Russian)

19. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Central State Archive of Ancient Acts]. Fond 131. Reg. 1. File 1. (In Russian)

About the author: Galina N. Aidarova-Volkova is a Doctor of Science (Architecture), Head of the Department of Theory and Practice of Architecture, Kazan State University of Architecture and Engineering (1, Zelenaya St., Kazan 420043, Russian Federation); aidagalnik@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/he.2019-4-2.235-254

ТАТАРСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АСТРАХАНСКОЙ МАХАЛЛИ В НАЧАЛЕ XX В.

М.М. Имашева

*Казанский федеральный университет
Казань, Российская федерация
imaschewa@yandex.ru*

На рубеже XIX–XX вв. губернская Астрахань являлась одним из признанных центров татарского мира Российской империи. По численности татарского населения, накануне революционных потрясений, астраханская татаро-мусульманская община занимала второе место, после Казани. Формировалась татарская астраханская община в течении всего XIX в. и в этническом отношении была представлена как местными, астраханскими татарами, так и татарами-переселенцами из Средне-волжских и Приуральских губерний, которые составляли до 90% процентов городской махалли. Переселившись в Астрахань, они включились в социально-экономическую жизнь региона. Большинство татарского населения Астраханской общины занимались торговлей (мелко-оптовой, розничной, мелочной) или различными промыслами – хлебопекарным, извозом, содержанием предприятий общественного питания и т.д. По имущественному положению они принадлежали к мелкой и средней буржуазии. При ее участии в начале XX в. территория татаро-мусульманской общины города Астрахани – махалля, или Татарская Слобода приняла уникальные архитектурные черты, сохранившиеся до наших дней.

Ключевые слова: Астрахань, татары, махалля, этноконфессиональное движение, предпринимательство, социально-экономическое развитие.

Для цитирования: Имашева М.М. Татарское предпринимательство в социально-экономической жизни Астраханской махалли в начале XX в. // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 235–254. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.235-254

К рубежу XIX–XX вв. Астраханская губерния в составе Российской империи являлась регионом со значительным мусульманским населением. Мусульмане-тюрки согласно данным Всероссийской переписи 1897 г. составляли треть населения губернии (около 330 тысяч среди миллиона жителей).

При этом в отличие от моноэтнических «татарских» губерний Среднего Поволжья и Приуралья мусульманское население Нижнего Поволжья было представлено несколькими тюркскими народами: казахами, татарами (астраханскими и переселенцами из Средневожских и Приуральских губерний), ногайцами, туркменами. Но только татары являлись городским населением и в течении XIX в. сформировали городскую астраханскую мусульманскую общину – махаллю.

В этническом отношении астраханская городская татарская община была многосоставной. Многие исследователи считают, что современные юртовские татары (собственно – астраханские татары), проживающие в Астраханской области, являются потомками жителей Астраханского ханства [1, с. 506–513]. В начале XX в. юртовцы проживали в селах Астраханского уезда, близ губернского центра. Одно из этих сел – Тияк (Зацаревское) стало частью города. И, как следствие, частью городской татарской общины. В дореволюционных переписях юртовцы учитывались как «астраханские татары». Это первый этнический компонент в составе махалли.

В 1556 г. Астраханское ханство пало и вошло в состав Российского государства. Новый русский город со старым именем практически сразу, с момента своего основания в 1558 г., стал центром русско-азиатской торговли. Здесь появились гостиные дворы – караван-сарай, основанные торговцами из различных стран, прежде всего восточных.

Бухарский, Гилянский и Агрыжанский гостиные дворы, в которых проживали купцы-выходцы из государств и территорий Средней Азии, Персии, Закавказья стали основой для формирования астраханской мусульманской общины. Купцы Гостиных дворов построили в городе первые мечети – деревянные, а в 1810-е гг. две каменные – Белую и Черную (сохранились до наших дней). Границы Гостиных дворов – 5 и 6 участки города, за Варвациевским каналом (Канавой) стали территорией, на которой и стала развиваться в дальнейшем астраханская татарская мусульманская община – махалля. В 1770–1780-е гг. в рамках реализации сословного законодательства Екатерины II жителям трех дворов было предписано определиться со своей подданнической и сословной принадлежностью. Тех, кто избрал российское подданство, включили во вновь созданное «астраханское городское общество» Татар Трех Дворов, для управления которым был создан специальный орган – Астраханская Татарская управа, о чем Павлом Первым был издан специальный Манифест. И хотя, собственно, этнических татар в этом обществе не было, оно стало основой формирования астраханской городской татарской общины.

К началу XIX в. числившиеся в обществе Татар Трех дворов уже были мало связаны со своей родиной, многие родились и выросли в Астрахани, женились на местных юртовских татарках и разговаривали на языке астраханских татар, о чем свидетельствует делопроизводственная документация. Записанные в 1870-е гг. после ликвидации Управы в астрахан-

ские мещане жители Трех дворов стали вторым этническим компонентом татарской общины.

Но самым значительным в численном и социально-экономическом отношении стал третий компонент. В 1820-е гг. в Астрахань устремляются первые татары-переселенцы из Средневожских и Приуральских губерний. Их привлекали возможности Волжско-Каспийского пути и близость казахских кочевий, торговля с которыми давала возможность быстрого обогащения; слабая конкуренция на астраханском внутреннем рынке, так как край был одним из самых малонаселенных в границах Российской империи; наличие местной тюрко-мусульманской общины и исторически сильные позиции ислама.

Процесс переселения татар из Средневожских и Приуральских губерний в Астрахань шел в течении всего XIX в. Особенно активны в этом отношении были государственные крестьяне и мещане Пензенской и Нижегородской губерний, которые заселили целые улицы махалли. Татарской средней и мелкой буржуазии принадлежала значительная часть недвижимости в районах компактного проживания. Двухэтажные каменные и деревянные дома с лавками, с каретными сараями и другими хозяйственными постройками тянулись вдоль улиц татарских кварталов. Многие из них сдавались внаем. Здесь располагались хлебопекарни, кожевенные и шорные мастерские, склады лесных товаров и мануфактуры, магазины и лавки татар, многие из которых получили статус астраханских мещан [29, л. 24–25]. В среде татар-переселенцев очень прочными были земляческие связи, отразившиеся, в том числе и на характере их экономических занятий и социальных (в том числе и брачных) связей.

В 1890-е гг. число состоятельных мусульман в городе неуклонно увеличивается. В выборах в Городскую Управу 1891 г. по первому разряду (то есть самых состоятельных владельцев недвижимости в городе) числилось 78 лиц, 7 из них (9%) были мусульманами, в основном азербайджанцами («персами» по описи). Во втором разряде числилось 445 лиц, 15 из них (3,4%) были мусульманами (азербайджанцы, татары и ногайцы). По третьему разряду в ведомости значатся 6088 человек, мусульман из них – 812 (13,3%). Причем «персов» (азербайджанцев) было всего 46 человек, 4 хивинца-узбека, 3 туркмена. Остальные – татары и ногайцы [20, л. 25–49].

К сожалению, в советской и российской историографии история астраханской городской татарской общины практически не получила освещение. На наш взгляд, этому способствовали периферийное положение региона и удаленность от центра исследования истории татарского народа – Казани. Хотя историки Х. Хасанов, А. Амирханов, Р. Салихов, И. Тагиров [1, 43, 45, 46] затрагивали отдельные аспекты истории астраханских татар и местной буржуазии в дореволюционный период, но их исследования носили фрагментарный характер. Этническая история астраханских татар исследована в работах Д. Исхакова, язык астраханских татар в рабо-

тах Л. Арсланова, но вопросы социально-экономической истории авторами не затрагивались совсем [1, 38].

В результате миграций татар астраханская татарская городская община к началу XX в. оказалась одной из самых многочисленных в Российской империи. Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения (1897 г.) статусу крупной татарской городской общины соответствовали несколько городов: Казань (28520 чел. обоого пола); Астрахань (16959 чел.); Семипалатинск (14660 чел.); Оренбург (13257 чел.) [37, с. 324–326]. При этом процентное отношение татаро-мусульманского населения к общей численности горожан в этих достаточно больших городах составляла не более одной пятой части: в Казани – 21,8%, в Астрахани – 15%, Оренбурге – 18,6% [36, с. 37].

Татарский поэт Сагит Рамиев, в это время проживавший в Астрахани и работавший в редакции газеты «Идель», не раз отмечал, что Астрахань – третья культурная столица татар, после Казани и Оренбурга [34]. Действительно, в начале XX в. астраханская татарская община стремительно преобразовалась. Татары включались в общественные процессы общегосударственного и регионального масштабов (например, участвовали в выборных кампаниях в местные органы самоуправления и представительные органы империи), создали благотворительное и культурно-просветительские общества, инициировали издание газет и журналов на татарском языке, а также национальной школы вне рамок конфессиональной общины. На средства городской татарской буржуазии были выстроены каменные и деревянные мечети, здания приходских училищ – мектебе и медресе, приобретены общественные здания.

Особую и определяющую роль в этом сыграли астраханские татары-предприниматели. Феномен татарского предпринимательства отложил отпечаток на весь облик астраханской махалли. Двухэтажные дома с лавками и магазинам, каретными сараями и подсобными помещениями, здания мечетей и мектебе украсили улицы татарской махалли. Многие из них сохранились до наших дней и составляют неповторимый колорит одного из центральных районов Астрахани, прилегающего к рынку с говорящим названием «Татар-базар».

Что подразумевается под термином «татарское предпринимательство» применительно к региону Нижнего Поволжья? На наш взгляд – это обособленная этносциальная группа татар города Астрахани (как местных уроженцев, так и переселенцев из Средневожских и Приуральских губерний), которые в начале XX в. составили имущую часть местной городской общины, занимались здесь торгово-экономической деятельностью.

На рубеже XIX–XX вв. татарское население города компактно проживало на территории 5 и 6 участков города, где и располагалась Татарская слобода (махалля), а также заселили несколько кварталов 4 участка, прилегающих к крупнейшему городскому рынку Большие Исады.

В этот же период сформировалась не только территория общины, но и оформились основные направления хозяйственно-предпринимательской деятельности, в которых татары в Астрахани оказались наиболее успешны. Подавляющее большинство астраханских татар-предпринимателей в предреволюционный период принадлежали к средней и мелкой буржуазии. Крупных капиталов в Нижнем Поволжье представителям татарского капитала накопить не удалось, прежде всего, в связи с достаточно поздним по времени процессом колонизации края средневожскими татарами. Из крупнейшей татарской буржуазии наиболее прочно свою жизнь с Астраханью связали купцы, Потомственные Почетные граждане Казаковы – родоначальник династии Мухамеджан, его сыновья Мухамедшакир и Мухамедрахим [33, с. 211].

Одним из видов деятельности было содержание харчевен-кухмистерских. Их, а также съестных лавок, азиатских кебавен в Астрахани в начале века было столько, «сколько едва ли найдется в другом каком-либо городе России» [5]. В 1907 г. в Астрахани было зарегистрировано 114 кухмистерских, съестных лавок, кебавен и т.п. заведений, 59 из них (52%) – татарские. В 1 участке города – 38 заведений, 14 из них принадлежали мусульманам (в основном татарам). Во втором участке татары открыли 13 из 21 заведений. В 3 участке – 11 из 24. В 4 участке – 8 из 12, в 5 – 9 из 15, в 6 – 4 из 4. Кроме того, во второй половине 1907 г. были открыты еще 29 подобных заведений, 15 из них – татарами [15, л. 1–82].

Особым видом предпринимательства татар в Астрахани стал хлебопекарный промысел. Этого рода предприятия принадлежали исключительно татарам – выходцам из Средневожских и Приуральских губерний. В конце XIX в. татары охотно арендуют у города различные торговые места для торговли хлебом. Так, в 1884 г. из 32 торговых мест для торговли хлебом на рынке Малые Исады, 21 было арендовано татарами на пятилетний срок [42, с. 46–49].

Исключительно «татарским» видом торговли стала торговля кумысом в розлив из своих домов, а также содержание специальных заведений – кумысных. «В Астрахани кумыс продается в выходах татарами как квас, и находится в большом ходу. Продается же он круглый год, даже зимою» [7]. Кумысу приписывались различные лечебные свойства и в 1911 г. по настоянию татарской общественности города для лечения кумысом от туберкулеза в Астрахань приехал Габдулла Тукай.

Кроме того, трое предпринимателей-татар содержали постоянные дворы на Конной площади (в 3 участке города). Два постоянных двора принадлежали семье Нугаевых. В собственном доме располагался постоянный двор Ибрагима Абдул Вагаповича, в арендованном доме Алексеева содержал постоянный двор его отец Абдул Вагап Абдуллоевич. В доме Смирнова располагался постоянный двор Юсупа Еманкулова. Всего в городе в 1908 г. было 13 постоянных дворов [22, л. 44 об. 47].

Сферы предпринимательской деятельности татар в Астрахани реконструируются на основе анализа архивных документов. В 1900 г. в Астраханской казенной палате было «выбрано» 756 свидетельств на «промышленные предприятия», то есть на различные мелкие ремесленные производства и промыслы. Из них 95 свидетельства (12,5%) были получены мусульманами, подавляющее большинство которых – 84, были татарами, выходцами из Пензенской, Нижегородской и Казанской губерний. Среди них очень четко обозначилась специализация: пензенцы занимались печением хлеба, нижегородцы извозом и содержанием кузниц, казанцы выделкой кож и портновским делом. В целом виды занятий выглядели так: хлебопекарное производство (курень, пекарня, чуречная, калачная мастерская и т.д.) – 28, извозчики – 28, кузницы – 10, портновская мастерская – 6, кожевенная мастерская – 7, мастерская золотых и серебряных изделий – 5, содержание буфетов и кухмистерских – 4, салотопенные заводы – 2, по одному – мыловаренный завод, ведерная мастерская, шорная мастерская, сапожная мастерская. Большинство мастерских были расположены в традиционных местах проживания татар в городе – 5 (45) и 6 (16) участках города, в 4 участке – 12, в 3 – 10, во 2 – 5, в 1 – 7 [21, л. 1–50].

В 1911 г. таких свидетельств казенной палатой было выдано 902 промысловых свидетельства, из них 86 – мусульманам (9,5%). Хлебопекарным производством в этом году занимались 46 татар, большинство в собственных домах; извозом – 17; торговлей персидскими фруктами – 1; мыловарением, шорным делом, содержанием ведерной мастерской – по 1; кузнечным делом – 2; выделкой кож и мехов – 4; содержанием мастерских меднослесарных работ – 2; кожевенных заводов – 2 (в т.ч. Ады Ходжаев). Вместе с тем видим новые виды предпринимательства: один житель Дербента открыл во 2 участке парикмахерскую; в 5 участке Абдрахман Умеров содержит типографию; три персиянина содержат артели грузчиков; 10 предпринимателей занимались переработкой рыбы в 3 участке [14, л.1–100об.].

Практически полностью «татарским» видом предпринимательства становится так называемая агарянская торговля – скупка и перепродажа разного железного и другого «хлама». Товар скупался татарами-старьевщиками в домах горожан, а продавался в лавках в центре города.

В 1909 г. на 4 года (до 1913 г.), Городская Управа заключала контракты с желающими снять лавки в Каменном корпусе на Агарянской площади (как мы видим описываемый род торговли обозначили даже в городской топонимике). Из 47 заключенных контрактов 31 был заключен татарами – выходцами из Инсарского и Чембарского уездов Пензенской губернии. Лавки располагавшиеся ближе к выходу арендовались за значительную сумму – до 550 руб. За маленькие и находившиеся в глубине корпуса лавки платили 60–70 руб. В среднем аренда лавки обходилась в 200–260 руб. в год [23, л. 3–64].

Как известно, татары в Средневолжских губерниях и, особенно, в Казанской, весьма успешно развивали кожевенное производство. В Астра-

ханской губернии этот вид производства также получил развитие. Пристав 5 полицейского участка в 1910 г. представил Полицмейстеру города сведения о кожевенных и овчинных складах по 5 участку г. Астрахани. Из 7 подобных заведений, только 1 принадлежал татарину. На 2-й Бакалдинской улице Исмятулла Ахметович Байбеков в собственном доме содержал амбар для хранения выделанных шкур. Также среди лиц, временно хранящих невыделанные сырые кожи и занимавшихся скупкой и перепродажей, значились: Мухаммед-Шариф Кардашев, проживавший в собственном доме на Черномечетной улице; Аджи Гайфуллин, тоже имевший собственный дом на Черномечетной улице; Аджи Махмут Айтмамбетов – собственный дом, Персидская улица; Ильяс Адельшинов – собственный дом, Черномечетная улица; Махмут Адельшинов – там же [29, л. 24–25].

Подобного рода предприятия на рубеже XIX–XX вв. начинают открывать юртовские татары в пригородной Зацаревской слободе (село Царев, Тияк). Впервые такого вида предприятия фиксируются в «Росписи города Астрахани» за 1884 г. Из 20 сданных городской управой в аренду кожевенных и овчинных заводов на 6 лет (с 1879 г.), два арендовали юртовские татары. Каждый площадью в 100 кв. саж. и с платежом 25 руб. в год [42, с. 15].

Большинство богатых татар города занимались сразу несколькими видами предпринимательства. Так Ады Ходжа Ахун Ходжаев в 1897 г. владел лесной пристанью у Пороховых складов, а также торговлей кошмами во 2 участке в Табачном ряду, в доме Репина; бакалейной торговлей в 6 участке на Большой Царевской улице в собственном доме; складами кож и овчинами в 5 участке в собственном доме [24, л. 114–115 об.].

В 1901 г. у Ады Ходжаева уже был кожевенный завод на Цареве (в 6 участке); торговля овчинами у городских боен там же; две лесные пристани у Пороховых погребов также в 6 участке; бакалейный магазин и два больших складских помещения в том же 6 участке [32, л. 185].

В Астрахани в начале XX в. огромную роль играли ремесло и кустарная промышленность. На Нижней Волге они оказались достаточно устойчивыми формами производства и играли очень значительную роль в экономике региона [44, с. 2].

Богатые татары брали сразу по несколько свидетельств на торговые предприятия. В 1907 г. братья Эрембетовы – Курбангали и Мухамедрахим Усмановичи помимо купеческого свидетельства взяли свидетельства на торговлю мерлушками и кожами, склад продукции. Жиганша Мингажетдинович Маракаев – на мучную и бакалейную торговлю в 5 участке на два склада. Гайнутдин Шарафетдинович Мукминов, помимо свидетельства купца 2 гильдии, взял свидетельство на торговлю мануфактурой и азиатской обувью во 2 участке города, на Больших Исадах в 4 участке, а также на 2 склада. Кроме того, от имени «Товарищества Бр. Мукминовых и Г. Хасанова» было взято свидетельство на торговлю все той же мануфактурой и азиатской обувью на Татарском съезде во 2 участке города, а так-

же на склад. Ады Ходжаев взял 6 свидетельства: на торговлю мануфактурой и бакалеей в собственном доме в 6 участке; кожами и овчинами в доме Кардашева в 6 участке; на разбивку барж на дрова на берегу Волги; на разбивку погребов на дрова в 6 участке; на кожевенную торговлю и склад на Татар-базаре [19, л. 1–203].

Выгодной статьей бизнеса среди состоятельных татар города стала сдача внаем домов. Дома сдавали не только под квартиры и лавки, но также под гостиницы, харчевни, учебные заведения, постоянные дворы и т.д. У купца Ахмеджана Кардашева в 1909 г. внаем сдавалось три дома: на Черномечетной улице под № 57 и № 55, на углу Измайловской и Узенького переулка под № 9. Айтмамбетов сдавал два дома по Измайловской улице – № 26 и № 28. Ахметов – три: № 24 по Измайловской улице, № 99 по 2-Бакалдинской, № 32 по Персидской [28, л. 42 об.].

Впрочем, основная часть населения Татарской слободы не отличалась большими доходами. Большое место в этой среде занимали «малоприбыльные» виды предпринимательства – мелочная торговля, извоз. В 1907 г. в 5 («татарском») участке Астрахани из 414 торговых предприятий 170 принадлежали татарам (41%).

Мелочной торговлей занимались 63 предпринимателя (годовой оборот от 1 до 2,5 тыс. руб.). Бакалейная торговля была второй по популярности – 38 лавок. Торговые обороты здесь были выше – от 3 до 10 тыс. рублей (редко 1–2 тыс.).

Извозным промыслом владели 19 татар – в основном выходцы из Нижегородской губернии. Кто-то обходился одним экипажем и зарабатывал едва-едва 200 руб. в год. Кто-то содержал несколько экипажей и имел возможность платить наемным кучерам по 6–10 руб. в месяц.

Хлебопекарных предприятий было 12 (оборот от 1 до 3 тыс. руб.). В пекарни, как правило, нанимали 1–2 рабочих, с зарплатой 80–100 руб. в год. Татары в городе считались признанными хлебопеками (куренщиками), они были главными поставщиками чуреков – плоских, довольно больших, круглой формы лепешек [39, с. 30]. Торговлей мясом занимались 10 торговцев (оборот от 800 до 8000 руб.). Обходились силами семьи.

Содержанием харчевен и кухмистерских занимались 8 человек (оборот составлял от 600 до 2400 руб. в год). Портновских мастерских было 6 (оборот 800–1500 руб.), здесь также использовали наемных рабочих, с зарплатой 100–120 руб. в год.

Кузниц было пять. Содержались пензенскими и нижегородскими татарами. Оборот 1000–1500 руб. Обходились или силами семьи или за 60–80 руб. в год нанимали одного-двух рабочих. Также в 5 участке татары содержали: колесную мастерскую, шорную мастерскую, шапочную мастерскую, две мастерские по выделке мехов, медную мастерскую, мастерскую золотых и серебряных изделий, две лавки по торговле керосином [31, л.1 об.–62].

Как отмечают исследователи татарского предпринимательства начала XX в. [1, 43, 45], именно это время «ознаменовало собой качественно новый этап в развитии татарского предпринимательства. Татарские предприниматели в частности, и мусульманские, вообще, завоевывают все новые рубежи, несмотря на серьезные преграды (конфессионального и этнического характера) со стороны русской буржуазии и самодержавного правительства. И этот новый этап связан с пробуждением этноконфессионального сознания, формированием новых социальных институтов и форм социальной активности татарского народа на всем пространстве Российской империи. Не осталось в стороне и астраханское татарское предпринимательство.

Средняя и мелкая татарская буржуазия (или «татарское предпринимательство») Астрахани в конце XIX в. постепенно включается в общественные процессы, проходивших в это время в стране. Она стала единственным «спонсором» всех социальных мусульманских проектов в регионе в рассматриваемый период. Первый опыт связан с участием в местном самоуправлении.

После Городской реформы 1870 г. у имущей части городских жителей появилась реальная возможность участия в органах городского самоуправления. Но астраханская мусульманская община не спешила воспользоваться этим. Вплоть до революционных событий 1905–1907 гг. и институализации общественного движения татары не принимали практически никакого участия в городском общественном управлении.

В 1905 г. астраханские мусульмане (с учетом шиитской общины) составили 5,8% от общего числа горожан имевших право участия в местном самоуправлении [30, л. 13 об.–117]. Согласно «Делу о личном составе Астраханского городского общественного управления за 4-летие с 1909 г. (сведения о гласных думы)» [17, л. 14–43], среди 14 гласных пятого избирательного участка четверо были мусульманами.

Гласным от 6 избирательного участка стал Ады Ходжа Ахун Ходжаев. Это были состоятельные торговцы и видные члены общины, зарекомендовавшие себя в благотворительных и культурно-просветительских организациях астраханских мусульман [6]. Все татарские депутаты приняли активное участие в деятельности Думы, став членами Строительной, Ревизионной комиссий и Учетного комитета [41].

На выборах в Городскую Думу на четырехлетие 1913–1917 гг. мусульманская городская община выдвигает целый ряд кандидатов, вырабатывает тактику предвыборной борьбы. В результате по 5 и 6 участкам были выбраны девять гласных из числа татар. Впервые в истории городского самоуправления из 80 гласных 9 оказались мусульманами (7,2%), а если говорить о 5 и 6 участках города, то они составили здесь одну третью часть городских депутатов (5 из 15 и 3 из 14 соответственно) [4].

В ходе избирательных кампаний начала XX в. общероссийского масштаба (выборы в Государственную Думу Российской империи) средняя и мелкая татарская буржуазия города Астрахани с ее традиционной замкнутостью и круговой поддержкой становится одним из главных электоральных элементов, способных оказать серьезное влияние на результат политического выбора горожан. Благодаря позиции лидеров астраханского мусульманского движения, близких партии кадетов, татарское население 5 и 6 участков последовательно голосовало за кандидатов от этой партии, которые и представляли в итоге Астрахань в Государственной Думе всех четырех предреволюционных созывов [25, л. 213].

Накануне революции 1917 г. в городе действовало 14 мусульманских суннитских приходов, прихожанами которых были татары и один мусульманский шиитский приход при Персидской мечети, прихожанами которой, несмотря на название, были в основном азербайджанцы.

Все суннитские мечети (пять каменных и девять деревянных) были выстроены на пожертвования татарских буржуа в течении XIX – начала XX вв. Некоторые даже получили неофициальные названия в честь меценатов – Казаковская, Ниязовская, Алиевская. Казанские купцы Мухамеджан и Мухамедшакир Казаковы, владевшие большой чаеразвесочной фабрикой в Астрахани [33, с. 212], оказали финансовую поддержку при строительстве трех мечетей в 1880–1910-е гг. – Большеисадинской, Казаковской («Ваххабия»), Криушинской.

Согласно данным документов отложившихся в Государственном архиве Астраханской области, помимо семьи Казаковых, значительные средства на строительство этих мечетей выделили татары-предприниматели, по инициативе которых и образовывались новые приходы. Как правило, эти новые приходы были организованы по земляческому принципу, они же инициировали назначение имамов из среды своих земляков. Так, торговец «средней руки» с рынка Большие Исады, уроженец Пензенской губернии Хабибулла Мусьякаевич Горбунов в 1895 г. подарил участок земли на рынке обществу татар, проживавших на ближайших улицах. Он инициировал строительство новой каменной соборной мечети на нем. Первым имамом мечети, выстроенной к 1901 г. стал Фейзулла Фетхуллов – также уроженец Пензенской губернии. Как следует из материалов архивного дела, большую часть средств, поступивших от татар-пензенцев (всего до 200 человек), собрали предприниматели с рынка Большие Исады [11, л.1–81].

Таким же образом была выстроена Криушинская мечеть. Ее возвели на свои средства татары-переселенцы из Нижегородской губернии. Владельцы хлебопекарен и извозчиьего промысла Хасян Мифтахетдинов и Хабибулла Абудшиев инициировали строительство соборной каменной мечети близ ерика Криуша в 5 участке города Астрахани на средства, собранные их земляками (180 человек). Мечеть была торжественно открыта в

апреле 1907 г. Возглавил ее имам, уроженец Нижегородской губернии Нурмухамед Асфандияров. Его кандидатура была выдвинута махаллей [13, л. 1–34].

Казаковская мечеть, построенная в 1898 г., как следует из названия, была построена на деньги купцов Казаковых, о чем свидетельствует и табличка, которая установлена при входе в здание мечети. Инициатором строительства этой мечети в 1880-е гг. выступило общество местных, астраханских татар, во главе с признанным знатоком «мусульманского закона» Абдурахманом Абдул Вагапом (отсюда второе название мечети – Вагаповская или «Ваххабия»). Но астраханские татары, составившие приход мечети, оказались не в состоянии собрать нужную сумму. И лишь помощь Казаковых способствовала завершению строительства. Мечеть и медресе при ней в начале XX в. стала центром притяжения реакционного мусульманского духовенства и кадимистского образования в регионе [10, л. 1–10].

В 1913 г. во время празднования 300-летия дома Романовых татарская буржуазия Астрахани выступила с инициативой строительства каменной соборной мечети. Она должна была быть самой большой в Нижнем Поволжье и называться «Романовской». Планировалось открыть при мечети Татарскую учительскую школу. Вплоть до начала Первой Мировой войны татарская буржуазия города собирала деньги на реализацию этого проекта [9, л. 52–56].

При мечетях действовали приходские школы – мектебе и медресе, содержавшиеся на средства прихожан. Здания этих учебных заведений строились и содержались за счет мусульман. Понятно, что наиболее имущие члены приходов – татарские предприниматели, являлись основными «жертвователями» на нужды приходских школ. В фондах ГААО сохранилось несколько дел, в которых содержатся документы с просьбами представителей астраханских мусульманских приходов в адрес Губернского правления об оказании «материального пособия» этим школам. Но практически все они встречали отказ. Так, в сентябре 1914 г. заведующий приходскими мужским и женским мектебе при Казаковской мечети Абдурахман Алиев направил в Городскую Думу прошение об ассигновании суммы необходимой для покрытия коммунальных нужд училища. На тот момент в мужском отделении обучалось до 200 мальчиков, в женском – до 100 девочек. Средств, собираемых с родителей, хватало лишь на выплату жалования учителям – 4 в мужском и 4 в женском отделениях. Мектебе же требовалось дополнительно до 1700 рублей в год – на наем помещения для женского отделения 500 руб., на сторожей 300 руб., на отопление 400 руб., на освещение 300 руб. И так как помощи больше ждать было неоткуда, А. Алиев обратился за помощью к городским властям [18, л.1]. Ответ был отрицательным. Гласные на заседании 8 ноября 1914 г. «в связи с увеличением расходов на военные нужды», высказались за «отклонение хода-

тайства муллы Алиева о назначении пособия на содержание татарских училищ в 1915 г.» [18, л. 2]. И вновь выручила семья Казаковых, которая выделила необходимые средства на поддержку школы.

Выступая главным спонсором приходского образования, татарская община в лице своих лидеров выдвигала и требования к уровню преподавания в школах. Очень показательна в этом плане история муллы и мугаллима, уже упоминавшегося выше, Нурмухамеда Асфандиярова. Возглавив в 1909 г. приход и мектебе Криушинской мечети, он почувствовал себя полновластным хозяином. В 1912 г. разгорелся скандал, когда татары-прихожане – члены попечительского совета, обратились к губернским властям с просьбой отстранить имама. В качестве аргументов выдвигались недобросовестное расходование денег, жертвуемых прихожанами на нужды мечети и мектебе; а также насаждение кадимистских методик преподавания, отказ от преподавания русского языка; негативное отношение к царской фамилии и государственной власти. В итоге Н. Асфандияров был не только отстранен от прихода и мектебе, но обвинен в проповедовании идей панисламизма и выслан из Астрахани под административный надзор полиции в 1913 г. [26, л. 1–34].

На средства татарских предпринимателей в начале XX в. приобреталась и иная недвижимость. В 1907 г. было приобретено здание для культурно-просветительского общества «Шурай-Ислам», перешедшее в 1913 г. Попечительству о бедных татарах (мусульманах) г. Астрахани. Согласно документам, деньги на приобретение здания (15 тысяч рублей) собрали по подписке среди татарской буржуазии города [16, л. 1–1 об.].

Всего в 1901 г. в городе Астрахани работала одна министерская школа (русско-татарская школа), в ней преподавали 3 учителя, обучалось 63 мальчика. Также в городе действовали четыре мектебе, в которых работало 6 учителей-мугаллимов, обучались 140 мальчиков и 63 девочки. В шести городских медресе 7 учителей-мугаллимов обучали 340 мальчиков. Итого на многотысячное мусульманское население приходилось 11 начальных учебных заведений с 16 учителями, в которых обучалось 543 ребенка мужского и 63 женского пола [8, л. 35]. Особо востребованным стало новометодное медресе «Низамия», основателем и директором которого стал ученик Ш. Марджани Абдурахман Умеров. Шакирды приезжали учиться в них со всего юга России. Все учебные заведения содержались за счет татарского населения. Плата в год составляла от 3 до 40 рублей в год. Причем некоторые имущие члены махалли оплачивали обучение не только своих детей, но и детей из бедных семей.

Предприниматели-татары выступили инициаторами создания школы вне конфессиональной общины. На средства культурно-просветительских обществ «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия», членами которых были все более-менее состоятельные татары города, были открыты начальные

школы. Особо успешной стала школа «Даруль-Эдеп», действовавшая в 1906–1912 гг. Когда астраханское мусульманское общественное движение вступило в полосу кризиса и в итоге в 1913 г. общество «Шурай-Ислам» прекратило свою деятельность, закрылась и школа. Единственная причина – отсутствие финансирования. Так как в период работы школы основным источником ее существования были членские взносы и различные добровольные пожертвования, то развал общества привел и к закрытию школы [16].

Сами культурно-просветительские общества стали самым ярким выражением общественной активности татарского предпринимательства в регионе. В 1906 г. было создано общество «Шурай-Ислам», сплотившее в своих рядах молодых (преимущественно от 25 до 40 лет) представителей мелкой и средней татарской буржуазии Астрахани. Оно стало первым обществом такой направленности в Российской империи.

Младотатарская ориентация деятельности общества и близость к кадетской партии, открыто высказывавшиеся идеи обновленчества, оттолкнули от общества наиболее имущую и консервативную часть татарской буржуазии города. Пожилые татарские буржуа, объединившись с духовенством в 1907 г. создали свое общество – «Джамияти-Исламия», которое стояло на умеренных позициях реформаторства, обозначавшихся в жандармских сводках, как «правое» в татарском движении. Активным периодом деятельности обществ стали 1908–1910 гг., в которые в обществе «Шурай-Ислам» состояли более 300 человек, а в обществе «Джамияти-Исламия» до 150 – представители наиболее имущей и консервативной, к тому же пожилой (средний возраст членов общества 50–70 лет) части астраханской мусульманско-татарской общины [25, л. 1–112].

На общих собраниях бурно обсуждались самые насущные вопросы развития «мусульманской нации» как в регионе, так и в стране в целом. На первом месте всегда стояли вопросы о национальном образовании, сотрудничестве с мусульманской фракцией Государственной Думы, необходимость участия в общероссийских и региональных избирательных кампаниях и др. Делегаты от астраханской мусульманской общины направлялись на II–IV съезды партии «Иттифак-аль-Муслимин».

На Втором мусульманском съезде 13–23 января 1906 г. в Санкт-Петербурге было принято решение разделить территорию России на 16 районов, населенных мусульманами. Во главе каждого района планировалось создать меджлис. Меджлис Нижне-Волжского района (пятый в списке) планировалось избрать в Астрахани, что свидетельствует о том, что астраханская мусульманская община в тот период рассматривалась в качестве значимой составляющей мусульманского мира России. Но по отношению к Астрахани это решение не было выполнено и меджлиса (совещательного собрания) здесь так и не возникло [25, л. 265, 269]. Объяснить

это можно острой конкурентной борьбой между обществами и лидерами обществ, приведших в итоге к их закрытию в 1913 г.

Временем наибольшего расцвета общественного татаро-мусульманского движения в Астрахани были 1908–1911 гг. При каждом обществе действовали начальные школы с курсом русского языка и с мужским и женским отделениями. Каждое общество издавало свою собственную газету на татарском языке – «Бургани-Таракки» (общество «Шурай-Ислам») и «Идель» (общество «Джамияти-Исламия»). Эти периодические издания получили признание во всем татарском социуме империи и считались общероссийскими.

В издательствах Мустафы Измайлова (лидера общества «Шурай-Ислам») и просветителя Абдурахмана Умерова помимо упомянутых газет в предреволюционный период выходили в свет и другие периодические издания, сатирические журналы, художественная, религиозная и учебная литература [40, с. 112].

Единственным источником существования этих обществ были членские взносы и сборы по подписке, осуществлявшиеся на общих собраниях. Членские взносы в «Шурай-Ислам» составляли 2 руб. 50 коп. (при общей численности в 300 человек получалась значительная сумма), в «Джамияти-Исламия» – 3 руб. в год. На собраниях, согласно документам ГААО, собиралось единовременно до одной тысячи рублей [25, л. 88 об.].

В начале XX в. в Астрахани возник и успешно работал татарский национальный театр. Представления труппы собирали настоящие аншлаги. На сцене шли пьесы на злободневные темы, авторами которых были Г. Камал, Г. Ильяси, К. Тинчурин; а также переводные пьесы русских драматургов. Большую роль в становлении профессионального театра в Астрахани сыграл Нариман Нариманов, отбывавший в Астрахани в 1909–1912 гг. административную ссылку. Средства от спектаклей шли на благотворительные нужды. Также по инициативе Н. Нариманова (врача по образованию) и А. Каримова (провизора) были организованы и успешно проводились лекции по санитарно-гигиеническому и медицинскому просвещению мусульман [27, л. 42].

Благотворительность стала не только основным направлением в деятельности мусульманских культурно-просветительских обществ, но и специально созданного в 1896 г. Попечительства о бедных татарах города Астрахани (с 1908 г. – о бедных мусульманах). Период наибольшей активности общества приходится 1908–1916 гг., когда татарская буржуазия города стала активно жертвовать на различные благотворительные проекты. После закрытия обществ «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» в 1913 г. Попечительство осталось единственным общественным институтом татаро-мусульманской общины региона. Получив собственное здание, оно перерегистрировало на себя школу «Даруль-Эдеп», открыло приют для та-

тарских детей-сирот на 20 человек, сконцентрировало в своих руках помощь семьям военнослужащих и раненым солдатам в годы Первой Мировой войны [20, л. 8].

Несмотря на то, что в Астрахани не возникло многомиллионных татарских состояний, не было купцов-татар первой гильдии, а во второй в разные годы начала XX в. состояли только три фамилии – Эрембетовы, Кардашевы и Адельшиновы (семья Казаковых числилась в первогильдейском купечестве Казани), в городе сложился феномен татарского предпринимательства. Татарская средняя и мелкая буржуазия стала источником финансирования всех основных социально-значимых проектов в рассматриваемый период. Без финансового участия татарской буржуазии было бы невозможно реализовать ни один проект по строительству каменных мечетей, общественных и школьных зданий, издания периодики и т.д. Когда в конце 1911 г. наиболее имущая часть членов общества «Шурай-Ислам» отказала в финансовой поддержке председателю Мустафе Измайлову, это привело к закрытию и самого общества и всех инициированных им проектов [25, л. 151].

Астраханская татарская община на рубеже XIX–XX вв. стала одним из центров общественного татаро-мусульманского движения в России. Благотворительное и культурно-просветительские общества способствовали вовлечению татарской буржуазии города в социально-значимые, культурно-ориентированные проекты и акции. Сегодня здания мечетей, украшающие улицы Астрахани, сохранившиеся в библиотеках номера периодических изданий, являются достоянием культуры всего татарского народа. Школы, основанные и содержавшиеся в начале XX в. за счет средств татарских буржуа, стали в регионе центрами подготовки нового поколения татарской интеллигенции, врачей, педагогов, которые приняли участие в строительстве новой советской государственности.

В целом, в предреволюционный период, астраханская татарская община, благодаря социальной активности национальной буржуазии, смогла преодолеть традиционную этноконфессиональную замкнутость, став неотъемлемой частью социокультурного и экономического пространства Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX в.: Исторические зарисовки. Казань: Татиздат, 2005. 168 с.
2. Арсланов Л.Ш. Юрговских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997.
3. Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Вектор, 2001. 688 с.
4. Астраханский вестник. 24 января 1913 г. № 20.
5. Астраханский листок. 18 ноября 1902 г. № 167.

6. Астраханский листок. 14 декабря 1908 г. № 271.
7. Астраханский справочный листок. 12 сентября 1867 г. № 96.
8. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1465.
9. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1364.
10. ГААО. Ф. 33. Оп.1. Д. 1418.
11. ГААО. Ф.13. Оп. 1. Д. 53555.
12. ГААО. Ф.13. Оп. 1. Д. 54433.
13. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54630.
14. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 65.
15. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3468.
16. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 22984.
17. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24716.
18. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 28980.
19. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 33466.
20. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 34574.
21. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 37075.
22. ГААО. Ф. 94. Оп. 8. Д. 214.
23. ГААО. Ф. 94. Оп. 8. Д. 331.
24. ГААО. Ф. 94. Оп. 13. Д. 37.
25. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297.
26. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 410.
27. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 514.
28. ГААО. Ф. 290. Оп. 3. Д. 521.
29. ГААО. Ф. 290. Оп. 4. Д. 1330.
30. ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3171.
31. ГААО. Ф. 687. Оп. 1. Св. 375. Д. 16.
32. ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 2751.
33. Губайдуллин С. Казаковы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. № 2. С.210–216.
34. Доктор Нариманов бэк Нариманов жэнабларын озату мэрасиме // Идел. 1913. 16 июль. № 571.
35. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
36. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань: Татиздат, 2014. 423 с.
37. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. введ. ст., коммент. и прилож. Д.Ю. Арапов. М.: МГУ, 2001. 366 с.
38. Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. Казань: Магариф, 2002. 79 с.
39. Круковская Е. Астраханский край. По родной земле. СПб., 1904. 124 с.
40. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX вв.). Черкесск: КЧГИ, 2009. 216 с.
41. Прикаспийский край. 06 марта 1911 г. № 90.
42. Роспись г. Астрахани на 1884 г. Астрахань, 1884.
43. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. Казань: Фан, 2004. 260 с.

Имашева М.М. Татарское предпринимательство в социально-экономической жизни Астраханской махалли в начале XX в.

44. Сергеев А.П. Промышленность Нижнего Поволжья в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1971.

45. Тагиров И.Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль-июль 1917 г.). Казань: КГУ, 1977. 216 с.

46. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татиздат, 1977. 327 с.

Сведения об авторе: Имашева Марина Маратовна – доктор исторических наук, доцент кафедры российского регионоведения, Казанский федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); imaschewa@yandex.ru

TATAR ENTREPRENEURSHIP IN SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE ASTRAKHAN MAHALLA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

M.M. Imasheva

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
imaschewa@yandex.ru*

At the turn of the 19th–20th centuries, provincial Astrakhan was one of the recognized centers of the Tatar world in the Russian Empire. On the eve of the revolutionary upheavals, the Astrakhan Tatar-Muslim community took the second place in terms of the Tatar population, after Kazan. The Tatar Astrakhan community was formed throughout the 19th century and was ethnically represented by both local, Astrakhan Tatars and immigrant Tatars from the middle Volga and Ural provinces, who constituted 90% of the city's mahalla.

Having moved to Astrakhan, they joined the socio-economic life of the region. The majority of the Tatar population of the Astrakhan community were engaged in trade (small-scale wholesale, retail, and huckstery) or various trades – baking, transportation, maintenance of public catering enterprises, etc. By property status they belonged to the small and middle bourgeoisie. With their involvement in the early twentieth century, the territory of the Tatar-Muslim community of Astrakhan-Mahalla, or Tatar Quarter (Tatarskaya Sloboda) adopted unique architectural features that have been preserved to the present day.

Keywords: Astrakhan, Tatars, mahalla, ethno-confessional movement, entrepreneurship, socio-economic development.

For citation: Imasheva M.M. Tatar entrepreneurship in socio-economic life of the Astrakhan mahalla in the early twentieth century. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 235–254. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.235-254

REFERENCES

1. Amirhanov R.U. *Tatarskij narod i Tatarstan v nachale XX veka: Istoricheskie zarisovki* [The Tatar people and Tatarstan in the early twentieth century: Historical sketches]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2005. (In Russian)
2. Arslanov L.Sh. *Yurtovskikh tatar (astrakhanskikh nogajtsev) yazy'k* [Yurt Tatars (Astrakhan Nogai) language] // *Yazy'ki mira: Tyurkskie yazy'ki* [Languages of the world: the Turkic languages]. Bishkek, Ky'rgy'zstan Publ., 1997. (In Russian)
3. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [The history of the Khazars]. St. Petersburg, Vektor Publ., 2001. (In Russian)
4. *Astrakhanskij vestnik* [Astrakhan bulletin]. January 24, 1913, no.20. (In Russian)
5. *Astrakhanskij listok* [Astrakhan leaf]. November 18, 1902, no.167. (In Russian)
6. *Astrakhanskij listok* [Astrakhan leaf]. December 14, 1908, no.271. (In Russian)
7. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.1. Op.2. D.1465. (In Russian)
8. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.1. Op.2. D.1364. (In Russian)
9. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.33. Op.1. D.1418. (In Russian)
10. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.13. Op.1. D.5355. (In Russian)
11. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.13. Op.1. D.54433. (In Russian)
12. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.13. Op.1. D.54630. (In Russian)
13. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.94. Op.1. D.65. (In Russian)
14. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.3468. (In Russian)
15. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.22984. (In Russian)
16. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.13. Op.1. D.54433. (In Russian)
17. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.24716. (In Russian)
18. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.28980. (In Russian)
19. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.33466. (In Russian)
20. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.34574. (In Russian)
21. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.3707. (In Russian)
22. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.8. D.214. (In Russian)

23. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.8. D.331. (In Russian)
24. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.13. D.37. (In Russian)
25. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.286. Op.2. D.297. (In Russian)
26. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.286. Op.2. D.410. (In Russian)
27. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan region]. F.286. Op.2. D.514. (In Russian)
28. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.290. Op.5. D.521. (In Russian)
29. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.290. Op.4. D.1330. (In Russian)
30. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.480. Op.1. D.3171. (In Russian)
31. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.480. Op.1. Sv.375.D.16. (In Russian)
32. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.687. Op.2. D.2751. (In Russian)
33. Gubajdullin S. *Kazakovy'* [The Kazakovs] // *Gasy'rlar avazy' – Ekho vekov – Echo of ages*, 2004, no.2, pp. 210–216. (In Russian)
34. *Doktor Narimanov bək Narimanov xəṇablary'n ozatu mərasime* [Farewell service of Their Excellency Dr. Nariman Narimanov] // *Idel – Volga*. July 16, 1913, no. 571. (In Tatar)
35. Zajtsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2004. (In Russian)
36. Zagidullin I.K. *Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860–1905 gg.* [The Tatar national movement in 1860–1905]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2014. (In Russian)
37. *Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'ny'e akty', opisaniya, statistika)* [Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)] / comp. by D.Yu. Arapov. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 2001. (In Russian)
38. Iskhakov D.M. *Tatary': kratkaya etnicheskaya istoriya* [Tatars: A brief ethnic history]. Kazan, Magarif Publ., 2002. (In Russian)
39. Krukovskaya E. *Astrakhanskij kraj. Po rodnoj zemle* [Astrakhan region. In the native land]. St. Petersburg, 1904. (In Russian)
40. Kurmanseitova A.Kh. *U istokov nogajskoj knigi (XIX – nachalo XX vv.)* [At the origins of the Nogai book (the 19th-early 20th centuries)]. Cherkessk, KChIGI Publ., 2009. (In Russian)
41. *Prikaspijskij kraj* [The Caspian Region]. March 6, 1911, no.90. (In Russian)
42. Rospis' g. Astrakhani na 1884 g. [Catalogue of the city of Astrakhan for 1884] Astrakhan, 1884. (In Russian)
43. Salikhov R.R. *Tatarskaya burzhuaziya Kazani i natsional'nye reformy' vtoroj poloviny' XIX – nachala XX veka* [Tatar bourgeoisie of Kazan and national reforms of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kazan, Fen Publ., 2004. (In Russian)

44. Sergeev A.P. *Promy'shlennost' Nizhnego Povolzh'ya v nachale XX v. Diss. kand. ist. nauk.* [Industry of the Lower Volga region in the early 20th century. Dr. Hist. Sci. diss.] Volgograd, 1971. (In Russian)

45. Tagirov I.R. *Revolutsionnaya bor'ba i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Povolzh'e i na Urale (fevral'-iyul' 1917 goda)* [Revolutionary battle and the national liberation movement in the Volga region and the Urals (February-July 1917)]. Kazan, Kazan State Univ. Publ. 1977. (In Russian)

46. Khasanov H.H. *Formirovanie tatarskoj burzhuaznoj natsii* [Formation of the Tatar bourgeois nation]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1977. (In Russian)

About the author: Marina M. Imasheva is a Doctor of Science (History), Associate Professor of the Department for Russian Regional Studies, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); imaschewa@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ВОЗРОЖДЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ АРХИТЕКТУРЫ СТАРО-ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ КАЗАНИ

Х.Г. Надырова

*Казанский государственный архитектурно-
строительный университет
Казань, Российская Федерация
Nadyrova-kh@yandex.ru*

Проблема возрождения идентичности архитектуры Старо-Татарской слободы является актуальной и требует решения, поскольку является частью сохранения идентичности Казани, а это влияет на устойчивость развития города в целом. Для решения обозначенного вопроса необходимо выявить коды идентичности (идентификаторов) слободы и ее застройки на начало XX в., установить их утраты на протяжении XX и начало XXI вв., а также возможные пути восстановления. Значимость полученных результатов состоит в том, что непрерывным условием возрождения идентичности архитектуры Старо-Татарской слободы является сохранение и восстановление градостроительного, этнического, архитектурно-исторического, функционального, ментального и событийного кодов идентичности.

Ключевые слова: идентичность, коды идентичности (идентификаторы), историческая архитектура, Старо-Татарская слобода.

Для цитирования: Надырова Х.Г. Проблема возрождения идентичности архитектуры Старо-Татарской слободы Казани // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 255–263. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.255-263

Старо-Татарская слобода привлекает внимание исследователей различных специальностей, в том числе историков архитектуры, рассматривающих ее как архитектурно-градостроительный объект многовекового компактного расселения татар в Казани [1–3, 5, 6, 10–12]. В их работах раскрыты особенности пространственно-планировочной структуры слободы, своеобразие её жилой застройки и архитектуры мечетей и т.д. Сегодня в историко-архитектурной науке все эти аспекты изучения связываются с идентичностью Старо-Татарской слободы.

Понятие «идентичность» предмета или явления увязывается с понятиями «узнавание» и «отождествление» [7]. В первом случае идентичность означает отличие одного от другого, а во втором – сопоставление и связь с какими-либо явлениями и факторами. Последнее появилось во второй половине XX в. в гуманитарных науках и в настоящее время получило ши-

рокое распространение в научных сферах, связанных с градостроительством и архитектурой.

Исследователи рассматривают идентичность в различных аспектах: как взаимодействие локального и глобального в архитектуре, как сохранение архитектурно-средового наследия, как формирование образа города и его восприятие и т.д. [8]. Одни специалисты определяют *архитектурную идентичность города* как «естественным образом сформированную целостную, узнаваемую совокупность материальных и нематериальных особенностей городской среды» и приводят ряд основных идентификаторов (кодов) идентичности, т.е. базовых характеристик архитектурной идентичности любого города или его части [9, с. 92]. Другие считают, что идентичность выражает то «стабильное», которое обеспечивает воплощение принципа устойчивости и представляет сходство и различие архитектурно-исторической среды конкретных территорий по сравнению с другими. Оно также характеризуется неизменяемыми на протяжении исторических периодов элементами среды, которые могут сохраняться и транслироваться в будущее [4, с. 160]. Идентичность различается по уровням проявления: регион, город, район, слобода, квартал. По своеобразию проявляемых идентификаторов она может быть уникальной, специфической, типичной.

Применительно к Старо-Татарской слободе Казани под идентичностью в более широком смысле можно говорить об архитектурной самобытности, которой она обладала в конце второго десятилетия XX в. в комплексном, многоаспектном проявлении. Этот период является рубежом, за которым последовали революционные социально-экономические изменения в России, пагубно отразившиеся в последующие десятилетия на облике и развитии Казани, в том числе и Старо-Татарской слободы.

Архитектурная идентификационная система Старо-Татарской слободы, обуславливающая её особенности, самобытность, узнаваемость, отличие от других включает архитектурно-историческую среду в целом, как материальную составляющую (отдельные ансамбли и объекты), а также «дух места», как нематериальную составляющую, и имеет следующие идентификаторы (коды):

– *градостроительный* (определяется сохранением культурно-исторического ландшафта, геометрией кварталов, характером периметральной и внутриквартальной застройки кварталов, его исторической парцелляцией, т.е. исторически сложившимся разделением на землевладения или домовладения к началу XX вв., сохранением исторических панорам и видов города);

– *этнический* (определяется национальностью, конфессиональностью и, как следствие, характером объектов, принадлежащих различным общинам или лицам разных национальностей);

– *архитектурно-исторический* (определяется разными морфотипами застройки различных стилевых периодов);

– *ментальный* (определяется сословно-имущественной принадлежностью застройки – купеческой, крестьянской и т.д., образом жизни, менталитетом и ценностными предпочтениями населения);

– *функциональный* (определяется функциональным наполнением архитектурно-градостроительной среды и её объектов – торговым, культурным, зрелищным и т.д.);

– *событийный* (определяется важными историческими событиями и именами, связанными с данной частью или городом в целом).

Методика исследования архитектурной идентичности города применяется для исследования идентичности слободы как части города.

Для комплексного анализа Старо-Татарской слободы как одного из старейших городских образований, населенного преимущественно татарами, с целью выявления кодов идентичности проведено натурное обследование территории и застройки слободы с фотофиксацией объектов историко-архитектурного наследия. Оно позволило выявить определенные зоны застройки и отдельные объекты, относящиеся к различным периодам её существования (с конца XVIII в. по настоящее время). Опираясь на библиографические материалы и выявленные в Национальном архиве Республики Татарстан планы и документы конца XVIII в., XIX в., XX в., автором проведен ретроспективный сравнительный анализ развития пространственно-планировочной структуры и застройки слободы. По результатам комплексного анализа исторической застройки слободы систематизированы типы культовых зданий и хозяйственно-производственных сооружений, усадебных комплексов и жилых домов различной социальной принадлежности, элементы архитектурно-декоративной системы оформления зданий и их видоизменения в ретроспективе.

В начале XX в. архитектурная идентичность Старо-Татарской слободы Казани определялась следующими параметрами.

На градостроительном уровне – своеобразием ландшафта, обусловленным расположением слободы на высоком берегу озера Кабан и постепенным понижением его в сторону реки Волги; внешней ромбовидной и прямоугольной геометрией кварталов слободы, сформированных по регулярному плану Казани 1768 г. и уточнявших его планов города, разработанных в конце XVIII – середине XIX вв.; плотностью застройки по периметру и внутри кварталов в центре и разреженностью их застройки на окраинах; сохранением исторической парцелляции, т.е. исторически сложившимся к началу XX вв. разделением кварталов на домовладения; сохранением исторических панорам и видов слободы с озера Кабан и с реки Волги, которые выделялись ритмом вертикальных доминант – минаретов мечетей и объемных доминант – крупных двухэтажных с мезонинами купеческих домов, а также полихромией в их оформлении.

Этнический идентификатор Старо-Татарской слободы определялся особой типологией усадеб, жилых построек, мусульманской типологией культовых построек и системой их национального архитектурно-художественного оформления.

жественного оформления (характерный резной и накладной декор и полихромия с традиционным колоритом в оформлении жилых, культовых и хозяйственных зданий в сочетании с архитектурной классицистической стилистикой построек). Они отражали исторически сложивший психологический склад и ценностные предпочтения татарского народа.

Архитектурно-исторический идентификатор определялся сохранением и сочетанием разных морфотипов застройки слободы. В первую очередь, это были наиболее древние участки застройки, как правило, размещавшиеся на внутриквартальных территориях и сохранявшие следы дорегулярной планировочной структуры слободы, а также регулярная усадебная застройка, относившаяся к последней трети XIX – началу XX в. и размещавшаяся на красной линии по периметру кварталов. Особое значение имели сохранявшиеся в пространственно-планировочной структуре слободы памятники архитектуры конца XVIII, XIX, начала XX в. (мечети, медресе, усадьбы и дома промышленников, землевладельцев и купцов, крестьянские усадьбы и дома, хозяйственные постройки, здания школ, торговых лавок, промышленные здания и т.д.).

Ментальный идентификатор в слободе проявлялся в сословном характере сохранившихся усадеб и домов (богатых промышленников и землевладельцев, купцов и крестьян), в образе жизни местного татарского населения, его менталитете и ценностных предпочтениях.

В застройке Старо-Татарской слободы характер *функционального наполнения* объектов имел национальное своеобразие на фоне других городских районов и слобод Казани. Мечети размещались в ряду уличной застройки с поворотом продольной оси в сторону Мекки, а не на площадях. Торговые заведения в виде деревянных и кирпично-каменных лавок размещались в структуре купеческих усадеб с входом с улицы. Торговым центром слободы с расширенным составом функций был Сенной базар. Юго-западная часть слободы, примыкавшая к селу Плетени, являлась промышленно-ремесленной зоной.

Событийный идентификатор («дух места» слободы), связанный с сохранением в памяти населения знаменательных исторических событий, легенд, преданий и ярких имен, проявлялся в бытовании особых названий отдельных зон слободы, улиц, объектов, природно-ландшафтных мест, в проведении местных праздников и т.д.

За годы советской власти и постсоветский период архитектурной идентичности слободы был нанесен значительный урон. Старо-Татарская слобода претерпела существенное обновление в советский период путем внедрения пяти-девятиэтажной застройки в историческую структуру. Смена и утрата исторических морфотипов застройки, т.е. исторических типов усадебных комплексов и жилых домов, культовых, хозяйственных, производственных построек, традиционных строительных материалов, нарушение исторически сложившихся границ домовладений при строи-

тельстве в слободе многоэтажных жилых и общественных зданий городского типа привели к следующим изменениям:

– утрате «небесной линии», панорам и привычных картин восприятия застройки слободы;

– нарушению масштабности застройки в исторической среде, когда многоэтажная застройка подавляет и дисгармонирует с малоэтажной традиционной застройкой слободы;

– исчезновению исторической парцелляции, которая связана с характером застройки, сформированной усадьбами домовладений;

– необратимым искажениям самобытного и традиционного облика поселений и утрате «духа места».

Эти изменения были вызваны необдуманной, непоследовательной и неконтролируемой специалистами реконструкцией исторической застройки Старо-Татарской слободы. Естественный процесс обновления и развития архитектуры слободы сопровождался бессистемными единичными реконструктивными мероприятиями по замене исторической застройки немасштабными современными сооружениями. Существующая исторически сложившаяся застройка слободы ветшала, а постсоветская «реконструкция» большинства кварталов привела слободу на грань уничтожения. За последнее десятилетие этот процесс остановлен, но архитектурная идентичность слободы в значительной мере утрачена. С исчезновением исторических морфотипов застройки потеряна целостность пространственно-планировочной структуры. Все это в перспективе ведет к потере ее устойчивого развития.

Решение проблемы возрождения архитектурной идентичности Старо-Татарской слободы заключается в восстановлении прежней среды и сохранении остатков аутентичной исторической слободской застройки в наиболее сохранившихся её частях. При этом непременным условием возрождения ее идентичности, туристической привлекательности и устойчивого развития является сохранение и развитие идентификаторов поселения:

градостроительного и архитектурно-исторического – восстановлением на научной основе исторического парцеллярного деления кварталов и воссозданием исторических морфотипов застройки в тех частях слободы, где это возможно сделать;

этнического – созданием условий для преобладания постоянно проживающего татарского населения в структуре слободы в сохраняемой и воссоздаваемой исторической застройке;

функционального – возрождением в слободе традиционных видов ремесел в структуре усадебной застройки;

ментального – восстановлением традиционного деления слободы на махалли и связанного с ним образа жизни населения;

событийного – выявлением в структуре слободы исторических объектов, связанных с важными и интересными событиями прошлого, памят-

ными досками, малыми формами, информационными стендами, устройством празднеств и т.д. для сохранения «духа места».

Перечисленные приемы и условия в сложившихся реалиях позволят возродить не целостную, а только фрагментарную идентичность Старо-Татарской слободы. Процесс относительно полного её восстановления длителен и непрост. Важным условием устойчивого развития слободы станут продуманные реконструктивные мероприятия по включению новых современных зданий в ее историческую среду. Предстоит решить вопрос по постепенному удалению чужеродной застройки советского времени и низкокачественной архитектуры 1990-х гг.

Проблема возрождения идентичности городов и их частей, а в нашем случае Старо-Татарской слободы Казани, типична для отечественной и мировой архитектурной практики и требует научно обоснованного и взвешенного решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдаров Р.С. Архитектурно-пространственная организация деревянной жилой застройки Казани второй половины XIX – начала XX вв.: автореферат дис. ... канд. архитектуры. Нижний Новгород, 2009.
2. Айдарова-Волкова Г.Н. Татарские слободы Казани: архитектурно-градостроительное развитие и методологические аспекты реконструкции. Учебное пособие. Казань: КГАСА, 1999. 72 с.
3. Айдарова Г.Н. Старотатарская слобода: проблемы спасения архитектурного наследия и градостроительного развития исторической территории // Культурное своеобразие Старотатарской слободы: наследие и перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (18–19 мая 2006 г. г.Казань). Казань, 2007. С. 8–16.
4. Вавилонская Т.В. Архитектурно-историческая среда Самарского Поволжья: формирование, состояние, концепция устойчивого развития: дис. ... док. архитектуры. Самара, 2017.
5. Нугманова Г.Г. Старотатарская слобода в истории одной усадьбы // Культурное своеобразие Старотатарской слободы: наследие и перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (18–19 мая 2006 г. г.Казань). Казань, 2007. С. 20–32.
6. Саначин С.П. Местоположение мечетей Казани елизаветинского времени (40–50-е гг. XVIII в.) // Культурное своеобразие Старотатарской слободы: наследие и перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (18–19 мая 2006 г. г.Казань). Казань, 2007. С.43–59.
7. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 1. С. 13–17.
8. Скалкин А.А. Понятие идентичности и факторы ее формирования // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 4 (41). С. 57–67. URL: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/05_skalkin/index.php (дата обращения: 12.03.2019).

Надырова Х.Г. Проблема возрождения идентичности архитектуры
Старо-Татарской слободы Казани

9. Скалкин А.А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2018. №2(43). С. 87–97. URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/2kvart18/05_skalkin/index.php (дата обращения: 12.03.2019).

10. Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему: Материалы науч.-практ. конф., Казань, 28 февр. – 1 марта 2000 г. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 247 с.

11. Татарские слободы Казани: Очерки истории / Отв. ред.: Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2002. 304 с.

12. Халитов Н.Х., Альменова-Халит Н.Н. Стили и формы татарской архитектуры Казани второй трети XVIII – начала XX в. Историко-архитектурное исследование: монография. Казань, 2014. 391 с.

Сведения об авторе: Надырова Ханифа Габидулловна – доктор архитектуры, зав. кафедрой реконструкции, реставрации архитектурного наследия и основ архитектуры Казанского государственного архитектурно-строительного университета (420043, Зеленая, 1, Казань, Российская Федерация); Nadyrova-kh@yandex.ru

**THE ISSUE OF REVIVING THE IDENTITY
OF THE OLD TATAR QUARTER ARCHITECTURE IN KAZAN**

Kh.G. Nadyrova

*Kazan State University of Architecture and Engineering
Kazan, Russian Federation
Nadyrova-kh@yandex.ru*

The problem of reviving the identity of the architecture of the Old Tatar Quarter is relevant and requires a solution, because it constitutes a part of preserving the identity of Kazan, and that affects the sustainability of the city as a whole. To tackle the specified issue, it is necessary to elicit the identity codes (identifiers) of the quarter and its building environment in the early 20th century, determine the lost buildings in the period of the 20th – early 21st centuries and the possible ways of their reconstruction. The significance of the results is that the necessary condition for revival of the identity of the Old Tatar Quarter architecture is the conservation and restoration of urban planning, ethnic, architectural and historical, functional, mental and event identity codes.

Keywords: identity, identification code (identifier), historical architecture, Old Tatar settlement

For citation: Nadyrova Kh.G. The issue of reviving the identity of the Old Tatar Quarter architecture in Kazan. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 255–263. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.255-263

REFERENCES

1. Aidarov R.S. *Arhitekturno-prostranstvennaja organizacija derevjannoj zhiloz zastrojki Kazani vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov. Avtoref. Diss, Cand. Arch.* [Architectural and spatial organization of wooden residential buildings of Kazan in the second half of the 19th – early 20th centuries. Abstract of Cand. Arch. Diss.]. Nizhnij Novgorod, 2009. 24 p. (In Russian)
2. Aidarova-Volkov G.N. *Tatarskie slobody Kazani: arhitekturno-gradostroitel'noe razvitie i metodologicheskie aspekty rekonstrukcii* [The Tatar quarters of Kazan: Architectural and urban development and the methodological aspects of the reconstruction]. Kazan, Kazan State Univ. of Arch. And Engineering Publ., 1999. 72 p. (In Russian)
3. Aidarova G.N. Starotatarskaya sloboda: problemy spaseniya arhitekturnogo naslediya I gradostroitel'nogo razvitiya istorichesloj territorii [The Old Tatar Quarter: The problem of rescuing the architectural heritage and urban development of historical site]. *Kul'turnoe svoeobrazie Starotatarskoj slobody: nasledie i perspektivy. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Cultural identity of Old Tatar settlement: the legacy and prospects. Proceedings of the International scientific-practical conference]. Kazan, 2007, 168 p. (In Russian)
4. Vavilonskaya T.V. *Arhitekturno-istoricheskaya sreda Samarskogo Povolzh'ja: formirovanie, sostoyanie, koncepcija ustojchivogo razvitiya. Diss. dokt. arh.* [Architectural and historical environment of the Samara Volga region: Formation, state, concept of sustainable development. Dr. arch. sci. diss.]. Samara, 2017. (In Russian)
5. Nugmanova G.G. Starotatarskaya sloboda v istorii odnoj usad'by [Old Tatar Quarter in the history of a house]. *Kul'turnoe svoeobrazie Starotatarskoj slobody: nasledie i perspektivy. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Cultural identity of Old Tatar settlement: the legacy and prospects. Proceedings of the International research-to-practice conference]. Kazan, 2007, pp. 20–32. (In Russian)
6. Sanachin S.P. Mestopolozhenie mechetej Kazani elizavetinskogo vremeni (40–500e gg. XVIII veka) [The Location of mosques of Kazan Elizabethan times (the 40–50-s of the 18th century)]. *Kul'turnoe svoeobrazie Starotatarskoj slobody: nasledie i perspektivy. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Cultural identity of Old Tatar settlement: the legacy and prospects. Proceedings of the International research-to-practice conference]. Kazan, 2007, pp. 43–59. (In Russian)
7. Sapozhnikova R.B. [Analysis of the concept of 'identity': theoretical and methodological foundations]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2005, no.1, pp. 13–17. (In Russian)
8. Skalkin A.A. Ponyatie identichnosti I factory eyo formirovaniya [The Concept of identity and factors of its formation]. *Arhitektura i sovremennye informacionnye tehnologii – Architecture and Modern Technologies*, 2017, no.4 (41), pp. 57–67. (In Russian) Available at: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/05_skalkin/index.php (accessed: 12.03.2019).
9. Skalkin A.A. Arhitekturnaya identichnost' goroda: ponyatie I metodologiya issledovaniya [Architectural identity of the city: concept and methodology of research]. *Arhitektura i sovremennye informacionnye tehnologii – Architecture and Modern Technologies*, 2018, no.2 (43), pp. 87–97. (In Russian) Available at: http://marhi.ru/AMIT/2018/2kvart18/05_skalkin/index.php (accessed 12.03.2019).

Надырова Х.Г. Проблема возрождения идентичности архитектуры
Старо-Татарской слободы Казани

10. *Staro-Tatarskaja sloboda – ot proshlogo k budushhemu*. [Old Tatar Quarter – from the past to the future] *Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan, 28 fevralja – 1 marta 2000 g.* [Materials of scientific and practical conference, Kazan, 28 February – March 1, 2000] Kazan: Master-Line, 2001. 247 p. (In Russian)

11. *Tatarskie slobody Kazani: Oчерki istorii* [The Tatar settlement of Kazan: History essays]. Ex. ed. Salikhov P.P., Khairutdinov P.P. Kazan, Institute of History Publ., 2002. 304 p. (In Russian)

12. Khalitov N.H., Al'menova-Khalit N.N. *Stili i formy tatarskoj arhitektury Kazani vtoroj treti XVIII – nachala XX v. istoriko-arhitekturnoe issledovanie*. [Styles and forms of the Tatar architecture of Kazan in the second third of the 18th – early of 20th centuries: a historical-architectural study]. Kazan, 2014. 391 p. (In Russian)

About the author: Khanifa G. Nadyrova is a Doctor of Science (Architecture), Head of the Department for Reconstruction, Restoration of Architectural Heritage and the Basics of Architecture, Kazan State University of Architecture and Engineering (1, Zelenaya St., Kazan 420043, Russian Federation); Nadyrova-kh@yandex.ru

ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ КУРМАНТАУ
И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

М.Р. Булатова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
m.r.bulatova@mail.ru*

В статье рассматривается история образования татарской деревни Курмантау (по-татарски Кормантау) Гафурийского района Республики Башкортостан и лингвистические особенности носителей курмантауского говора среднего диалекта татарского языка. В ее основе материалы, собранные автором во время диалектологических экспедиций, а также труды историко-этнографического характера, архивные материалы, в т.ч. ревизские сказки, хранящиеся в фондах Уфы и Москвы. Курмантауский говор (*кормантау сөйләше*) выявлен и впервые исследован автором в 2011–2015 гг. Выявлено, что в формировании курмантауских деревень основная роль принадлежала носителям среднего и западного (мишарского) диалектов татарского языка. Доказано, что изучаемый говор имеет своеобразную систему диалектных особенностей и является самостоятельным говором среднего диалекта татарского языка. Исследование языкового материала в непосредственной связи с историей, этнографией дает возможность отобразить довольно подробную картину формирования курмантауского говора, установить основные факторы, приведшие к возникновению его своеобразия, следы взаимодействия с другими говорами татарского языка или с другими языками. Курмантауский говор, как и другие говоры, диалекты, играет важную роль в сохранении этнического самосознания, культурной преемственности поколений.

Ключевые слова: языкознание, татарский язык, диалектология, средний диалект, курмантауский говор, Республика Башкортостан, Гафурийский район, деревня Курмантау, архивные фонды.

Для цитирования: Булатова М.Р. История деревни Курмантау и ее лингвистическая характеристика // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 264–273. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.264-273

В ходе научных экспедиций (2011–2015 гг.) в Гафурийский район Республики Башкортостан автором статьи впервые изучены говоры татарских деревень Абдуллино (по тат. *Абдулла / Таштамак*), Бурлы, Зилим-

Караново (*Жилем-Каран*), Новые Бурлы (*Яңа Бурлы*), Курмантау (*Кормантау*), Кызыл Яр, расположенных в северной части района [3; 4]. История образования деревни Курмантау и других населенных пунктов, относящихся к курмантаускому говору, как и проблемы этнического формирования носителей южной части Башкортостана, подробно описаны в монографиях М.Р. Булатовой «Морфологические особенности татарских говоров ареала “Юг Башкортостана”» (Казань, 2013) и «Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте» (Казань, 2016).

История образования

По данным автора и материалам исследований других ученых, деревня Курмантау (тат. *Кормантау*) была основана мишарами¹ на реке Агидель в 1737–1738 гг. Они были припущены башкирами-вотчинниками Кси-Табынской волости. Чуть позже здесь осели тептяри-татары и ясачные татары, платившие оброк владельцам земли. Всех жителей насчитывалось в 1783 г. – 90 чел., 1795 – 100, 1816 – 244 (из них мишаре: мужчины – 53, женщины – 48; тептяре: мужчины – 68, женщин – 75), 1850 – 393 (из них мишаре: мужчины – 84, женщины – 86; тептяре: мужчины – 105, женщин – 118), 1859 – 401, 1877 – 456 (из них мужчин – 242, женщин – 214; дворов – 88), 1896 – 740, 1906 – 873, 1912 – 978, 1920 – 1074 (в 220 домах жили 499 мужчин и 575 женщин) [4, с. 44; 5; 10, Д. 310; 8, с. 352; 9, с. 143; 7, с. 394–395], 2002 – 489, 2009 – 451, 2010 – 420 (мужчины – 195; женщин – 225) [4, с. 44]. В 1925 г. зафиксировано 158 хозяйств [9, с. 143]. Сокращение жителей Курмантау между 1920 и 1925 гг. [4, с. 351] объясняется тем, что в 1922 вспыхнула эпидемия холеры с высоким смертельным исходом. По воспоминаниям старожилов, в 1920 г. деревне было 1000 чел., к середине 1922 г. осталось около 700 чел., более 300 чел. вымерли болезнью *ваба* (холера) [4, с. 44].

Численность населения дается по материалам ревизий. В XVIII в. их проводилось пять, в первой половине XIX в. еще пять. Сведения собирались по так называемым «сказкам» старост, старшин. Позже они трижды проверялись на сельском сходе (имена, возраст, родство включенных в список людей). Сказкосоставителями были русские дворяне, чиновники, нанимавшиеся за 25–50 руб. В бланки ревизских сказок заносились данные обо всех членах семей с указанием их должностей, имен, фамилий, возраста, родства. На левой странице указывались мужчины, на правой –

---

¹ Мишари или татары-мишари (устар. *мещеряки*, тат. *мишәр татарлары*, *мишәр*, *мишәр*) – субэтнос татар Среднего Поволжья и Приуралья. Формирование данной группы происходило на правобережье Волги вплоть до правобережья Оки на севере. В документах XIV–XVI вв. *мишари* называются «мещеряками», а в более поздних XVI–XVII вв. под общим названием «татары». В Башкирии в это время в сословном отношении мишари определяются как «тептяри», «башкирцы» и «мещане» или просто «крестьяне».

женщины. Собранные ревизские сказки по отдельным группам деревень с подписями юртовских и деревеньских старшин (аул картлары) направлялись кантонному начальнику [1].

В «Настоящей подворной переписи крестьянского хозяйства», произведенной в мае-июне 1912 г. по Уфимской губернии, зафиксировано, что жители Курмантау являлись «коренными собственниками», а по народности – это мешчеряки и тептяри [7, с. 394].

В первой половине XIX в. мишари относились к 4 (а по А.З.Асфандиярову – к 3) юрте 2-го мишарского кантона, а тептяри – ко 2-й команде. Бобыли, осевшие без разрешения в этой деревне, вынуждены были перейти в сословие тептярей путем оформления с башкирами документа о припуске [3, с. 56; 4, с. 46; 1; 8]. В конце XIX в. в деревне работали бакалейные лавки. Базары проводились по вторникам. Жители занимались пчеловодством [1, с. 163].

По архивным данным прослеживается, что соборная мечеть в д. Курмантау была построена в 1870 г. Число душ в это время: мужчин – 366, женщин – 319. Духовными лицами при мечети, утвержденные губернским или областным правлениями, являлись Даутов Юнус – имам и хатип (утв. указ от 4 сентября 1871 г.; № 481), Абызгильдин Гиниятулла – имам и мугаллим (утв. указ от 17 марта 1895 г., № 1199), Исламгулов Камалитдин – муэдзин (утв. 13 августа 1902 г. № 2663), Габдуллин Г. (утв. 1918 г. № 4670 (?)) [5, ф. И–295; 4, с. 46]. По рассказам матери автора статьи и по другим источникам, в 1927–1930 гг. муэдзином был Шаяхметов Кульмухамет Хазимухаметович (1884 г.р.; прадед автора), мулла Гадельшин Аскад. Общеизвестно, что в 1920–1930 гг. в Башкирии, как и в других регионах СССР, велась борьба с религией, которая в том числе сопровождалась разрушением мечетей, закрытием религиозных учебных заведений и т.д. В эти годы мечеть в Курмантау тоже закрыли. Лишь в 2013–2014 гг. была построена новая [4, с. 46–47].

В конце XIX в. (1890 г.) при мечети действовало медресе (религиозная школа). В 1905 г. работала начальная школа; 1914 – татарско-русское училище, 1917 – начальная школа, 1949 – семилетняя школа, 1958– восьмилетняя школа, 1989 – неполная средняя школа, 1998 – полная средняя общеобразовательная школа, 2010 – Курмантаевская основная общеобразовательная школа. С 1995 г. директором школы является Биктимеров Рим Мухлисович [4, с. 47]. В таблице «Сведения из источников по Стерлитамакскому уезду Уфимской губернии» находим, что в «д. Курмантаево с 1786 г. существовало училище при мечети или медресе, с количеством учеников – 60 (муж. – 40, жен. – 20) [5, ф. 11. оп. 1, Д. 959; 4, с. 47; 6, с. 47]; в 1867 г. и 1870 г. из 282 мусульманских учебных заведений Уфимской губернии в Стерлитамакском уезде всего работало 18 школ при селениях и 11 училищ при мечетях и медресе с общим количеством 1425 учеников [6, с. 45]. До Октябрьской социалистической революции в деревне

работало татарско-русское училище. После революции – светская школа, в которой преподавание велось по предметной системе.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в центре Табынского, Михайловского и Курмантауского городищ – памятников VIII–III вв. до н.э. – находится гора Курмантау (тат. *Кормантау*), на вершине и склонах которой имеются культурные отложения, содержащие обломки керамики, кости животных, мощные зольные прослойки [5]. По рассказам жителей Курмантау и по мнению лингвистов, название горы образовалось от слов *Корбан* + *тау*, т.е. «жертвенная гора». Состав находок и название горы, высота которой является самой господствующей на данном участке долины реки Белой, наводят на мысль о том, что это место действительно могло использоваться для проведения больших праздников, во время которых приносились (общеплеменные?) жертвоприношения. Название Курмантау получила и деревня, находящаяся у подножья данной горы. О появлении названия деревни есть специальная легенда: «У подножья горы Курмантау проживал род людей, а в 20 км севернее у подножья горы Магаш другой род, и между этими двумя родами была постоянная вражда. И однажды, во время очередного сражения, гора покрылась трупами и гору стали называть «горой жертв». Получается, что *Курбантау*, впоследствии видоизмененное название Курмантау получила и деревня, находящаяся у подножья этой горы [4, с. 288–290; 3, с. 57].

Имеется и другая легенда об изучаемой деревне. «По рассказам стариков, до Пугачевских восстаний здесь жили казахи, и этот род постоянно воевало с людьми другого рода. И в один день казахами было убито много противников, гора была покрыта трупами. Поэтому гора стала называться *Корбантау*, затем *Кормантау* (переход звука [б] на [м] – прим. Авт.). Однажды на эту землю поселились мишаре, типтяре – татары, которые приехали из Волги. И почему то, после их прихода, казахи навсегда уехали, переселились отсюда» [11, с. 84; 4, с. 48]. И.К. Фазлутдинов обращает внимание на то, что в этой легенде, также как и в легендах о других некоторых татарских деревнях Башкортостана, не указано разрешение на права поселения в эту деревню татар у жителей, в данном случае у казахов. Ученый считает, что раз казахи так легко выселились из деревни, значит у них не было вотчинного права на землю и они жили временно [11, с. 60; 4, с. 289].

По ревизским сказкам 1816, 1834 и 1850 гг. среди мишар Курмантау большинство были с фамилиями Курмангулов, Курмангалиев, Абдулкаримов [5; 10, Д. 310, 1816 г.], Курбангалиев, Курмангалиев, Рахимкулов, Курбангулов [10, Д. 335, 1834 г.], Курмангалиев, Курмангулов, Мухаметьяминов, Салихов, Рахманкулов, Амирханов, Рахматуллин и т.д. [10, Д. 665, 1850 г.]. Заметно, что доминировали фамилии, связанные со словом *курбан* (Курбангалиев, Курбангулов, Курмангалиев, Курмангулов), что отражает название деревни. По ревизским сказкам 1811, 1816, 1834 и 1850 гг. в Курмантау жили мишари, татары-тептяри с фамилиями Абдулгазизов, Абдулгаллямов, Абдулкаримов, Абдулсаямов, Айсин, Альметов,

Амирханов, Ахмеров, Гайсин, Исламгулов, Курбангулов, Курмангулов, Курбангалиев, Курмангалиев, Кучуков, Мусин, Мухаметьяминов, Нигъматуллин, Рахимкулов, Рахманкулов, Рахматуллин, Сабангулов, Сагитов, Сайфуллин, Салихов, Сеитьягафаров, Султанбеков, Султамбеков, Солтанбеков, Султангалиев, Султанмратов, Суяргулов, Улмяскулов, Уразгулов, Уразбаев, Уразбеков, Уразгильдин, Уразметов, Шарипов и т.д. [4, с. 49; 10, ДД. 55, 105, 308, 310, 335 и др.].

Как известно, история образования татарских фамилий уходит в давние времена, когда первыми приобретали фамилии наиболее знатные и богатые представители татарских родов [5; 4, с. 49]. Пока фамилии не приобретались, идентификация с определенной семьей определялась по родовой принадлежности. Каждый представитель семейства должен был знать имена своих предков по отцовской линии до седьмого колена. Большинство татарских фамилий представляют собой производное от имени родоначальника мужского пола, поэтому первой фамилией становилось имя отца. Например, в ревизских сказках 1834 г. записано, что у *Баттала Султангалеева* сын – Хуснутдин [10, Д. 529], а в записи 1850 г. указано, что в деревне проживает *Хуснутдин Баталов* [10, Д. 656]. По ревизским сказкам 1811, 1834, 1850 гг. находим следующую информацию: 1. Айс Мусин → Султанбек Айсин (1-ый сын) → Султамбеков Губайдулла; 2. Айс Мусин → Мурзакай Айсин (2-й сын) → Рахматулла Мурзакаев → Ахматулла Рахматуллин [10, ДД. 339, 656 и т.д.]; 3. Корбангалиев Нигъматулла → Зейнулла Нигъматуллин [10, Д. 528; 4, с. 49].

Отчества у современных татар Приуралья и Поволжья появились во времена принятия ислама. Они образовывались от имени отца с добавлением *улы* (сын) или *кызы* (дочь). Например, *Абдулла улы* – Абдуллович. С течением времени традиции формирования татарских фамилий смешались со способом образования русских фамилий, т.е. к ним стали добавляться окончания *-ов, -ев, -ин*: *Курбангулов* – сын Курбангула, *Рахматуллин* – сын Рахматуллы. В годы советской власти правило было изменено – внуки наследовали фамилию отца, которая произошла от имени деда. Со временем фамилия не менялась и стала относиться ко всем потомкам татарского рода. В современном Курмантау распространены следующие фамилии: Гиззатуллины, Исламгуловы, Шаяхметовы, Халиловы, Валеевы, Шараповы, Хасановы, Хайрутдиновы, Гималетдиновы, Гафаровы, Сайгафаровы, Биктимеровы, Якуповы, Булатовы, Кинзябулатовы, Гатиятуллины, Хаж(з)иахметовы, Нургалеевы, Яппаровы, Камалтдиновы, Нафиковы, Каримовы, Гадельшины, Файзуллины, Фаткуллины, Халиковы, Хисамутдиновы, Ахметзяновы, Муллагалиевы, Афлятуллины, Усмановы, Ягафаровы и др. [4, с. 50].

Лингвистические особенности

Как отмечено выше, деревня Курмантау основана мишарями, но с течением времени (после присоединения тептяр и ясачных татар – носите-

лей среднего диалекта) их говор изменился. По языковым особенностям данные группы относятся к среднему диалекту татарского языка. Такой говор распространен в населенных пунктах Абдуллино, Бурлы, Зилим-Караново, Новые Бурлы (Яңа Бурлы), Кызыл Яр, расположенных в северной части Гафурийского района Республики Башкортостан [3, с. 56; 4]. Анализ собранного языкового материала показал, что изучаемый говор имеет своеобразную систему диалектных особенностей, что позволяет рассматривать его как отдельный самостоятельный курмантауский говор (*курмантау сөйләше*) среднего диалекта татарского языка (от названий деревни Курмантау и расположенной рядом горы Курмантау).

В формировании курмантауских деревень основная роль принадлежала носителям среднего и мишарского (западного) диалектов татарского языка. Хотя на исследуемых землях в разные годы обосновывались мишари, с течением времени говор носителей мишарского диалекта изменился (ассимилировался), испытав влияние говора татар – носителей местного-тюркского и переселившихся на данную территорию из Мензелинского («*Минзәлә ягынан килгәннәр*») и других районов Татарстана, также из Аургазинского района Республики Башкортостан среднего диалекта [4, с. 281].

Говор жителей Курмантау (как и вышеперечисленных деревень) имеет специфичные, присущие только ему особенности, не свойственные соседним татарским говорам (белебеевский, янаульский подговоры мензелинского говора, бакалинский подговор кряшен, бирский, златоустовский, тепекеевский, турбаслинский, пританыпский, учалинский, байкибашевский и стерлитамакский) ареала «Юг Башкортостана». По составу языковых особенностей курмантауский говор стоит между белебеевским подговором мензелинского говора и златоустовским говором среднего диалекта татарского языка [3; 4, с. 284].

В курмантауском говоре наиболее отличительными специфическими особенностями в области фонетики являются: соответствие *и-ә* (*кәбән* – лит. *кибән*, *кәртә* – киртә и т.п.), системное соответствие *с~ч* (*сәй* – лит. *чәй* ‘чай’), спорадические соответствия *d~з* (*дур* – зур ‘большой’), *ж~жс* (*таж* – *тажс* ‘венчик, венец’), *й~жс* (*йылы* – *жылы* ‘теплый’) и т.д.; употребление вместо заднеязычного [г] звука более заднего образования, но не глубоко-заднеязычного [ґ] (*Гәлнара* – *Гөлнара* (им. собств.), *гәлән* – лит. *гел* ‘всегда’); смягчение *ш* (*шәл* – *шал* ‘шал’); случаи вставки *с* в конце слова (*кыныс* ‘ушко и верхний край ведра’ <*кын* + афф. (*ы*)с, *йалпыс* <лит. *ялпы* ‘выделенный участок в поле для посадки картошки’, *тотқас* – *тотка* ‘ручка, держатель’); случаи вставки *х* в первом слоге (*хәстеру* – лит. *өстеру* ‘наускивать’, *охшай* – *ошый* ‘нравиться’); вставка *ш* (*әшшәләу* – лит. *әвәләу*, графич. *әвәләу* ‘скатывать, обвалить, вылепить’); вставка *ң* (*сеңгерткә* – лит. *чикерткә* ‘кузнечик’, *йаңгылыш* – *йалгыш* ‘нечаянно, ошибочно’); вставка *й* (*мүкәйләу* – лит. *мүкәләу* ‘ходить на четвереньках, ползти’); *сыйган* – *чегән* ‘цыган’, *туйызбаи йылан* – *тузбаи* ‘уж’); отклонения в названиях личных имен (*Рәмил*, *Рәдис*, *Рәфис*); и, наоборот, в женских

именах звучит как *Али́я* – лит. *А°лийэ*, *Алина* – *А°линэ* / *Элинэ*, *Асийа* – *А°сийэ* и др.; в заимствованиях последний слог произносится в твердом варианте (*гимнази́я* / *гимназы́я* – *гимнази́я* < гимназия, *ривалутсы́я* – *революци́я* < революция и т.д.) и др. [4, с. 285, 63–94; 2, с. 38–43].

Специфические особенности в области морфологии: употребление *-ай/-эй* вм. лит. *-ый/-и(й)* (*ниндэй* – лит. *нинди* ‘какой’, *тарай* – *тарый* ‘расчесывает’, *килмэйем* – *килмим* ‘не приду’), *-сыгыз/-сегез* ~ *-сыз/-сез* (*барасыгыз* – *барасыз* ‘идете’ и т.п.); колебания в употреблении узких и широких вариантов аффикса *-ыр/-ер*, *-ар/-эр*: *йазыр* – лит. *йазар*, *жиңер* – *жиңэр*; форма отрицательного аспекта будущего времени в 1 л. ед.ч. *-масмын* – лит. *мам(ын)* (*бармасмын* – лит. *бармам(мын)*); наречия типа *безнеңчә*, *сезнеңчә* лит. языка употребляются в форме *безнекенсә* ‘по-нашему’, *сезнекенсә* ‘по-вашему’; форма *диң* (лит. *диген*, *дип эйт*) во 2 лице ед. числа повелительного наклонения (*сөйләшәселәре килә диң* (диген)); употребление сокращенного варианта окончания 2 лица мн.ч. положительного и отрицательного аспектов глаголов будущего времени *-ыс/-ес*: *китерес* – лит. *китерерсез* ‘принесете’; наречий *беркилке* – *бервакытны* ‘однажды’, *азақ / адақ* – *аннары* ‘потом, затем’, *күзәмәли / күзәмәле* – лит. *күрәләтә торып*, *күз алдында*, *күзгә карап* ‘на глазах, на виду у всех’; глагола имени действия *ашақлау* – *аша чыгу* ‘перешагнуть’ и др. [3, с. 82–181; 4, с. 95–179, 285].

В ходе формирования курмантауского говора сложилась и характерная для него лексико-семантическая система. Его основу составляют общетатарские слова. Диалектная лексика проявляет большую общность с говорами среднего и западного диалектов. Обнаруживается определенное число слов, общих с говорами восточных диалектов татарского языка. В лексическом составе говора имеются слова, характерные для башкирского языка. Это вполне естественно, так как татарское население данного ареала в течение нескольких веков жило в непосредственном соседстве и в тесном контакте с башкирами (например, *сыбайлы* – лит. *жәйдак* ‘всадник, верховой’, *башантай* – *йон оекбаш* ‘шерстяные носки’, *йалагай* – *ажгаган* ‘зарница’). Имеются заимствования из русского языка (*калдауай* <кладовая – лит. *келәт*, *нәрәт бару* <наряд, *тәрликә* < тарелка – *тәлинкә* и др.), финно-угорских языков (*пыйма* – лит. *киез итек* ‘валенки’, *туйыз* – лит. *туз* ‘береста, берёстовый’ и др.). Некоторые слова восходят к древнетюркскому языку. Однако говор характеризуется большим количеством специфичных диалектизмов, не свойственных для других говоров татарского языка: *көмәгэй* – лит. *аңкау* ‘нёбо’, *сөрхет* ‘худой высокий человек’, *сыйқыт* ‘худой’, *саңнау* ‘водопой стада’, *кәшәнәк* – *касә яфракчыгы* ‘чашелистик’, *тос* – *төш* ‘ядро, косточка (плода)’, *тарават* ‘щедрый человек’, *қоно* – *бирән* ‘обжора’, *бүсмәт* ‘медлительный; толстый’, *қайау* ‘ жало пчелы’, *шылгайақ* ‘хитрец, ловкач’, *хөрәйрә* ‘высокомерный, вольный’, *бәс* ‘коричневый’, ‘иней, изморозь’, *чиқалай* – *мүкләгеч* ‘конопатка’, *пежник* – сукуыр лампа ‘лампа без стекла (букв. слепая лампа)’ и др. [4, с. 199–277].

Таковы история формирования деревни Курмантау и языковые особенности курмантауского говора. Комплексный подход и тщательный анализ большого языкового материала, анализируемого в тесной связи с историческими источниками, дает возможность объективно и научно обоснованно определить место курмантауского говора в диалектной системе татарского языка и доказать, что их носители являются частью татарского народа. Сопоставительный анализ с литературным языком, с другими татарскими говорами, а также с тюркскими языками позволил прийти к выводу о том, что курмантауский говор по фонематическому составу, грамматическому строю и по основному словарному фонду представляет собой часть татарского языка и относится к среднему диалекту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Булатова М.Р. Курмантауский говор в сравнительном освещении (фонетические особенности) // Наука XXI в. Проблемы филологии и искусствоведения. Вып. 6: Материалы Международной научной конференции молодых ученых и аспирантов. Казань, 2012. С. 35–45.
3. Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». Казань, 2013. 240 с.
4. Булатова М.Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. Казань: Изд. «Магариф-Вақыт», 2016. 384 с.
5. Государственное казенное учреждение Республики Башкортостан: Центральный исторический архив РБ (г.Уфа).
6. Исянгулов Ш.Н. «Ведомости о башкирских школах» как исторический источник по открытию мусульманских учебных заведений // Археография Южного Урала: изучение документальных источников по истории развития языков народов Южного Урала: материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 44–48.
7. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии: Подворная перепись 1912–1913. Ч. II. Уфа: Печать, 1914.
8. Населенные пункты Башкортостана. Часть I. Уфимская губерния, 1877. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
9. Населенные пункты Башкортостана. Часть III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. 400 с.
10. Ревизские сказки // Центральный исторический архив Республики Башкортостан (г. Уфа).
11. Фазлутдинов И.К. Топонимические предания и легенды татар Башкортостана: исторические основы и идейно-эстетические функции: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.

Сведения об авторе: Булатова Миннира Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Карла Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); m.r.bulatova@mail.ru

KURMANTAU VILLAGE HISTORY AND ITS LINGUISTIC CHARACTERISTICS

M.R. Bulatova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
m.r.bulatova@mail.ru*

This article discusses the history of the formation of the Tatar village of Kurmantau of the Gafuri region in the Republic of Bashkortostan and the linguistic features of speakers of the Kurmantau subdialect of the Tatar language middle dialect. It is based on the materials collected by the author during dialectological expeditions, as well as historical and ethnographic works, archival materials, including revision tales stored in the funds of Ufa and Moscow. The Kurmantau subdialect was discovered and first investigated by the author in 2011–2015. It is noted that the main role in the formation of the Kurmantau villages was played by the speakers of the middle and western (mishar) dialects of the Tatar language. It is proved that this subdialect has a specific system of dialectal features, and is an independent subdialect of the middle dialect of the Tatar language. The study of linguistic material in direct relation to history and ethnography makes it possible to display a rather detailed picture of the formation of the Kurmantau subdialect, establish the main factors that led to its originality, as well as traces of interaction with other dialects of the Tatar language or with other languages. The Kurmantau subdialect, like other subdialects and dialects, plays an important role in preserving ethnic identity and cultural continuity of generations.

Keywords: linguistics, the Tatar language, dialectology, middle dialect, kurmantau subdialect, Republic of Bashkortostan, Gafuri district, Kurmantau village, archival funds.

For citation: Bulatova M.R. Kurmantau village history and its linguistic characteristics. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 264–273. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.264-273

REFERENCES

1. Asfandiyarov A.Z. *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nyh territorij* [History of villages and rural areas of Bashkortostan and its cross-border regions]. Ufa, Kitap Publ., 2009. 744 p (In Russian)

2. Bulatova M.R. Kurmantauuskij govor v sravnitel'nom osveshchenii (foneticheskie osobennosti) [The Kurmantau subdialect in comparative presentation (phonetic features)]. *Nauka XXI veka. Problemy filologii i iskusstvovedeniya. Vyp. 6: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i aspirantov* [Science of the 21st Century. Problems of Philology and Art History. Issue 6: Proceedings of the International scientific conference of young scholars and postgraduate students]. Kazan, 2012, pp. 35–45. (In Russian)
3. Bulatova M.R. *Morfologicheskie osobennosti tatarskih govorov areala "Yug Bashkortostana"* [Morphological features of Tatar subdialects of the South Bashkortostan area]. Kazan, 2013. 240 p. (In Russian)
4. Bulatova M.R. *Kurmantauuskij govor srednego dialekta tatarskogo yazyka v etnolingvisticheskom aspekte* [The Kurmantau subdialect of the Tatar language middle dialect in ethnolinguistic terms]. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2016. 384 p. (In Russian)
5. Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Bashkortostan: Central'nyj istoricheskij arhiv RB [State public institution of the Republic of Bashkortostan: RB Central Historical Archive]. Ufa. (In Russian)
6. Isyngulov Sh.N. "Vedomosti o bashkirskih shkolah" kak istoricheskij istochnik po otkrytiyu musul'manskih uchebnyh zavedenij ["Bulletin on Bashkir schools" as a historical source on opening Muslim educational institutions]. *Arheografiya Yuzhnogo Urala: izuchenie dokumental'nyh istochnikov po istorii razvitiya yazykov narodov Yuzhnogo Urala: materialy VI Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Archeography of the South Urals: Studying documentary sources on the history of development of the South Urals people's languages: Proceedings of the 6th Inter-regional research-to-practice conference]. Ufa: CEI UNC RAS Publ., 2006, pp. 44–48. (In Russian)
7. *Krest'yanskoe hozyajstvo Ufimskoj gubernii: Podvornaya perepis' 1912–1913*. Ch. II. [Peasant households of the Ufa Province: Census of homesteads in 1912–1913. Part 2]. Ufa, Pechat Publ., 1914. (In Russian)
8. *Naselennye punkty Bashkortostana. Chast' I. Ufimskaya guberniya, 1877* [Populated clusters of Bashkortostan. Part 1. Ufa Province, 1877]. Ufa, Kitap Publ., 2002. 432 p. (In Russian)
9. *Naselennye punkty Bashkortostana. Chast' III. Bashrespublika, 1926* [Populated clusters of Bashkortostan. Part 3. Bashkir Republic, 1926]. Ufa, Kitap Publ., 2002. 400 p. (In Russian)
10. *Revizskie skazki* [Census lists]. Central'nyj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan [The Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Ufa. (In Russian)
11. Fazlutdinov I.K. *Toponimicheskie predaniya i legendy tatar Bashkortostana: istoricheskie osnovy i idejno-esteticheskie funkicii. Dis. Kand. filol. nauk* [Toponymic tales and legends of Tatars of Bashkortostan: Historical foundations and identity-esthetic functions. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Ufa, 2005. (In Russian)

About the author: Minnira R. Bulatova is a Candidate of Science (Philology), Senior Research Fellow, Department of Lexicology and Dialectology of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12, Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); m.r.bulatova@mail.ru

**Г. ӘХМӘРОВНЫҢ «ТӨРКИ ӘЛИФБАСЫ» БИТЛӘРЕНДӨ
БАЛАЛАРГА ӘХЛАКЫЙ ТӘРБИЯ БИРҮ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ**

Д.М. Галиуллина

*Казан федераль университеты
Казан, Россия Федерациясе
galiullinadm@mail.ru*

Мәкаләдә мөгаллим Г. Әхмәровның «Төрки әлифбасы» тарихи чыганак буларак, татар халкының балаларны укуыту системасы белән бәйлә рәвештә анализлана. Әлифбадагы текстлар балаларга әхлакый тәрбия бирү мәсьәләсеннән чыгып тикшерелә. Шулай ук «Әлифба кайтапларына тәнкыйть» методик кулланмасына да игътибар бирелә. Тәнкыйтьтә Г. Әхмәров Х. Зәбири, Ш. Таһири, Г. Мөслимов һ.б. әлифбаларны анализлай. Тәнкыйтен мәктәпләрдә иң күп таралган Н. Максудиның «Мөгаллим әвәл» әлифбасыннан башлай. Шуңа күрә мәкаләдә бу әлифбага аеруча зур игътибар бирелә, Г. Әхмәровның «Төрки әлифбасы» басылып чыккач, ике бөек шәхес арасында 1910 елда кызып киткән дискуссия дә искә алына. Бәхәс «Йолдыз» газетасы битләрендә чагылыш таба. Н. Максудиның «Мөгаллим әвәл» белән Г. Әхмәровның «Төрки әлифба»сындагы текстларның эчтәлегә чагыштырылып анализлана. Бу уку әсбаплары эчтәлегә ягыннан бер берсеннән нык аерылып тора. Г. Әхмәров кыска эчтәлекле, дөньяви текстларга өстенлек бирә, Н. Максудиның «Мөгаллим әвәл»ендә зур күләмле кызык эчтәлекле текстлар күбрәк очрый. Дини тематикага язылганнары да бар. Ләкин авторларның максатлары бер – балаларны ана телендә укырга һәм язарга өйрәтү. Әлифбалар бу бурычны уңышлы үтиләр. 1917 елгы октябрь инкыйлабына кадәр бу уку әсбаплары мәктәпләрдә кулланыла.

Ачыкч сүзлә: «Төрки әлифба», «Йолдыз», «Мөгаллим әвәл», мәдәният, тарих, чыганак, жәдитчелек, әхлак, тәрбия.

Цитата өчен: Галиуллина Д.М. Г. Әхмәровның «Төрки әлифбасы» битләрендә балаларга әхлакый тәрбия бирү мәсьәләләре // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 274–283. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.274-283

Татар милли педагогикасы тарихында тирән эз калдырган шәхесләр аз түгел, ләкин Г. Әхмәровның эшчәнлегә аеруча игътирамга лаек. Ул татар халкының киләчәгә өчен борчылып яшәгән ихлас милли рухлы шәхес. Бу чордагы башка милли интеллигенция вәкилләре кебек үк, милләтне саклап

калу ысулын ул нәкъ белем бирү, балаларны укуыту системасын үзгәртүдә күргән. Г. Әхмәров – күп кенә дәрәсләкләр авторы. Казандагы татар укытучылар мәктәбен (Казанская татарская учительская школа) тәмамлаганга, мәктәптә мөгаллим булып эшләгән, аны бигрәк тә балаларны укырга, язарга өйрәтү методикасы кызыксындыра [10, 14 б]. Нәтижәдә татар әлифбаларына багышланган методик кулланма «Әлифба китапларына тәнкыйть» (1909) басылап чыга [3].

1890 еллардан башлап 1917 елга кадәр Казанда 60 ка якын татар әлифбасы дөнья күрә [1, б. 51]. Күпчелеге 1905 елдан соң гына басыла, чөнки мәдрәсәләрдә төп реформа үткәрү нәкъ менә шул чорда башланып китә. Әлифбаларның авторларына килгәндә, алар күбесе мәртәбәле жәмәгать эшлеклеләре, педагоглар – Г. Баруди, Н. Максуди, Ш. Таһири һ.б. Алар төзөгән әлифбалар бик төрле һәм бер-берсеннән нык аерылып торалар. Г. Әхмәров мәктәпләрдә кулланышта булган 15 әлифбаны тикшереп карый, анализ өчен киң таралган 10 дәрәсләкне генә сайлап ала. Аның фикеренчә, аларның күбесе педагогик норма һәм стандартларга туры килми. Шулай ук ул халык арасында йөргән имеш-мимешләргә дә игътибарсыз калдырмый: күп кенә начар сыйфатлы әлифбаларның мәдрәсә шәкертләре, хәтта печән базарында приказчик хезмәтен үтәүчеләр тарафыннан язылып, сонрак байларның бу китапларны зәкәт буларак ысул жәдит мәктәпләренә таратуларын искәртә. «Ишеткемезә күрә – Казанда бәгъзе китапчыларның матбагаларында хәрәф жыючы шәкертләр дә дәрәс китаплары язып яталар имеш, шуларны хужалары арзан бәһагә алып бастырып дөньяга тараталар диләр», – дип тә өсти автор. Кайсы әлифбалар турында сүз барганын Г. Әхмәров төгәл язмый. Шулар арасыннан 3–4 генә мәктәпләрдә кулланырга ярый дип санып, калган басмаларда грамматик хаталар, стилистик яктан дәрәс булмаган конструкцияләр, балаларга аңлаешсыз текстлар булуын асызыкый Педагогикадагы иске һәм яңа ысулларны белмичә мәктәп балалары өчен әлифба язуны «дуга белән печән чабу» белән тиңли [3, 2–3 б.]

Автор – аваз методы тарафдары, шуңа күрә ул ижек методына нигезләнгән күп кенә әлифбаларны тәнкыйтти. Бәлки шуңа күрәдер тәнкыйтен казан татарлары арасында ижек методына нигез салучы булып саналган Н. Максудиниң «Мөгаллим әүвәл» әлифбасыннан башлай. Бу әлифба 1892 елдан 1917 елга кадәр 1 миллион 200 мең данә тираж белән 31 тапкыр басылып чыга [9, 115 б.]. Г. Әхмәров фикеренчә, «соң заманда чыккан әлифбаларның күбесе «Мөгаллим әүвәл»дән күчәрәп язылган». Н. Максуди әлифбасын да ул «мәгънәсез» сүзләр, «зәвыксыз» жөмләләр, төрки сүзләрдә кулланылмаганга төшәп калган гарәп хәрәфләр өчен тәнкыйтли. «Максудиниң ысулы педагогия тарихында мәгълүм яңа ысулларның берсенә дә охшамаган», – дигән фикергә килә автор. Ахырдан «Максудиниң үзенә махсус бер имласы булганлыктан әлифбасы да шуның кагыйдәсенчә язылган», – дип нәтижә ясый. Шулай ук китапны яхшы сыйфаты һәм арзанлыгы өчен мактый [3, 4–8 б.]

Тәнкыйтче Х. Зәбири, Ш. Таһири, Г. Мөслимов һ.б авторларны да читләп үтми. Ш. Таһири әлифбасы [18] педагогик нормаларга туры килә дип саны [3, 55 б.] Автор фикеренчә, Г. Мөслимовның әлифбасы [15] һ. Максудинның «Мөгаллим әвәл» һәм Г. Барудинның «Сәвад ханы» [8] материалларыннан «чүпләп» язылган «өченче китап». Ягъни бу плагиат [3, 33 б.]. Х. Зәбирине [11], мәсәлән, сүзләргә мишәрчә язуда гаепли. Г. Әхмәров үзә дә 1910 елда басылып чыккан «Төрки әлифбасында» «ж» хәрефен еш куллана. Мәсәлән, «жылак бала», «жырак базар», «кар жава» һ.б. [6, 21 б.]. Татар теленә төгәл грамматик нормалары кабул ителмәгән чор өчен бу гаеп түгел. Чынлыкта исә бу әлифбалардагы сүзләргә язылышы күбрәк халык сөйләм теленә туры килә. Шулай ук Х. Зәбири дә, башка авторлар кебек, «Мөгаллим әвәл»не үрнәк итеп алган, дип саны Г. Әхмәров [3, 19 б.]. «Зәбиринәң тәртибе Максуди тәртибенә охшашлы, әлифбасының күп урыннары «Мөгаллим әвәлдән» күчәрәп язылган кеби күрәндәр. Сүрәтләр ачык түгел «хәтта танырлыкта түгел», – дип тә өсти автор [3, 28 б.]. Бу тәнкыйт дәрәскә туры килә. Беренчә рәсемле әлифбаның авторы билгеле түгел. Татар педагогикасын яңа форматка күтәрүчә нәкъ Х. Зәбири булырга да бик мөмкин.

Рәсемле әлифбалар 1905 елгы инкыйлабтан соң гына басыла башлы һәм әлифбаларның сыйфаты бик начар була. Дәрәсләкләрдә рәсемнәр урнаштыру татар педагоглары арасында шау-шу, бәхәс тудыра. Бу тема 1905 елгы инкыйлабка кадәр үк күтәрелгән була. Берәүләр, «рәсем балага әйберне танырга ярдәм итә», – дип фикер йөртсәләр, икенчеләре исә «китаптагы рәсемнәр баланың игътибарын читкә тарта», – дип рәсем урнаштыруга каршы булалар. Өченчеләре, «әйбернең үзен күрәп яки аның моделен күрсәтеп сөйләү мөмкинлегә булганда, рәсемне китапка кертүдән һичбер файда юк», – дип санылар [12, 49–51 б.]. Г. Әхмәров, мәсәлән, Х. Зәбири әлифбасында урнаштырылган гармун сурәтен тәнкыйтли. Аның фикеренчә, татар халкы бу уен коралын исерекләр кулында һәм трактирларда күбрәк күргәнә, музыканы сөйсә дә, дәрәслек китапларында күргә эзәр түгел [3, 15–29 б.]. Мөгаллимнәр арасында бу тема буенча уртак фикер булмаса да, рәсемле әлифбалар саны елдан ел арта.

Билгеле, татар педагоглары Г. Әхмәровның бу методик кулланмасын игътибарсыз калдырмыйлар. Матбугат битләрендә рецензияләрдә басылып чыга. М. Мөштәриев [16], М. Корбангалиев аңа уңай бәя бирәләр [13]. 1910 елда Г. Әхмәров үзә дә әлифба бастыра. «Татар» этнонимының килеп чыгышы һәм киләчәгә буенча дискуссияләр барган елларда ул аны «Татар әлифбасы» дип түгел, ә «Төрки әлифба» дип атый. «Йолдыз» газетасында аноним тәнкыйть тә басылып чыга. Автор Г. Әхмәровны «барлык әлифбаларны себерәп түгүчә», – дип атый һәм бу әлифбаны бик көтеп алуы турында да яза. Шулай ук әлифба авторын кул астында булган 10 әлифбадагы сүзләргә, жөмләләргә «хәзер материалны кулланды» гаепли. Тәнкыйтьчә «кырык беренчә әлифба» дөньяга килде дип яза [19]. Мәкалә бик «усал» язылган. Анонимның исеме Г. Әхмәров үзә ача. Шулай ук

«Йолдыз» газетасында ул тәнкыйтькә каршы жавабын бастыра. «Аңлашылдыгына күрә – аны һади әфәнде үзе булырга кирәк», – дигән фикергә килә мөгаллим. Ысул маддияне, яисә ижек методын, «XVIII гасырныкы» дип атый. Ни өчен әлифба язарга уйлаганын аңлата. Мәктәпләрдәге күп кенә мөгаллимнәр «Мөгаллим әүвәл» буенча мәктәпләрдә «ысул саутия» (аваз методы) укыталар, шуңа күрә «кырык беренче әлифба» кирәк булды дип аңлатма бирә [7]. Ике бөек шәхеснең бәхәсләшүен күрү бер яктан кызык, икенче яктан аяныч. Алар икесе дә татар педагогикасы тарихында тирән эз калдырган кешеләр.

Хәзерге заман күзлегеннән чыгып караганда, һәр әлифба үзенчәлекле тарихи чыганак. Безнең максат кайсы әлифба әйбәтрәк икәннен ачыклау түгел, ә шул уку әсбаплары аша авторларның балаларда нинди әхлакый сыйфатлар тәрбияләргә омтылганнарын аңларга тырышу. Барлык әлифба авторлары беренче урынга дини, милли, әхлакый тәрбияне куйган. Г. Әхмәровның әлифбасы да шул принципларга нигезләнеп төзелгән. Аның фикеренчә, кечкенә балалар өчен сүзләр, жөмлөләр укырга аңлаешлы, жинел булырга, текстлар зәвыклы, тәрбия максатыннан чыгып язылырга тиеш [4]. Татар педагоглары өчен әхлакый тәрбия һәрвакыт беренче урында торган. Бу «Төрки әлифба» текстларында да чагыла: «Бер карт кеше картлыгынан бөкрәеп йөргәндә, бер яшь егет көлеп: «Бабай ни югалды? Ни карап йөрисен? дигән. Карт: «Әй, углым яшьлегемне жуйдым. Шуну карап барам» дигән». Нәтижә: «Карт кешедән көлмә, син дә шулай картаерсың» [6, 31 б.] Текстлар аша балаларга төп әхлакый нормаларны аңлаешлы итеп житкерергә тырышканнар. Мәсәлән, «Төрки әлифба»да көндәлек тормышта кирәкле төп тәрбия нормалары гади жөмлөләрдә чагыла:»Тугры сүзле кешенең кадере артык була»; «Аз сөйлә, күп тыңла»; «Яланганчылык белән исеме чыккан кешегә ни кадәр тугры сөйләсә дә ышанмыйлар»[6, 39 б.] һ.б. Г. Әхмәров, шул ук Һ. Максудидан аермалы буларак, ислам дине белән бәйле текстларны әлифбага кергәтмәгән. Ләкин шәригать кануннарына нигезләнеп язылганнары да аз түгел. Шәригать мәселмәннарны түзем булырга, иң беренче нәфесе тыйрга өнди. «Бер кеше улына әйткән: «Әй, углым күп ашама, артык ашау адәмне сырхау итә» дип. Улы: «Ачлык кешене үтерә, фәлән кеше ачка үлгән, диләр. Күп ашап үлдә дигәнне ишеткәнем юк», – дигәч. Атасы: «Юк, углым, үлчәү белән ашарга кирәк, күп ашау үтермәсә дә – күп яхшылык та күрсәтмәс», – дигән [6, 41 б.]

Һ. Максудинң әлифбасы Г. Әхмәровныкынан нык аерылып тора. Ул дәреслеккә ислам дине нигезләрен яктырткан текстлар гына түгел, үлем темасын да кертә. Беренче мәртәбә бу тема И. Гаспарлы әлифбасында яңгырый. Һ. Максуди кешенең үлгәннән соң терелүен тасвирлый: «Бервакыт бу дөнья бөтенләй бетәчәк. Ул вакытта дөньядагы кешеләр, хайваннар – һәрберсе үлеп бетәчәкдер. Шуннан соң үлгән кешеләр һәрберсе янадан тереләчәкдер. Шул көнне кыямәт көне диләр. Кыямәт көнөндә һәрбер кешенең дөньяда кылган эшләре тикшереләчәктер. Изге гамәлле, яхшы кешеләр оҗмахка керәчәктер. Аллаһы Тәгалә һәркайсыбызны изге вә яхшы

кешеләрдән кылса иде...» [14, 56 б.]. Хәзер мондый текстны дәреслектә күрү бик сәер булып тоела, ә ул чорда үлем турындагы өйрәтмәләр татар балаларының белем һәм тәрбия бирү системасына элек-электән кергән. Кечкенә балаларның психикасына авыр тәэсир иткәндер, мөгаен.

Укуның кирәклегә, белемле кешегә киләчәктә күп мөмкинлекләр ачылуын Г. Әхмәров шулай ук текстлар аша аңлата: «Галим кеше акыллы була. Анысы уку белән табылып». Галим кешенең акылы көндәлек тормышта да күренергә тиеш: «Бер галимнән сораганнар: «Фәлән кеше турысында ни әйтәсең? Аны халык бик яманлап сөйли», – дип. «Мин аны хурлый алмыйм. Аның тышында гаеп күргәнем юк, эчәндә ни бардыр, аны ходайдан башка берәү дә белмәс», – дигән [6, 44–45 б.]. Әлифба балаларны тыйнак булырга да өйрәткән: «Берәү имамдан: «Хәзрәт мәчеттә сәгатьне бормак ничек булыр?» – дип сораган. Имам: «Сәгатьне борып бетергәч шарт иттереп ябарсың да, кеше синең сәгәтең барын белер», – дигән [6, 47б.]

1917 елгы инкыйлабка кадәр чыккан барлык татар китаплары кебек үк, әлифбалар да "Бисмилла" сүзләре белән башланган. Шунысы кызык, Г. Әхмәровның сакланып калган әлифбаларында бу сүзләр ябыштырылган. Әлбәттә, бу сонрак эшләнгән булырга тиеш. 1920 елларда, мәктәпләрдә уку әсбаплары житмәү сәбәпле, элек басылган китапларны киң кулланганнар. Беренче әлифба совет чорында 1922 елда гына басылып чыга [17]. Г. Әхмәровның әлифбасында дини текстлар булмау яңа чор мөгаллимнәре өчен аеруча кулай булгандыр, мөгаен.

Башка авторларның әлифбалары белән чагыштырганда «Төрки әлифба»да бай эчтәлекле текстлар, шигырьләр юк. Г. Әхмәров андый максат куймаган да, чөнки, аның фикеренчә, әлифба кечкенә балалар өчен аңлаешлы, гади булырга тиеш. Зәвыклы текстларны ул 1911 елда басылып чыккан «Кыйрият төрки»дә китерә. Бу әлифбадан соң уку китабы. Мөгаллим фикеренчә, коры вәгазь, ни кадәр озақ сөйләсәң дә, балаларга барып житми. «Яхшы бул, әдәпле бул», – дип күпме генә тукысаң да, бала бу сүзләргә ишетеп кенә яхшы булмый. Ә менә дәреслекләрдәгә мәгънәле хикәяләр бала өчен гыйбрәт һәм үрнәк була ала [4]. «Кыйрият төрки»дән мисал: «Бер шәкернең сүзләре: «Бер вакыт карчык анама кычкырып сүз кайтарган идем. Шундан соң аңамның күңеле төшәп бер почмакка барып утырганым күрдәм. «Әни ник болай кәефсезләндең?» – дип сорадым. Аңам: «Ай, углым синең үткән хәлләрең хәтердән чыга башлаганга кайгырып утырам. Син минем кулымда вакытта бик йомшак тавышлы идең. Хәзер тавышың йөрәгемә ташдан да катырак булып тоела башлады», – дип җавап биргән [5, 2 б.]. Бу сүзләр йөз елдан соң да йөрәккә үтеп керә һәм уйланырга мәҗбүр итә. «Бер хәлфәнең җавабы» тексты балаларга һәм аларның эти-әниләренә белем алуның ни өчен кирәклеген бик гади итеп аңлатып бирә. «Бер саран кеше баласын укуга өчен хәлфәгә китергән. Бу кеше бай булганлыктан, хәлфә укуга өчен акча сораган. Бай: «Бала укуга киткән бу кадәр акча бирәләрмени, мин ул акчага бер көтүчә яллармын», – дигән. Хәлфә: «Ялласаң бик яхшы итәрсен, ул вакытта синең ике

көтүчә булып,» – дигән [5, 3 б.]. Ислам кануннары буенча баланы әдәплә итеп тәрбияләү эти кешенең бурычы, ә ярлы, ятим балаларның әхлакый тәрбиясе, киләчәгә өчен милләт җаваплы дип санала [2, 135 б.]. Шуңа күрә татар мәктәпләре һәм мәдрәсәләре меценатлар, я булмаса мөхәллә акчасына ачылган. Бу уку йортларында финанс белән бәйлә проблемалар да күп булган. Мәсәлән, яңа ачылган жәдид мәдрәсәләрендә укытучыларның хезмәт хаклары кайвакыт 20 сумга да җитмәгән. Шуңа чор кешеләренә истәлекләренән күрәнгәнчә, бу эш хакы «урам себерүченекенән» дә кимрәк булган [2, 145–146 б.]. Ләкин татар мөгаллимнәре барлык балаларга да бердәм белем биргәннәр. Мәктәптә укыган баласы өчен гаилә матди хәленә карап акча яисә азык-төлек белән түлгән. Мәсәлән, Г. Тукай бала чагы турында сөйләгәндә, Кырлайда аны тәрбиягә алган әнисенең «укыган өчен, ике бөтен икмәк һәм нибары берме, әллә икеме тиен акча» бирүен әйтә [20, 330 б.]. Хәзерге әлифба, уку китаплары авторлары халкыбызның милли педагогик мирасына мөрәҗәгать итеп, кайбер текстларны үрнәк итеп алсалар, балаларга әхлакый тәрбия бирү юлында зур адым булып иде.

Укытуның яңа ысулына нигезләнгән татар әлифбалары тарихыбызда үзенчәлекле бер күренеш. Бер яктан, әлифба авторлары һәм төзүчеләре – бу уку китапларына дөньявилыкны кертәргә тырышкан, балаларны «аңлаешлы» телдә укытуны яклап чыккан кешеләр. Икенче яктан, әлеге дәреслекләр һәм аларның авторлары – мөселман мөхите җимешләре, шуңа күрә алар диннән башка яши алмаганнар. Татар әлифбасына бу чорда белем бирү бурычы гына түгел, ә мәдәни-агарту миссиясе дә йөкләнгән була. Иң әһәмиятлесе – бу әлифбалар балаларны ана телендә укырга һәм язарга өйрәткән. Г. Әхмәров һәм Н. Максуди әлифбаларында бу тенденцияләр аеруча яхшы чагыла. Алар икесе дә дәреслекләр төзү методикасына, татар педагогикасының үсешенә зур өлеш керткән шәхесләр.

ӘДӘБИЯТ

1. Сальникова А.А., Галиуллина Д.М. Татарская «Алифба». Национальный букварь в мультикультурном пространстве (конец XIX – XX вв.) М.: НПБ им. К.Д. Ушинского, 2014. 260 б.
2. Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. 1913. Т. 2. Вып. 3. С. 131–151.
3. Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйть. Казан: Үрнәк, 1909. 64 б.
4. Әхмәров Г. Кыйрият төрки. 1 нче кисем. Казан: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1911. 40 б.
5. Әхмәров Г. Кыйрият төрки. 2 нче кисем. Казан: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1911. 64 б.
6. Әхмәров Г. Төрки әлифба. Ысул саутия үзара тәртип ителмеш. Казан: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1910. 51 б.
7. Әхмәровның җавабы // Йолдыз. 1910. 11 ноябрь.
8. Баруди Г. Сәвад хан. Казан: б.у.ю., 1892. 24 б.

9. Вәлиуллин Р.Н. Татар мәктәп-мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр бунча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). Казан: Фән, 2004. 219 б.
10. Гайнетдин Әхмәров: тарихи-документаль жыентык. Казан: Хәтер, 2000. 384 б.
11. Зәбири Х. Мәктәп балаларына юлдаш, яхүд рәсемле әлифба. Казан: Типо-литог. Импер. универ., 1907. 50 б.
12. Ибраһимов Ф. Белем әлифбадан башлана (татарча уку-язуга өйрәтү методикасы һәм татар әлифбалары тарихы). Казан: Мәгариф, 1994. 255 б.
13. Корбангалиев М.Г. Әхмәров китапларына тәнкыйть // Йолдыз. 1910. 31 октябрь.
14. Максуди Н. Мөгаллим әүвәл. Ысул мәддия үзара тәртип ителмеш әлифбадыр. Казан: Лито-типог. И.Н. Харитоновна, 1903. 80 б.
15. Мөслимов Г. Сабыйларга юл башы. Казан – Уфа: Матбуга Кәримия, 1908. 32 б.
16. Мөштәриев М. Әлифба китапларына тәнкыйть // Бәянеһак. 1909. 17 ноябрь.
17. Татар әлифбасы. Мәктәп балалары өчен. Казан: Тат. соц. совет. жөмһ. дәүләт нәшере., 1922. 63 б.
18. Таһири Ш. Мөкәмәл әлифба. Казан: Лито-типог. И.Н. Харитоновна, 1910. 71 б.
19. Тәрки әлифба // Йолдыз. 1910. 28 октябрь.
20. Тукай Г. Сайланма әсәрләр: шигырьләр, поэмалар һәм чәчмә әсәрләр. Казан: Тат. китап. нәшр., 2003. 480 б.

Автор турында белешмә: Галиуллина Диләрә Магъзум кызы – тарих фәннәре кандидаты, ватан тарихы кафедрасы доценты, Халыкара багланышлар институты, Казан федераль университеты (420111, Сул як Булак урамы, 44, Казан, Россия Федерациясе); galiullinadm@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В БУКВАРЕ Г. АХМАРОВА «ТӨРКИ ӘЛИФБА» («ТЮРКСКИЙ БУКВАРЬ»)

Д.М. Галиуллина

*Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация
galiullinadm@mail.ru*

В статье рассматривается букварь Г. Ахмарова «*Тәрки әлифба*» («Тюркская алифба») как исторический источник по истории татарской педагогической мысли и истории детства. Тексты изучаются и в связи с проблемами нравственного воспитания подрастающего поколения. Также анализируется методическое пособие Г. Ахмарова «*Әлифба китапларына тәнкыйть*» («Критика букварей»). В ней автор подвергает критике буквари Х. Забири, Ш. Тахири, Г. Муслимова и др. Начинает критику с самого распространенного в школах букваря «*Мөгаллим әүвәл*» Х. Максуди. Поэтому в работе этому букварю уделено особое внимание. В 1910 г.

Галиуллина Д.М. Г. Әхмәровның «Төрки әлифбасы» битләрендә балаларга әхлакый тәрбия бирү мәсәләләре

Г. Ахмаров опубликовал свой букварь «*Төрки әлифба*». В связи с этим между Х. Максуди и Г. Ахмаровым разгорелась дискуссия на страницах газеты «Йолдыз», которая раскрывает не только взаимоотношения этих выдающихся личностей, но и их отношение к вопросам школьного образования и вопросам нравственного воспитания. Также проведен сравнительный анализ текстов двух букварей. Содержание текстов отличается. Г. Ахмаров отдавал предпочтение небольшим текстам и его букварь более светский, чем «*Мөгәллим әүвәл*». В букваре Х. Максуди много ярких, интересных текстов, в том числе и религиозного характера. Несмотря на различия, авторы букварей ставили перед собой одну цель – научить детей читать и писать на родном языке. Действительно, цель была достигнута. Этими букварями в татарских школах пользовались до октябрьской революции 1917 г.

Ключевые слова: «Төрки әлифба», «Йолдыз», «Мөгәллим әүвәл», культура, история, источник, джадидизм, нравственность, воспитание.

Для цитирования: Галиуллина Д.М. Г. Әхмәровның «Төрки әлифбасы» битләрендә балаларга әхлакый тәрбия бирү мәсәләләре // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 274–283. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.274-283

Сведения об авторе: Галиуллина Диляра Магзумовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института международных отношений, Казанский федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); galiullinadm@mail.ru

PROBLEMS OF MORAL EDUCATION OF CHILDREN IN G. AKHMAROV'S PRIMER "TORKI ALIFBA" ("TURKIC PRIMER")

D.M. Galiullina

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
galiullinadm@mail.ru*

The article discusses G. Akhmarov's primer "Torki alifba" ("Turkic Alifba") as a historical source on the history of Tatar pedagogical thought and the history of childhood. The texts are also studied in relation to the problems of moral education of the adolescent generation. It also examines G. Akhmarov's methodological guide "Lifb of cataplana tncy" ("Criticism of ABC books"). In the work the author criticizes the primers of H. Zabiri, Sh. Tahiri, G. Muslimov, etc. However, criticism begins with H. Maksudi's primer "Mogallim auval", which was most commonly used in schools. Therefore, particular attention is paid to this primer in the work. In 1910, G. Akhmarov published the primer "Torki alifba". In this regard, a discussion broke out between H. Maksudi and G. Akhmarov on the pages of the newspaper "Yoldyz", which reveals not only the relationship of these outstanding personalities, but also their attitude to school education and moral education. Also, a comparative analysis of the texts of two

alphabets has been conducted. The content of the texts is different. G. Ahmarov prefers texts of small volume and his primer is of more secular nature than “Mallim VL”. In the primer H. Maksudi has many bright, interesting texts, including religious ones. Despite the differences, the authors of the ABC-books set themselves one goal – to teach children to read and write in their native language. Indeed, the goal was achieved; these primers were used in schools until the revolution of 1917.

Keywords: “Torki Alifba”, “Yoldyz”, “Mogallim auval”, culture, history, source, jadidism, morality, education.

For citation: Galiullina D.M. Problems of moral education of children in G. Akhmarov’s primer “Torki Alifba” (“Turkic primer”). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 274–283. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.274-283

REFERENCES

1. Salnikova A.A., Galiullina D.M.. *Tatarskaya Alifba. Nacional'nyj bukvar' v multikul'turnom prostranstve (konets XIX – XX vv.)* [Tatar primer. National ABC-book in the multicultural space]late 19th–20th centuries]. Moscow, K.D. Ushinsky Research and Education Library Publ., 2014. 260 p. (In Russian)
2. Shkol'nyj vopros v russkom musul'manstve [The issue of schools in the Russian Muslim society]. *Mir Islama – The World of Islam*, 1913, v.2, issue. 3, pp. 131–151. (In Russian)
3. Akhmarov G. *Alifba kitaplaryna tenkyjt'* [Criticism of primer books].Kazan, Urnek Publ., 1909. 64 p. (In Tatar)
4. Akhmarov G. *Kyyeret Törki. 1 kisem* [Reading in Turkic. Part 1]. Kazan, Kharitonov Printing House, 1911. 40 p. (In Tatar)
5. Akhmarov G. *Kyyeret Törki. 2 kisem* [Reading in Turkic. Part 2]. Kazan, Kharitonov Printing House, 1911. 64 p. (In Tatar)
6. Akhmarov G. T *Törki alifba. Ysul sautiya üzara tartip itelmesh* [Compiled based on the sound method]. Kazan, Kharitonov Printing House, 1910. 51 p. (In Tatar)
7. Akhmarovnyñ jevaby [Akhmarov’s reply]. *Yoldyz – Star*, 1910 November 11. (In Tatar)
8. Barudi G, *Sevad khan* [Sevad khan]. Kazan,,1892. 24 p. (In Tatar)
9. Valiullin R.N. *Tatar maktab-madrasalare öchen gumanitar fannar buencha daresleklar (XIX jöz azagy – XX jöz bashy)* [Textbooks for the humanities for Tatar school-madrasas (late 19th – early 20th centuries)]. Kazan, Fen Publ., 2004. 219 p. (In Tatar)
10. *Gajnetdin Akhmarov: tarikhi-dokumental' jyientyk* [Gajnetdin Akhmarov: A historical-documentary collection]. Kazan, Khater Publ., 2000. 384 p. (In Tatar)
11. Zabiri H. *Maktab balalaryna yuldash, yahud raseMLE alifba* [A companion for schoolchildren, An ABC-book with pictures]. Kazan, Printing House of Imperial Univ., 1907. 50 p. (In Tatar)
12. Ibragimov F. *Belem alifbadan bashlana (tatarcha uku-yazuga öjretü metodikasy hem tatar alfbalary tarihiy)* [Knowledge starts from an ABC-book (the histo-

Галиуллина Д.М. Г. Әхмәровның «Төрки әлифбасы» битләрендә
балаларга әхлакый тәрбия бирү мәсәләләре

ry of teaching reading and writing in Tatar and Tatar ABC-books]. Kazan, Magarif Publ., 1994. 255 p. (In Tatar)

13. Korbangaliev M.G. *Akhmarov kitaplaryna tankyjt'* [Criticism of Akhmarov's books]. *Yoldyz – Star*, 1910, October 31.

14. Maksudi H. *Mogallima Aiival. Ysul maddiya üzra tartip itelmesh alifbadyr* [Primer compiled based on the syllable method]. Kazan, Kharitonov Printing House, 1903. 80 p. (In Tatar)

15. Muslimov G. *Sabyjlarga yul bashy* [The beginning of the road for toddlers]. Kazan – Ufa, Matbuga Karimiya Publ., 1908. 32 p. (In Tatar)

16. Moshtariev M. *Alifba kitaplaryna tankyjt'* [Criticism of primer books]. *Bayanelhak*. 1909, November 17. (In Tatar)

17. *Tatar alifbasy. Maktap balalary öchen* [Tatar ABC-book. For schoolchildren]. Kazan, Tatar Social Soviet Rep. Publ., 1922. 63 p. (In Tatar)

18. Tahiri Sh. *Mökemel alifba* [Improved primer]. Kazan, Kharitonov Printing House, 1910. 71 p. (In Tatar)

19. Törki Alifba [Turkic Primer]. *Yoldyz – Star*, 1910 October 28. (In Tatar)

20. Tukay G., *Sajlanma asarlar: shigyrlar, poemalar ham chachma asarlar* [Selected works: poems, narrative poems and prose]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2003. 480 p. (In Tatar)

About the author: Dilyara M. Galiullina is a Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University (44, Levobulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation); galiullinadm@mail.ru

«МИЛЛИ БАЙРАК» ГАЗЕТАСЫНДА РИЗАЭТДИН ФӘХРЕТДИН ЭШЧӘНЛЕГЕ ЯКТЫРТЫЛЫШЫ

Ш.Ф. Садыков

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең

Ш.Мәрҗани исемдәге Тарих институты

Казан, Россия Федерациясе

mergen777@mail.ru

Күренекле галим, педагог, тарихчы һәм дин әһеле Ризаэтдин Фәхретдин исеме татарлар арасында гына түгел, ә барлык мөселман дөнъясы өчен таныш. Аның белем өлкәсе күпкырлы һәм уникаль, дини эшчәнлек белән беррәттән, ул актив рәвештә мәҗрифәтчелек һәм нәшрият эшчәнлеген алып барган. Әлеге мәкаләдә Япониядә ун ел дәвамында (1935–1945) басылып килгән «Милли Байрак» газетасында Р. Фәхретдин эшчәнлегенә карата басылып чыккан кайбер материаллар карала. Мөфти буларак, Р. Фәхретдин илдәге барлык төрки-мөселман халыкларының ижтимагый фикер үсешендә һәм мэдәниятендә үзәк урыннарның берсен алып тора. Аның даны бөтен төрки, хәтта ислам дөнъясында һәм Аурупа илләрендә киң таралган була. Әлеге шәхеснең шундый абруена карамастан, совет матбугатында аның вафаты турында бер хәбәр дә басылып чыкмый. Бу чорда чит ил матбугаты Россиядә барган процессларны бәяләүдә һәм яктыртуда күпкә мөстәкыйль була. «Милли Байрак» газетасында Р. Фәхретдингә багышланган материалларны өйрәнү аның татар мәҗрифәтчелек үсешенә керткән өлешен, тормыш юлын, ислам дөнъясының эшчәнлегенә мөнәсәбәтен билгеләргә, объектив рәвештә бәяләргә һәм шуның белән аның татар милләте язмышында олуг шәхес булуын ассызыкларга мөмкинлек бирә.

Ачкыч сүзләр: Ризаэтдин Фәхретдин, мөфти, «Милли байрак» газетасы, вақытлы матбугат, татар милләте, Ерак Көнчыгыш, төрки дөнъя

Цитата өчен: Садыков Ш.Ф. «Милли байрак» газетасында Ризаэтдин Фәхретдин эшчәнлеге яктыртылышы // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 284–293. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.284-293

2019 ел татар халкының үсешенә зур өлеш керткән олуг галимнәребез юбилейларына бай. Алар арасында тарихыбызда тирән эз калдырган күренекле шәхесбез – мәҗрифәтче, галим, педагог, тарихчы, мөфти һәм дин әһеле – Ризаэтдин Фәхретдин (1859–1936) дә бар. Бүгенге көндә аның тормышын, эшчәнлеген һәм көнкүрешен яктырткан хезмәтләр шактый. Әлеге мәкаләдә «Милли Байрак» газетасында Р. Фәхретдингә багышланган мәгълүматлар белән уртаклашасыбыз килә. «Милли Байрак» газетасы – Ерак Көнчыгыш татарларының ихтыяжларын яктыртучы даими чыгып

килгән вакытлы матбугат чарасы. Аның дөнья күрүе Гаяз Исхакый исеме белән бәйле (Аурупага күчкәннән соң аның мөхәррире итеп Ибраһим Дәүләт-Килди билгеләнә). Әлеге газета 1935 елның 1 ноябреннән 1945 елның 20 мартына кадәр чыга. Бу вакыт аралыгында 400 сан дөнья күрә. Киң таралышына карамастан, әлеге басма СССР территориясендә таралмый [3, 4 б.].

Р. Фәхретдин исеме белән бәйле мәкаләләр әлеге газетада шактый урын алган. Әмма күпчелеге аның 1936 елдагы вафаты белән бәйле. «Милли байрак» газетасының 30 нчы саны тулысынча Р. Фәхретдингә багышланган. Монда аның гыйльми эшчәнлеген, хезмәтләрен һәм төрөктатар дөньясына керткән өлешен баянлаудан тыш, әлеге шәхеснең Ерак Шәрәккә да зур абруйга ирешкән булуы асыз калмаган. Бу иң беренче чиратта Токио, Нагоя, Фузанда, Кижуда, Тяньцзинь, Мукден, Кобе, Харбин, Синцин шәһәрләрендә бу көннең мөселманнар тарафыннан матәм көне итеп билгеләнүендә күренә. Моннан тыш, әлеге санда аның рухына һәм олуглыгына багышланган аерым шигырьләр дә китерелләр. Бу Солтан исеме белән имзаланган авторның «Риза хәзрәт», Арсланбәк дигән кешенең «Тагын бер корбан» һәм Заһидәнең «Олуг мөфтибез Ризаэтдин бине Фәхретдин хәзрәтләренә багышлана» исемле шигырьләре. Газетада Ризаэтдин Фәхретдинның «Дини вәгазь», «Олуг мөфтибез Ризаэтдин бине Фәхретдин хәзрәтләренә мәктүбләре», «Ризаэтдин бине Фәхретдин хәзрәтләренә Шиһабетдин Әл-Мәржани хакында кайбер язучылар» һәм башка мәкаләләр урын алган. Болар күбесенчә аның «Шура» журналында чыккан мәкаләләре. Без иң беренче чиратта Р. Фәхретдиннең вафаты белән бәйле булган кайбер мәкаләләргә игътибар итәргә булдык.

XX гасырның 20–30 елларында дингә карата саясәт үзгәргәч, күп кенә дин эһелләре, милли хәрәкәттә катнашучы интеллигенция бик зур эзәрлекләүләргә, репрессияләргә дучар була. Аларның исемнәре озак елларга онытылып кала. Диния нәзарәтенең башлыгы Р.Фәхретдинның вафаты турындагы мәгълүмат Россиянең матбугат битләрендә яктыртылыш тапмый, киресенчә тавышсыз уздырыла. Совет чорында хакимият үзенә кирәкле караш тудыра дигән фикергә 1979 елда З.А. Ишмөхәммәтовның «Социальная роль и эволюция ислама в Татарии» исемле китабы ачык мисал булып тора. Автор китабында милли хәрәкәттә катнашкан дип дин эһелләрен, шул исәптән Р. Фәхретдинне да буржуаз милләтчелектә гаепли, аларның иҗатларына һәм эшчәнлекләренә реакционлык мөһире суга. Туганнары һәм аерым белгечләр тарафыннан әлеге баянлауны төшереп калдыру буенча омтылышлары бернинди нәтижә бирми [1, 102 б.]. Шунлыктан әлеге тоталитар чикләүләрдән читтә булган һәм үз фикерләрен ирекле, мөстәкыйль белдерә алган авторларының карашларын өйрәнү Р. Фәхретдинның ул вакыттагы эшчәнлегенә объектив бәя бирергә мөмкинлек бирә.

Р. Фәхретдинның мөселман дөньясында ихтирам ителүе турында аның хакында чит илләрдә басылган мәкаләләр сөйли. «Милли байрак» газетасының Тимур исемле автор тарафыннан язылган «Мөфти Ризаэтдин

бине Фәхрәтдин хәзрәтләре хакында ислам вә алман матбугаты» мәкаләсе монның ачык мисалы. Автор монда Мисырда чыга торган «Әл-Балаг» газетасының 16 сентябрь (1936 ел) басмасыннан өзек тәкъдим итә. Бу мәкаләнең авторы Каһирәдә яшәүче Хәмзә Таһирбәк була. Әлеге мәкаләдә Р. Фәхрәтдинның эшчәнлегә һәм ислам дөнъясындагы роле ассызыклана. Моннан тыш, Тимур Лахурдада чыга торган «Ихсан» газетасының 14 октябрь санының, мөфти хәзрәт хакында язылган мәкаләнең (идарәгә килгән) кыскача эчтәлеген биреп уза. Мәкалә хәзрәтнең Уфа шәһәрәнә килеп эләгүеннән башлап, «Вақыт», «Шура» журналларындагы эшчәнлеген үз эченә ала. Р. Фәхрәтдин тарафыннан журналда бастырылган аерым шәхесләренә тәржемәи хәлләрен һәм аның гыйльми эсәрләрен аерым бүлекләргә бүлеп күрсәтә. Р. Фәхрәтдинның большевиклар кулыннан ниләр күрүенә туктала һәм аның кичергән авырлыкларын тасвирлар өчен аның хатларын тәржемә итә. «Мәрхүмнең рухына дога кылып үтим һәм аның кебек бөек дин башлыгы бирсен», – дигән сүзләре белән тәмамлый [5, 2 б.].

«Мөфти Ризәтдин бине Фәхрәтдин хәзрәтләре хакында ислам вә алман матбугаты» мәкаләсендә Дәһлидә чыга торган «Әл Жәмгыя», «Заминдар», «Мәдәния» исемле газеталар да искә алына һәм аларда мөфти хәзрәт хакында рәсемнәр белән бирелеп, озын мәкаләләр басылуы турында әйтелә.

«Милли байрак» белән берлектә «Милли юл» мәжмугасы үзләренә бер саннарын мәрхүмнең исеменә багышлап чыгарулары һәм ислам матбугатларында мөфти хәзрәтнең вафаты хакында язылуы турында хәбәр ителә.

Алман матбугатына килгәндә, Тимур, «Ост Европа» мәжмугасының август – сентябрь саннарында, Бертольд Шпулерның СССР мөселманнарының дини башлыкларының үлеме белән бәйлә булган мәкаләнең кыскача эчтәлеген тәкъдим итә. Бу мәкалә мөфти Ризәтдин бине Фәхрәтдин хәзрәтләренә вафаты, Русиядә яшәүче мөселманнар өчен никадәр зур югалту булуыннан башлап, төрки-татар мөселманнарына әдәби-сәяси һәм тәрбияви хезмәт күрсәткән галимне югалтулары ислам дөнъясы өчен, Русиядә яшәүче төрки халыкларга караганда да зуррак икәнә аерым ассызыклай. Төрөк милләтчеләге белән ислам диненә тирәнтен бәйләнүе хакында фикер алышып, Русиядә яшәүче төркиләренә тормышы госманлы төрөкләреннән бөтенләй башка булуын күрсәтә. Госманлы төрөкләренә иң зур жинүен ул, милләт нигезендә берләшеп, бүгенге Төркия жөмһүриятен коруларында дип саны. Русиядә хакимият дингә, милләткә каршы булганга, дин нигезендә берләшүдә Диния нзарәтнең мөселманнар өчен әһәмиятле булуын билгели һәм Р. Фәхрәтдиннең дин башлыгы буларак чын милләт житәкчесе урынын алуын бәян итә. Шул караштан чыгып большевикларның исламияткә, төрөкчелеккә каршы килүләрен һәм совет хакимиятенә русия төркиләренә иң беренче дәрәжәдә көчле бер көч булган мөфти хәзрәтләренә вафатын мөмкин кадәр тавышсыз-тынсыз гына уздырырга тырышулары Р. Фәхрәтдиннең төрки кыйблаларны бер-

ләштерүдә зур роль уйнавын күрсәтә. Советларның мөфти вафатыннан соң да аның үлеме тәэсиреннән куркуларын ассызыклап, Русия төркиләре өчен бу галимнең вафаты нинди зур югалту икәннен билгеләп, мәкаләсен тәмамлый [5, 2 б.].

«Милли байрак» газетасындагы мәкаләләрне укыганда, аларның рус цензурасыннан бәйсез булуы күзгә ташлана. Бу иң беренче чиратта милли темаларны, вакыйгаларны яктыртуда күренә. Мәсәлән, Русия әсире төрек-леге; милләтебезне жимерелүенә каршы фидакарь хезмәт алып бару; иле таланган, милли минлеге хур ителгән халык; коллык тормышыннан чыгу; большевикларының мәгънәви зинданында гомер итүе; илебезне тоткынлыкта тотучы Совет иле; Русия коллыкка төшергән милләтләрне, милли-мәгънәви мәсьәләләрдә аякка бастыру һәм башка сүзтезмәләр киң кулланыла. Моннан тыш, мәкаләләрдә еш кына бәйсезлек сүзе белән беррәттән мөстәкыйльлек, мохтарият, истикляль кебек синонимнар урын алган.

Р. Фәхретдин турында мәкаләләр авторлары, аның мөхәррирлек елларында матбугат битләрендә чыккан хезмәтләренең бүгенге көндә кулларында юклыгына ачыналар. Алар фикеренчә, аның бөтен ижатын, әсәрләрен белмичә, аннан-моннан кулга эләккән материалларга таянып кына хезмәтен бер үлчәүгә салу жиңел мәсьәлә түгел [5, 2 б.].

Икенче мәкалә «Мәрхүм мөфтибез Ризаэтдин Фәхретдин хәзрәтенә газиз рухына» дип атала. Аның авторы – әлеге газетаның төп хезмәткәре Рокыя Мәхәммәдиш. Бу мәкалә Солтан исемле авторның икеюллык шигыре белән башлана:

Милләт белән динне үрнәк итеп,
Хезмәт итте иле, дин, милләт өчен.

Әлеге мәкалә Ризаэтдин Фәхретдин вафатына биш ел тулу унаеннан бастырыла. Автор большевикларның мәгънәви зинданда гомер итүче, соңгы елларында моңа кушылган ачлык, мохтажлык эчендә вафат булган мөфти Ризаэтдин бин Фәхретдин хәзрәтләре халкыбызның күңелендә калуын һәм өметләрен үзгәндә гәүдәләндергән бөек шәхесләренә берсе булуын ассызыклай. Рокыя Мәхәммәдиш «Диния нәзарәте»нең оешуын һәм Русия мөселман халкы өчен коллыктан чыгу, үз дөүләтчелеген торгызу кыйбласы булуын күрсәтә. Диния нәзарәтенә халык арасында хөрмәт һәм мөхәббәт казануын ул Р. Фәхретдин исеме белән бәйли. Үз сәләте, тырышлыгы һәм шәхеслеге белән хезмәт күрсәткән Р. Фәхретдин «казый» исеменә лаек була. «Риза казый» Диния нәзарәтенә эшләрен тәртипкә куюы, халык аңларлык әмерләр таратып, мөхәлләләргә нәзарәтка баглау аркылы дини эшләрен берлек жөбөнә тоташтыручы булуын күрсәтә. Казый булып торган елларында ук Ризаэтдин хәзрәтгә халыкны уяту, агарту һәм милли аң тирәсендә милләтне берләштерү омтылышы туып, бу омтылыш олуг остазның бөтен гомере дәвамындагы эшләренең нигезе булып билгели.

Автор аның Диния нәзарәтендәге иске язучуларын, эш дәфтәрләрен тәртипкә салуын, тарихны, үткәнне өйрәнүне, халкыбызны коллык караңгысыннан чыгару өчен чит мәдәниятләргә игътибар итүен, Ш. Мәржани

һәм К. Насыйри дөвамчысы булуын бәян итә. Русия астындагы төрки өлкәләрдә коллыкны бетерү юлында хезмәт итүе белән Исмәгыйл Гаспралы, Йосыф Акчуралар белән кулга-кул тоташып, милләтне агарту, уяту юлында хезмәт итүен күрсәтә. Ул милли-мәгънәви яктан коллыкка төшкән милләтне, башка милләتلәр белән буй үлчәшә алырлык хәлгә китерү, милли мөстәкыйльлек хисен булдыру юлында зур эш куйган шәхес, ди автор.

Русиянең японнар тарафыннан жиңелүе мәрхүм мөфтиезбезнең язу эшенә күчүенә сәбәп була. 1905 елда Идел-Урал милли матбугаты оешкан вакытта, казый булып торган Ризәтдин Фәхрәтдиннең сәләтле каләменә киң алан ачыла. 1907 елда «Вақыт» газетасы янында чыга башлаган «Шура» мәжмугасы мәрхүмне казыйлыгынан аера. Большевик баш күтәрүенә кадәр ун ел бие чыгып торган «Шура» мәрхүмнең борынгы бөекләребезнең тормышларына, ислам дөнәсының мәшһүр адәмнәренә багышланган язучылары «Асар» га киң мәйдан ачу белән бергә халкыбызның милли-мәгънәви хәятенең барометры төсенә әверелә. Монда Р. Фәхрәтдиннең милли тәрбиядән башлап халкыбызның бөтен тормышына караган язмалары янында ул чорлардагы зыялаларыбыз һәм язучыларыбызның мәкаләләре урын алалар.

Мөхәрир Р. Фәхрәтдиннең бай каләменә ике атнага бер чыга торган бу мәжмугада бик тар урын булганга, балалар өчен язылган дәрәсләкләр, яшьләрнең милли тәрбиясенә, хатын-кызларның гаилә тормышына һәм гомум милләт үлчәвендә тоткан урыннарына багышлап язылган китаплары, нәсыйхәт вә дин мәсьәләләрен эченә алган әсәрләре аерым рәвештә басылып баралар.

Ерак Шәрәкта, чит илләрдә яшәүче мөһажирләр моннан биш ел элек большевик хөкүмәте мәсхәрәләреннән, халкыбызның дини, милли явызлыгын күкрәге белән калкан шикелле саклап килгән мөфти Р.Фәхрәтдин хәзрәтләренең вафаты хәбәрәннән тирән кайгыда кала. Чөнки мәрхүм мөфтиезбез халкыбызның милли минлеген саклавын, милли барлык дәрәжәсен күтәрү аркылы милли мөстәкыйльлеккә омтылуын, үз гомерәннән киләчәк буыныбызга кыйммәтле мирас калдырган бөек шәхесе.

«Илебезнең бөек угылы онытылмас, хөрмәтле остазыбызның рухы, халыкның омтылышы бүген дә аныкы белән бер төсле икәнәң тоеп шат булсын! Башта казый булып, ахырда халык теләге белән бөтен әсир төрекләрнең мөфтиез булырлык, халыкның үзен-үзе идарә итәргә теләвен үзәндә гәүдәләндереп килгән бердәнбер учреждение, аның вафатыннан соң да үзе белән бергә милләт-дин юлында хезмәт иткән казыйларның кулында дөвам итүен күреп, халкыбызның кызыл руслык кысалары эчендә дә сәламәт калуына күреп тыныч булсын!» – дип тәмамлый [4, 1 б.].

«Ризәтдин бин Фәхрәтдин хәзрәтләре (вафатына 6 ел тулу унаеннан)» исемле мәкаләнең авторы Бикбау. Әлегә мәкаләдә шулай ук Р. Фәхрәтдиннең эшчәнлегенә киң бәя бирелә.

«Хөрмәтле дин башлыгыбызның дөнәядән китүе белән буш калдырылган урыны илебездәге большевик хакимиятенең авырлашып киткән

дәверләрдә дә бергәләп Диния нәзарәтебезне яшәтергә тырышып, дин галимнәребездән казый Габдрахман Зәйнулла Рәсүл тарафыннан алынган мәктүбләрдән [хат] генә беләбез. Узган алты ел эчендә диния нәзарәтебез янында нинди үзгәрешләр булгандыр бер Ходайның үзенә генә мәгълүм. Бу хакта һичбер мәгълүматыбыз юк» [2, 2 б.].

Большевиклар хакимиятенә сәясәтә нәтижәсендә бөтенләй жимелерлүгә дучар ителгән Диния нәзарәтен бу көндә бер булып саклау, автор фикеренчә, бик мөһим вазыйфа. Халкыбыз тарафыннан бик хөрмәт ителгән һәм халкыбызның даһи мирасы саклануына зур хезмәт иткән мөфти Р. Фәхретдиннең илнең зур афәтле елларында да Диния нәзарәтен саклау, аның милли һәм дини үзәк итеп калуында зур көч куюын ассызыкый.

Россия инкыйлабыннан файдаланып, илебезнең милли идарәсен үз кулларына алырга тырышкан төрки халыклар Диния нәзарәтендә зур ярдәм һәм таяныч күргәннәр. Халкыбызның үзе теләп сайлаган беренче мөфтибез Г. Баруди туган илебезнең үз көненә үзе хужа булуы өчен халкыбызның милли аңын күтәрү юлында хезмәт куюы белән танылган булса, мөфти Р. Фәхретдин милләтне диннән аерган вакытта бөтен мөселман илебезнең милли иреклегенә багышлавы һәм соңгы авыр елларына кадәр үз фикерен үзгәртмәве белән зур абруйга лаек.

Үз фикерләре аркылы тарихта үз эзен калдырган Р. Фәхретдин, татар халкының бөек шәхесләре Г. Курсави, Ш. Мәржани, К. Насырилар кебек үк, үз Ватаны өчен янып торуы, илебезнең бәйсезлек хәрәкәтендә катнашуы белән милли тарихыбызның түрәндә урын алган олугларыбызның берсе. Р.Фәхретдин хезмәте милли тарихыбызны тикшерү, милли эхлагыбызны тирәнәйтү, милли матбугатыбызны яңарту гына түгел, хәтта милли әдәбият аланыбызда да эхлак эсәрләре белән чыккан һәм уку-укуыту эшләребезгә дә бик күп өлеш чыгарган галимбез. Илебезне ирекле итәр өчен халкыбызга милли мәдәниятта үсү юлларын күрсәтүе һәм бу юлда илле ел бер буйдан эшләве Р.Фәхретдин исемен хөрмәтле милли мөхәжирләр арасына китереп куя.

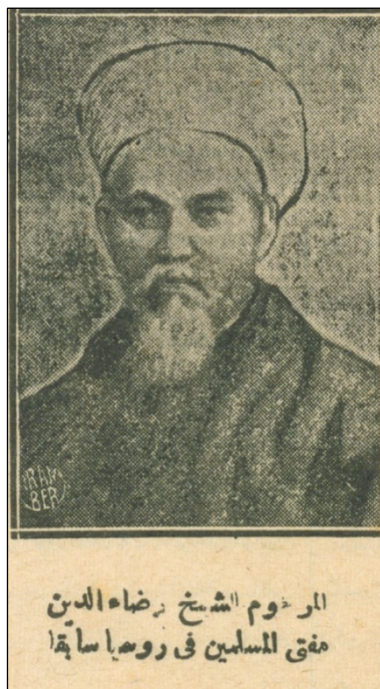
Бөтен гомерен каләм хезмәтенә багышлаган Р. Фәхретдиннең, 1917 елда Россия империясе жимелерлгәч, илебезнең милли хәрәкәтендә иң күренекле урын алган, илебезгә ирек таләп иткән угларыбыздан берсе булуы мәрхүмнең хәтерен безнең өчен тагын да кадерлерәк итә.

Болардан башка, ул милли тарихыбызны кайтару, онытылып югалу куркынычыннан азат итү юлында зур көч куйган. Бу жирлектә аның эшчәнлеге бүген бөек Төркия жәмһүриятендә хаким сөрә торган милли тарих, миллә телне үстерү, төркічелек фикерен тикшерү, өйрәнү омтылышы белән уртак. Р. Фәхретдин олуг милли юлыбызның тугры маяклары булган һәм төрки дөньяда танылган һәм төркічелектә зур хезмәт калдырган казанлы Йосыф Акчура, кырымлы И. Гаспралы, төрек Зыя Күк алыплары белән уртак урынны тота.

Төрөк халкының милли-мәдәни барлыгын үстерү һәм туган иленен гыйльми горөфен булдыру юлында актык сулышына кадәр көрәшә.

«Илебезне читлэргэ таныткан Р. Фэхретдин хэзрэтлэрeнeң рухы илебезнең бүгeн яна мөмкинлеклэр алдында торуын күрeп шат булсын һәм аның исеме, хезмэтлэрe халык күңелeндэ мәнгe онытылмасын», – дип тәмамлыы сүзeн автор [2, 2 б.].

Шулай итеп, милләт үсешенә, милли бердәмлеккә зур көч куйган Риза-этдин Фэхретдин эшчәнлеге һәм мирасы мөһажирлектә яшәүче милләттәшләр арасында югары бәяләнә. Аның даны бөтен төрки, хәтта ислам дөньясында һәм Аурупа илләрeндэ киң таралган һәм мәгълүм булган. Ул гомер бue үзeнeң дини эшчәнлеген һәм фәнни хезмэтлэрeн туган халкының аң-белем дәрәжәсeн, әхлакый тәрбиясeн күтәрү максатларына хезмэт иттерүгә багышлыы. Русиядә мөфти хэзрэтeнeң вафаты хакында кечкeнә гeнә бер хэбэр бирелмәсә дэ, мөһажирлектә яши торган төркилэр өчeн бу зур югалту була һәм аның кадeрeн югарыда бирелгән мөкәлләрдән күрeргә мөмкин. Р. Фэхретдинның вафаты мөнәсәбэтe белән язылган мөкәлләрeнeң күплеге аның олуг шәхeс һәм фидакарь зат булуын дәлилли.

Рәсем 1. 1936 елның 16 сентябрeндэ «Әл-Балаг» (Мисыр) газетасында Р. Фэхретдин турында чыккан мөкәллэдән сурәт. «Милли байрак» газетасыннан алынган (1936 елның 4 декабре).

Рәсем 2. «Милли байрак» газетасының 257 номеры (1941 елның 44 апреле).

Садыков Ш.Ф. «Милли байрак» газетасында Ризаэтдин Фәхретдин
эшчәнлеге яктыртылышы

ӘДӘБИЯТ

1. Абдуллин Я. Милләт язмышы: уйланулар. Казан: Фән, 1999. 317 б.
2. Бикбау. Ризаеддин бине Фәхреддин хәзрәтләре (вафатына 6 ел тулу уңаенда) // Милли байрак. 1942. № 306 (22). Б. 2.
3. Ерак Көнчыгыштагы төрки-татар мөһажирләренең мирасы («Милли байрак» газетасының библиографик күрсәткече). Казан: ТФАнең Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2015. 284 б.
4. Рокыя Мөхәммәдиш. Мәрхүм мөфтибездә Ризаэтдин бине Фәхреддин хәзрәтләренең газиз рухына // Милли байрак. 1941. № 257 (20). Б. 1.
5. Тимур. Мөфти Ризаэтдин бине Фәхреддин хәзрәтләре хакында ислам вә алман матбугаты // Милли байрак. 1936. № 55(5). Б. 2.

Автор турында белешмә: Садыков Шамиль Фәнис улы – педагогика фәннәре кандидаты, өлкән фәнни хезмәткәр, Милли мәгариф тарихы һәм теориясе үзәге, Татарстан республикасы Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты (420111, Батурин урамы, 7А, Казан, Россия Федерациясе); mergen777@mail.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИЗАЭТДИНА ФАХРЕТДИНА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «МИЛЛИ БАЙРАК»

Ш.Ф. Садыков

*Институт истории им.Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
mergen777@mail.ru*

Имя великого ученого, педагога, историка, религиозного деятеля Ризаэтдина Фахретдина известно не только в татарском, но и в мусульманском мире в целом. Область деятельности ученого многогранна и уникальна, наряду с религиозной он вел активную просветительскую и издательскую работу. В статье рассматриваются отдельные материалы о Р. Фахретдине из газеты «Милли Байрак», издаваемой в Японии в течение десяти лет (1935–1945 гг.). Политика большевиков, направленная на борьбу с религией, на долгие годы наложила табу на изучение наследия многих татарских просветителей и религиозных деятелей. В периодической печати не нашлось места даже некрологу Р. Фахретдина. Зарубежные же издания были намного свободнее в оценке происходящих процессов в России. Изучение материалов газеты «Милли Байрак» о Р. Фахретдине позволяет объективно оценить его вклад в развитие просвещения татарского народа, проследить его жизненный путь, увидеть отношение исламского мира к его деятельности и тем самым подчеркнуть его личность в судьбе татарской нации.

Ключевые слова: Ризаэтдин Фахретдин, муфтий, газета «Милли байрак», пресса, татарская нация, Дальний Восток, тюркский мир

Для цитирования: Садыков Ш.Ф. «Милли байрак» газетасында Ризаэтдин Фэхретдин эшчэнлеге яктыртылышы // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 284–293. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.284-293

Сведения об авторе: Садыков Шамиль Фанисович – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); mergen777@mail.ru

PRESENTATION OF RIZAETDIN FAKHRETDIN' ACTIVITY IN THE NEWSPAPER "MILLI BAYRAK"

Sh.F. Sadykov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
mergen777@mail.ru*

The name of the great scientist, teacher, historian, and religious figure Rizaetdin Fakhretdin is known not only among Tatars, but also in the whole Muslim world. His field of knowledge is multifaceted and unique, along with religious work, he conducted active educational and publishing activities. This paper discusses some materials about R. Fakhretdin from the newspaper "Milli Bayrak", which had been published in Japan for ten years (1935–1945). The policy of the Bolsheviks aimed at combating religion for many years imposed a taboo on the study of the heritage of many Tatar educators and religious figures. There was no place even for the obituary of the death of R. Fakhretdin in the periodical press. Foreign editions had more freedom in assessment of the processes occurring in Russia. The study of the materials of the newspaper "Milli Bayrak" about R. Fakhretdin gives an opportunity to objectively assess his contribution to the development of the Tatar people's education, to trace his life path, and see the attitude of the Islamic world to his activities, thus emphasizing his personality in the fate of the Tatar nation.

Keywords: Rizaetdin Fakhretdin, mufti, the newspaper "Milli Bayrak", mass media, the Tatar nation, Far East, the turkic world

For citation: Sadykov Sh.F. Presentation of Rizaetdin Fakhretdin' activity in the newspaper «Milli bayrak». Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 284–293. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.284-293

REFERENCES

1. Abdullin Ya. *Millät jazmyshy: uylanular* [The fate of the nation: Reflections]. Kazan, Fән Publ., 1999. 317 p. (In Tatar)
2. Bikbau. *Rizaeddin bine Fәhreddin һәзрәтләре (vafatyna 6 el tulu uңaenda)* [Hazrat Rizaetdin Fakhretdin (commemorating 6 years since his death)]. *Milli bajrak – National Flag*, 1942, no. 306 (22), p.2. (In Tatar)
3. *Erak Kөнчыгыштагы төрки-tatar мөһажирләренәң mirasy («Milli bajrak» газетасының bibliografik кырсәткече)* [The legacy of the Turkic-Tatar Muhajirs in the Far East (bibliographic index of the newspaper "Milli Bayrak")]. Kazan, RT Academy of Sciences Institute of History Publ., 2015. 284 p. (In Tatar)
4. *Rokyja Mөһәммәdish. Mәрһүм мөftiebez Rizaetdin bine Fәhreddin һәзрәтләренәң gaziz ruhyna* [In memory of the deceased mufti Rizaetdin Fakhretdin]. *Milli bajrak – National Flag*, 1941, no.257 (20), p.1. (In Tatar)
5. Timur. *Mөfti Rizaetdin bine Fәhreddin һәзрәтләре һақында islam vә alman matbugaty* [Islamic and German press about mufti Rizaetdin Fakhretdin]. *Milli bajrak – National Flag*, 1936, no. 55(5). p.2. (In Tatar)

About the author: Shamil F. Sadykov is a Candidate of Science (Pedagogy), Senior Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); mergen777@mail.ru

**КАЗАННЫҢ ИСКЕ ТАТАР БИСТӘСЕ –
XIX–XX ЙӨЗ БАШЫНДА ТАТАР МӘГАРИФЕ ҮЗӘГЕ
(УКУ ЙОРТЛАРЫНА ТАРИХИ КҮЗӘТҮ)**

Э.К. Сәлахова

*Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең
Ш.Мәрҗани исемендәге Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе
ilsalah@mail.ru*

Иске Татар бистәсе – Казан шәһәренең татар халкының күпгасырлы тарихын чагылдырган биналары сакланган тарихи үзәге булып тора. Бистәнең оешуы халык тарихындагы драматик вакыйгалар белән бәйле. 1552 елда, Казан ханлыгы яшәүдән туктагач, татар жәмгыятең тормышы Кабан күле артындагы бистәгә күчә. XVI гасыр ахырына Иске Татар бистәсе Казан шәһәренең мөселман бистәсе рәвешен ала. Беренче мәчетләр, беренче мөселман уку йортлары нәкъ менә шунда ачыла. Иске Татар бистәсе берничә гасыр дәвамында татарларның белем һәм мәдәният үзәге була. Татар бистәсенең рухи тормышын өйрәнү – тикшерүчеләр өчен мөһим бер юнәлеш. Бистә халкы татар милләтенең шәһәр мәдәниятын саклап калу гына түгел, ә аны үстерүгә дә ирешә. Биредә мәчетләр төзелә, мәктәпләр, мәдрәсәләр ачыла, аларны яшәтү өчен матди база да булдырыла.

XIX–XX йөз башында Казан шәһәренең Иске Татар бистәсендә татар мәгарифенең барлыкка килүе һәм үсешен комплекслы рәвештә карау, тикшерү – хезмәтнең яңалыгы булып тора.

Мәкаләнең максаты булып уку йортлары, мәктәп һәм мәдрәсәләрнең барлыкка килүе һәм үсеш тарихын өйрәнү, анализлау, татар-мөселман жәмгыятең рухи тормышында аларның мөһимлеген күрсәтү тора. Максатка ирешү өчен берничә бурыч билгеләнә. Билгеле булганча, татарларда уку йортларының тарихы мәчетләр тарихы белән тыгыз бәйләнештә. Күпчелек мәктәпләр мәчетләр каршында ачылган. Мәдрәсәләр, урта һәм югары баскыч уку йортлары, формаль рәвештә мөстәкыйль уку йортлары булып исәпләнсәләр дә, чынлыкта аларның барлыкка килүе һәм үсеше турыдан-туры дини оешмалар белән бәйле. Уку-укуту процессын тәэмин итүчеләр дә дин эһелләре – имам-хатыйплар булган. Шуңа күрә, безнең фикеребезчә, уку йортларының барлыкка килү тарихы мәчет тарихлары белән тыгыз элемтәдә өйрәнелергә тиеш.

Мәкаләдә Иске Татар бистәсендәге 10 мэхәллә һәм мәчет карала. Автор мэхәллә турында мэхълүмат биргәндә, шул мэхәлләгә караган уку йорты ачылу һәм аның үсеше хақында сөйли. Шулай ук автор бистәдәге уку йортларының кадими укуту методыннан жәдидчәлеккә күчү этапларын да карый. Мәкаләдә Иске Татар бистәсен мәдәни һәм белем ягыннан үзләштерү чорлары да күрсәтелә. Хәзерге вакытта Мәрҗани исемен йөртүче Беренче мәчет бистәдә беренче дини оешма була, аннан соң озак та тормый Апанай мәчете калка.

Салахова Э.К. Казанның Иске Татар бистәсе – XIX–XX йөз башында татар мәгарифе үзәге (уку йортларына тарихи күзәтү)

Мәчетләрнең матди базасы нигезендә Россия империясенең мөселман дөнъясының башка уку йортлары белән конкурент була алырлык атаклы уку йортлары ачыла. «Мәржани мәдрәсәсе», «Апанай мәдрәсе» («Касыймия») моңа дәлил. Шулай ук макаләдә «Мөхәмәдия», «Халидия», «Гаффария», «Үтәмешевләр мәдрәсәсе», «Госмания» һәм башкалар турында киң мәгълүмат бирелә. Кайбер мәдрәсәләрнең исемнәре үзгәргән, бер үк мәдрәсә төрле чорда, төрле чыганаclarда төрлечә аталганын әйтеп үтү кирәк. Бу да автор тарафыннан аңлатыла. Автор укыту методлары, заман таләбе белән аларның үзгәрешләрен зур мәдрәсәләр мисалында күрсәтә. Тикшерү материаллары мәктәп-мәдрәсәләрдә уку-укыту процессын күзаллау, төрле чорда шәкертләр саны динамикасын күрү мөмкинлеген тудыра. Укыту процессын оештыру бар уку йортларында да якынча бер төрле булганга, һәр мәдрәсә турында язу кабатлану булыр иде, шуна автор башка мөһим фактларга игътибарны юнәлтә. Сакланып калган архив документлары «Касыймия» мәдрәсәсенә рус теле укытуны керткәндәге проблемалар, шәкертләрнең яңа предметны ничек кабул итүләрен күзалларга мөмкинлек бирә. Шундый ук хәл башка мәдрәсәләрдә дә кабатлана.

Мәдрәсә һәм мәктәпләр XX йөз башында татар интеллегенциясенең иң актив вәкилләре булган белемле яшьләрне тәрбияли. Алар күренекле галимнәр, язучылар, педагоглар, мәданият хезмәткәрләре булып житешәләр. Автор мәдрәсә турында язганда бу мәдрәсәне тәмамлаган күренекле укучыларының исемнәрен дә атый.

Мәчетләрне, мәдрәсәләрне булдыру, аларны матди яктан тәэмин итеп тору татар жәмгыятенен мөлкәтле катламыннан башка мөмкин булмас иде. Сәүдәгәр һәм эшқуарлар Юнысовлар, Арсаевлар, Мостафиннар, Әжемевләр һәм башка бик күп хәйриячеләр исемнәрен атау татарларда мәгариф үсеше тарихы хакында белемезне киңәйтә.

Тикшерү архив документларына, шулай ук әлеге тематика буенча булган фәнни әдәбиятка нигезләнә.

Ачыкч сүзләр: Иске Татар бистәсе мәчетләре, Иске Татар бистәсендәге уку йортлары, мәчетләр каршындагы мәктәпләр, татарларда мәгариф, татар халкы тарихы, «Касыймия» мәдрәсәсе, Мәржани мәчете, «Мөхәмәдия» мәдрәсәсе, татар хәйриячеләре.

Цитата өчен: Салахова Э.К. Казанның Иске Татар бистәсе – XIX–XX йөз башында татар мәгарифе үзәге (уку йортларына тарихи күзәтү) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 294–311. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.294-311

XVI йөзнен беренче яртысында барган сәяси хәлләрнең аяныч нәжтижәсе буларак Казан ханлыгы дөүләт булып яшәүдән туктагач, татар халкының тарихында зур үзгәреш була. Әлбәттә, күп гасырлык мәданияткә ия булган халыкның бар мирасы, белем бер мизгелдә юкка чыга алмый. Тарихны, халыкның казанышларын килеп туган шартларда саклап калу юлларын эзләү мәсьәләсен кую кирәк була. Шулай итеп, татар тарихының дөүләтчелек чорында жыелган белем, мәданият үзәге аның зыялы катламы белән авылларга күчә, Казан шәһәренең бары кечкенә генә

бер бистәсе – Татар бистәсе – татар рухының, аның мәдәниятын саклап калуның бер урыны була. Алга таба бистә зур Татар дәүләтенә кечерәйтелгән, концентрацияләнгән бер өлешенә әйләнә. Географик яктан караганда, Казан шәһәренә иң начар, сазлыклы жиренә урнашкан, территориясе ягыннан да кечкенә генә булган бу жирдә мәчет салына, тора-бара монда мәчетләр саны ишәя. Татар-мөселманнар өчен мәчет гыйбадәт кылу урыны гына түгел ул. Мәчет – гыйлем, мәдәният, жәмгыять үзәге. Хәзерге вакытта берничә ведомство алып барган эшне элек мәчет, иманнар алып барган. Мәчет тирәсенә оешкан мэхәллә – жәмгыятьнең бер өлеше, татар жәмгыяте – мэхәлләләр жыелмасыннан торган. Һәр мәчет каршында мәктәп эшләгән. Үз остазы булып аерым бина булдыру мөмкинлеге булган очракта, мәдрәсәләр оешкан. Мәдрәсәләре булу, хәтта ки ислам дөнъясында танылган уку йортлары булу – халыкның дәрәжәсен билгели торган күрсәткеч [24]. Мәчет булган жирдә татар һәрвакыт уку йорты – мәктәп яисә мәдрәсә булдырган [27].

Казанга императрица Екатерина II килгәнчегә кадәр Иске Татар бистәсендә бары тик XVIII йөзнең 40 нчы елларында төзелгән бердәнбер агач мәчет була [26, с. 17]. 1767 елның маенда Казанга килгән «әби патша»дан бистә жәмәгатьчелеге бистәдә ике таш мәчет төзүгә рөхсәт сорый. Иске Татар бистәсендә «әби патша» рөхсәтеннән соң салынган беренче мәчет – Беренче Таш мәчет (хәзерге исеме – Мәржани мәчете) булса, икенчесе – бу мәчеткә бик якын урнашкан Апанай мәчете. Апанай мәчетен Якуб бине Солтангали үз акчасына төзетә, ә Беренче Таш мәчет төзелешенә бар мэхәллә, Казанның мөлкәтле күп кенә кешесе катнаша. Ш. Мәржани мәгълүматы буенча, мәчет төзүгә 62 кешенә хәләл малы керә, алар мәчет төзелешенә биш мең сум акча жыялар. Мәчет өчен имам Әбүбәкер бине Ибраһим, мөәззин Исхак бине Ибраһим, Мортаза бине Йосыф һәм Якуб дигән кеше үзләренә жир кишәрлекләрен хайрия итәләр. Бирелгән рөхсәтән шартлар үзгәрәп киткәнче тиз арада файдаланып калу өчен, мәчет төзелешен тиз тотарга тырышалар, мәчет ашыгычлык белән төзелә. 1771 елга мәчетләр инде төзелеп бетә.

Казан дәүләте мөстәкыйльлеген югалтканнаен соң, Иске Татар бистәсендә барлыкка килгән әүвәлге уку йортлары булып Беренче (Юнысовлар) һәм Апанай мәчете каршындагы уку йортлары санала. Беренче мәчет каршындагы мәдрәсә Казанның өченче гильдияле сәүдәгәре, ахун Ибраһим Хузяш (Әфәнде хәзрәт) тарафыннан 1796 елда төзетелә. Ибраһим Хузяш бу мәчеткә имам булып 1794 елда килә, чыгышы белән Әлмәт ягы кешесе. Гыйлем иясе, заманының атаклы дини уку йортларында белем алган бу кеше Бистә халкы өчен табыш була, ул бу мәдрәсәдә татар-мөселман жәмәгатьчелегенә дин сабагы, ислам фәлсәфәсен аңлатучы зат, аның заманында татарлар арасындагы кайбер гадәтләргә-карашларга да яңача карау бу кеше исеме белән бәйле. Кабан күле буена төзелгән бинаның ике зур бүлмәсе, аш бүлмәсе, ишегалды булган. Бу остазның мәдрәсә ачылган

көннәрдән үк шәкертләре күп булган. 1816 елгы мәгълүмат буенча, монда 50 шәкерт белем алганлыгы билгеле.

Иске Татар бистәсенә икенче мәдрәсә икенче гильдияле сәүдәгәр Бикбау Хәлфин тарафыннан 1808 елда төзетелә, 1815 елда янкорма эшләнә. 1808 елдан ук мәдрәсәне гарәп илләрендә, Бохарада 15 ел буе дини белем алган бик гыйлемле Салих бине Сәгыйдь бине Хәсән әл-Кили (1825 елда вафат) житәкли. Бу мәдрәсә шәкертләр саны ягыннан Беренче мәхәллә мәчете мәдрәсәсеннән дә зуррак булган. 1820 елларда бу мәдрәсәдә 80 шәкерт укыган. Мәдрәсә бинасы ике бүлмә, кухня һәм ишегалдыннан торган [21, кз. 10–11].

XIX йөзнең 50 нче еллары мәгълүматлары буенча, Казан шәһәрендә дини уку йортларыннан 7 мәдрәсә эшли. Шулардан Иске Татар бистәсенә икенче өлешендә ике мәдрәсә була. Бу мәдрәсәләр – дөүләт оешмаларыннан мөстәкыйль уку йортлары, беркем каршында да хисап тотмыйлар. Берсендә 47 шәкерт, икенчесендә әлеге елларда 92 шәкерт укуы билгеле. Беренче мәчет каршында эшләгән мәдрәсә Юнысовлар химаясенә көн күрсә, икенчесе тулысы белән шәкертләр, аларның аталары, мәхәллә жәмәгәтчеләгеннән жыелган акчага яшәгән.

Иске бистәнең өченче өлешендә ике мәдрәсә эшли: аларның берсе – Казан сәүдәгәре Корбангали Рысаев акчасына 1826 елда ачыла, биредә барлыгы 80 шәкерт укыган, 1832 елда ачылган мәдрәсә Бәшир Аитов акчасына көн күрә, у мәдрәсәдә 110 шәкерт белем эстәгән. Барлык мәдрәсәдә дә бары тик берәр хәлфә эшли.

Яңа Татар бистәсендә Казан сәүдәгәрләре Мөхәммәд Кашаев, Корбангали Рысаев, Корбангали Сабаев акчасына яшәгән мәдрәсәләр эшләп килгән. Укыту предметларына килгәндә, аларның барысында да бер үк төрле белем бирелгән: шәкертләр гарәпчә, фарсыча, төркичә уку-язу кагыйдәләрен өйрәнгәннәр, Хәдис, арифметика укытылган.

Казан шәһәрендә тора-бара мөселман уку йортлары саны арта бара. 1854 елга аларның саны 8 гә житә [8, кз. 12], 1891 елда – 10 [13, кз. 34], 1909 елда – 11 була [14, кз. 2 б.]. 1913 елда Казан шәһәре буенча 26 мәктәп һәм мәдрәсә булганлыгы билгеле, аларның 20 се кадими уку йортлары була, ә 6 сы инде яңа – «ысулы саутия» методы белән эшли торган яңа карашлы, дөньяви предметлар буенча да белем бирә торган уку йортлары булып житешәләр. Шуларның – 14 е мәдрәсә, 12 се мәчетләр каршында эшләгән мәктәпләр. Бу вакытта мәдрәсәләрдә 1248 шәкерт белем алган, ә мәктәпләрдә кызлар да белем алган, аларны абыстайлар укыткан. Бу вакытта мәктәпләрдә 96 кыз бала, 561 ир бала укыганнар [3, кз. 9].

Татар-мөселман уку йортларының матди нигезен аерым кешеләр, аерым химаячеләрнең ярдәме тәшкит иткән. Ике Татар бистәсенә – Яңа һәм Иске бистәләренә күпчелек уку йортларын төзүче һәм тотучы конкрет кешеләр була. Алар, Юнысовлар, Арсаевлар, Мостафиннар, Әжемәвләр [8, кз. 12]. Мәдрәсәләренә шул вакыттагы исемнәре дә, нигездә, мәдрәсә төзетүче, аны тотучы кеше исеме белән аталып йөргән. 1854 елга Бистә-

дәге уку йортларының исемнәре: Иске Татар бистәсендә – Апанавлар (ачылу вакыты – 1826 ел), Аитовлар уку йорты (1832 ел), Юнысовлар (ачылу вакыты – 1836 ел), Якуповлар (1837 ел), Әжемевләр (1849 ел). Яңа Татар бистәсендә Әжемевләр исеме белән билгеле булып Юнысовлар акачасына тотылган уку йорты 1817 елда ук ачыла, монда XIX йөз уртасында 20 бала укый, шулай ук Яңа бистәдә Мостафиннар, Арсаевлар уку йортлары булган, анда да ике дистә бала белем алган [8, кгз. 12].

Иске Бистәнең иң атаклы мәдрәсә «Апанай мәдрәсәсе» – Апанай мәчете мөхәлләсенә караган мәдрәсә була, әмма төрле вакытта төрле исем йөртә. Аның «Күлбүе», «Кәримия», «Галләмия», «Касыймия» дигән исемнәре дә билгеле. Бу мәдрәсә турында Жамал Вәлиди, инкыйлабка кадәрге мөселман уку йортлары арасында беренче урынны алып тора, дип яза. Бу мәдрәсә урнашкан икенче мөхәлләдә шул чорның иң атаклы нәсел вәкилләре яши, атаклы мөгаллимнәр дә биредә була [23, 270 с]. Бу мәдрәсәнең укытучы имамнары – Бохарада дини гыйлем алган кешеләр. Бу мәдрәсәнең атаклы мөдәррисләрәннән берсә – чыгышы белән Казан арты Кенәр авылыннан булган мелла Исхак бине Сәгыйд бине Колмөхәммәд бине Ишмөхәммәд әл-Кенәри. Ул 1831 елда Казан шәһәренә Икенче мәчет имамы Фәхретдиннең вафатыннан соң килә. Ш. Мәржани язучысы, «күл буенда үз йорты янына мәдрәсә төзетеп, берәз вакыт шөһрәт белән дәрес итә» [25, 247 б.]. Мәдрәсәнең атаклы мөдәррисләрнең тагын берсә – мелла Салих бине Сәгыйд бине әл-Хәсән әл-Кили. Мәржани аның турында: «Казанга күчеп, икенче мәчеттә имам вә мөдәррис була. Ул анда зур мәдрәсә тотып, күп шәкертләр жыйнап дәрес укыта һәм дан, шөһрәт казана», дип яза [25, 321 б.]. Ислам дөньясында танылган шәхесләрнең остазы да ул. Аның шәкертләре арасында мелла Габдессаттар ахун, аның энесе мелла Габделгаффар бине Сәгыйд, мелла Максуд бине Корбангали бине Атнагол әл-Күлбаши, ахун мелла Фәтхулла бине Сәфәр бине Хәсән әл-Мөнәвези һәм башкалар [25, 322 б.].

Татар жәмгыятендәге яңа сулыш мәдрәсәгә үзгәрешләр кертә, дини предметларны гына өйрәтүче мәдрәсә буларак ачылган «Апанай мәдрәсәсе» чын мәгънәсендә яңа – жәдиди уку йорты булып житешә. XX йөз башында мәдрәсәне үзе дә шул ук мәдрәсәне тәмамлаган, Апанай мәчете имамы Мөхәммәд Касыйм улы Салихов житәкли. Мәдрәсәнең башка мөгаллимнәре дә шул мәдрәсәне тәмамлаган шәкертләр була. Башлангыч 4 сыйныф балаларын 1910 елдан башлап 24 яшьлек мөгаллим чыгышы белән Тәгеш өязе Яңасала авылыннан булган Карибулла Вәли улы Сиражетдинов укыта. 1908 елдан башлап 7 сыйныфка кадәр шәкертләргә Казан артының Сәләнгеш авылыннан Назыд Харис улы Хафизов белем бирә. «Апанай мәдрәсәсе» укытучыларыннан Казан өязе Сая авылының Габдрахман Сәгъди улы Вәлитов, чыгышы белән Нижгар ягынан булган Вәлиулла Хәсән улы Юнысов, Мөхәммәдшакир Ибраһим улы Ваһитов, Мөхәммәдбари Һади улы Фазлуллин, Габделкәрим Бәдретдин улы Яхин булалар. Бу уку йорты ике өлештән: мәктәп һәм мәдрәсә (сәнәви

бүлеге) торган. 1913 ел мәгълүматы буенча, мәктәбездә 77 бала белем алса, мәдрәсә өлешендә 120 шәкерт белем эстәгән. Шулай итеп, барлыгы 206 ир бала бушлай белем алу өчен шартлар тудырыла. Бу уку йортының попечителе итеп 1911 елда Шакир Закир улы Апанаев сайлана. Мәктәп һәм мәдрәсәне тоту өчен Юнысов, Апанаев һәм Гариф Утәмешев тарафыннан хәйрия ителгән сәүдә лавкасы, мөхәллә әгъзалары тарафыннан төзелгән һәм елына 400 сум табыш бирә торган мәчет ишегалдындагы лавка керемнәре тотылган. Шулай ук уку йорты өчен Госманов, Вәли Апанаев, Әхмәд Хөсәенов, Ямашев малларының табышларыннан кәргән өлешләр тотылган [6, ктз. 27–28]. Мәдрәсә чыгымы елга 3000 сум тирәсе тәшкит иткән [6, ктз. 27–28].

Мәдрәсәнең беренче чорда төгәл укуыту программасы булмый, мөдәррисләр үзләре кулай күргән, үзләре күзаллаган программа белән укыталар. XX йөз башына инде мәдрәсәләргә реформа, үзгәрешләр керә башлагач, «Апанай мәдрәсәсенен» дә үз уку программасы формалаша. 1913/1914 еллардагы уку программасы буенча 12 еллык уку-укуыту курсы 3 бүлектән тора: 1) ибтидаи; 2) рөшдия; 3) игъдадия. Һәр бүлекне үтү вакыты 4 ел була. Башлангыч ибтидаи бүлектә дин белеме, татар теле, арифметика, география нигезләре өйрәтелсә, рөшдиядә программа киңәйтеләп, дин гыйлеме, татар теле, гарәп теле, арифметика, тарих, география укытылган. Соңгы игъдадия бүлеге дин гыйлеме, гарәп теле, логика, тарих һәм геометрия буенча белем бирүне башкара [2, ктз. 169–170]. Дөнъяви фәннәр мәдрәсәдә дини предметлардан өстенрәк була башлый. Бу мәдрәсә мөгаллимнәре арасыныннан татар жәмгыятендә танылган шәхесләр чыгуы да мәдрәсәнең дәрәжәсен күрсәтә торган билге. Гарәп телен киләчәктә педагог, журналист, нашир булып танылачак Әхмәдһади Максуди укытса, 1909 елдан башлап төрки һәм гарәп әдәбияты дәресләреннән булачак тюрколог Заки Вәлиди белем биргән. Мәдрәсә каршындагы рус классында драматург Гафур Коләхметов эшли, ул арифметика дәресләрен дә алып бара.

«Апанай мәдрәсәсендә» 1873 елда рус класслары ачу аңлашылмаучанлык китереп чыгара. Рус класслары булдыру татар мәдрәсәләрендә жинел генә кабул ителми, «Апанай мәдрәсәсе» шәкертләре, замандагы үзгәрешләренә күрәп, рус телен өйрәнүгә каршы булмасалар да мәдрәсәгә китерелгән рус теле укытучысы Вафа Мусинны кабул итмиләр, укытучы буларак Каюм Насыйри билгеләнә дип вәгъдә бирелгән була [10, ктз. 2.]. Вафа Мусинга каршы торуга татар-башкорт уку йортлары инспекторы В.В. Радловның ачуы чыгып, ул мәдрәсәне яптыру ниятендә була. Әмма конфликт зурга китмичә, Вафа Мусин белән аралашкан, аңа ризасызлыгын белдергән Хәсән Тангатаров һәм Габдерәкыйп Нургалиевны мәдрәсәдән чыгару белән генә тәмамлана.

Инкыйлаб вакыйгалары да мәдрәсәне читләтеп үтми, шәкертләр арасында революцион карашлар тарала. Хәтта ки мәдрәсә укытучысы Габделбари Сәлимовка һөжүм иткән, революцион жырлар жырлаган шәкертләргә шикаять итүләр да була [18, ктз. 115–116].

Төрле елларда «Апанай мәдрәсәсендә» татар халкының күренекле шәхесләре – язучы, жәмәгать эшлеклесе Г.Г. Исхакый (1878–1954), дин галиме М.Я. Бигиев (1873–1949), жәмәгать эшлеклесе С.Н. Максуди (1875–1945), язучылар З. Бигиев, Г. Камал, А. Шамов һ. б. белем алганнар.

Казан шәһәренең өченче мөхәллә мәчете Иске Татар бистәсенә читендәрәк төзелә башласа да, бу жир бик тиз арада Иске Татар бистәсенә мөһим бер урынына әйләнә. Өченче мөхәлләгә караган жирдә сүздә, сәнәгать үсә башлый, яңа йортлар төзелә, мөхәллә киңәя. Бу мөхәлләдә 1799 елдан «Апанай» мәдрәсәсе шәкертләре өчен С. Мостафин төзеткән кечерәк кенә агач мәчет эшләп килгән. 1872 елда Мөхәммәдсадыйк Корбангали улы Борнаев киләчәктә Борнай мәчете дип аталачак мәчет салуга рөхсәт ала. Шактый көчле мөхәллә булса да, мәчет каршында озак вакытлар мәктәп тә, мәдрәсә дә булмый [6, кбз. 27–28]. 1913 елда мөхәллә мәктәп өчен халык мәктәпләре директорының рәсми рөхсәтен ала. Мәктәп мәчетнең 5 бүлмәсендә урнаша. Жәдидчелек чорында барлыкка килгән уку йорты буларак, Борнай мәчете каршындагы мәктәпнең нигездә дөньяви фәннәр тора. Шәкертләр дин гыйлеме белән бергә рус телен дә өйрәнгәннәр, ана теле нигезләрен, арифметиканы да үзләштергәннәр. Мөгаллим вазыйфаларын Тау ягы кешесе Дүртенче мәчет каршындагы мәдрәсәне тәмамлаган Жәгъфәрев башкара. XX йөз башында биредә 50 дән артык шәкерт белем ала.

Казан шәһәренең ярлы катламы яшәгән дүртенче мөхәлләсе – Зәңгәр мәчет каршында ачылган мәдрәсә XIX йөз ахыры – XX йөз башында Казан шәһәренең иң атаклы уку йортына әйләнә. 1825 елда ачылган бу мәдрәсә тарихта төрле исем белән билгеле. Каргалы мәдрәсәсен тәмамлап Казанга килгән Габденнасыр Рахманкул улы әлегә мөхәллә имамы итеп билгеләнгәч, мәчет каршында дини мәктәп ачып жиберә, сонрак Казан сүздәгәрләре Йосыф һәм Корбангали Арсаевлар мәдрәсә өчен аерым бина төзеп бирәләр. Бу чорда әлегә уку йорты «Арсаевлар мәдрәсәсе» буларак билгеле була. XIX йөз ахыры – XX йөз башында мәдрәсәнең матди ягын кайгырткан Мөстәкыймовлар нәселе исемә белән «Мөстәкыймовлар мәдрәсәсе», аннан мәдрәсәне матди яктан тоткан Айтугановлар исемә белән аталып йөри. Айтугановлар чорында мәдрәсә өчен яңа бина эшләнә. Мәдрәсәнең фәнни әдәбиятта кулланыла торган «Халидия» исемә монда озак еллар укуыткан, мәдрәсәне житәкләгән имамнар нәселе белән бәйле. Чыгышлары белән Тәтеш өязеннән булган Халитов нәселе кешеләре октябрь инкыйлабына кадәр Зәңгәр мәчеттә имам, «Халидия» мәдрәсәсендә мөгаллим булалар.

Жәдидчелек чорында мәдрәсәләрнең күбесе яңача укуга күчкән вакытта да «Халидия» үзенең традиционлыгына тугры калырга тырыша, монда уку программасының нигезен дини предметлар тәшкил итә. XX гасыр башына кадәр мәдрәсәгә рус телен кертмәгәннәр, рус телендә укуны мәжбүр итеп куймаганнар. Бу мәдрәсәнең шәкертләре, нигездә, Тау ягы балалары була, бу – имам, мөдәррисләренең чыгышы шул тарафтан булу белән дә бәйләдер бәлки. XIX гасырның 70 нче елларында биредә укучы шәкертләр

60 тирәсе булса [1, кгз. 45–46 б.], XX гасыр башына 150 шәкерт белем ала [22, кгз. 2.], октябрь инкыйлабы якынлашкан елларда бу сан безаз кими, 1916 ел мәгълүматы буенча, бу мәдрәсәдә 64 ир бала укый [7, кгз. 1–8].

Бу уку йортын тәмамлаган шәхесләрдән галим Газиз Гобәйдуллин, шагыйрь Г. Сөнгати, драматург Г. Камалны атарга кирәк.

Иске Татар бистәсенең бишенче мөхәлләсе мөселманнар яши торган иң зур өлеше була. XIX йөзгә 80 нче елларында биредә 83 йортта 500 ир-ат, 610 хатын-кыз гомер иткән [4, кгз. 370]. Бу мөхәллә сату-алу үзәкләренең берсе дә була, тора-бара бу мөхәллә эгъзалары арасынан заманының маллы эшкуарлары үсеп чыга. Бишенче мөхәллә мөселманнар арасындагы мөһимлеге ягыннан Беренче («Мәржани») һәм Икенче («Апанай») мөхәлләләре дәрәжәсендә торган мөхәллә була. Имам М. Сәгыйтовнең мәчет каршындагы дини уку йортына конкурент буларак Бохарада дини белем алып кайткан улы – Галимжан Галиев (Баруди) өчен атасы Мөхәммәтжан Галиев промышленник Сәйдәшев матди ярдәме белән таштан кечкенә генә бина салып бирә. Шулай бинада Г. Баруди шәкертләр жыеп укыта башлый. Яңа заманча рухтагы, киләчәктә «Мөхәммәдия» дип аталачак мәдрәсә эшен шулай башлап жибәрә. Бишенче мөхәлләдә урнашкан «Мөхәммәдия» мәдрәсәсе ислам дөнъясында атаклы, дәрәжәле уку йорты булып житешә. Татар яшьләре арасында барган заманча үзгәрешләр, уку-укытудагы реформа идеяләре нәкъ шушы уку йортында, шушы мәдрәсә шәкертләре тарафыннан тудырыла. Мәдрәсәдә сәяси, мәдәни ирекле фикерлә яшьләр тәрбияләнә. XX йөз башында бу мәдрәсәдә 500 шәкерт белем ала, аларга 20 мөгаллим дәрәс бирә. XX йөз башында Бишенче (Галиев) мөхәлләсе казанышлары ягыннан иң алдынгы, башкалардан аерылып тора торган мөхәллә була. Беренчедән, монда эшләп торучы «Мөхәммәдия» мәдрәсәсенең авторитеты зур булса, икенчедән, дини китаплар, дәрәсләкләр чыгаручы нәшриятләр – «Милләт», «Бертуган Кәримевләр» басмаханәләре эшләп килә, өченчедән, монда татар дөнъясында беренчеләрдән булып оешкан, хәтта ки бердәнбер татар китапханәсе – «Көтепханай исламия» дә биредә урнаша.

Казанның алтынчы мөхәлләсе Иске Татар бистәсенең сәнәгать районы була. Мондагы сабын кайнату заводларында эшләгән мөселманнар өчен беренче чорда манарасыз гына беркатлы агач мәчет хезмәт күрсәтә. Промышленник Әжемевлар акчасына 1887 елда мәчет таштан манаралы итеп салына. Бу мөхәлләнең мәдрәсәсе тарихы бу мәчеттә хезмәт иткән Гаффаровлар нәселе белән бәйле. Имам, мөдәррисләре исеме белән аталган «Гаффария» мәдрәсәсе, зур булмаса да, дини белем белән бергә әхлакый тәрбия бирү белән дә аерылып тора һәм татар жәмәгатьчелеге арасында данлыклы була. 1905 елгы мәгълүматлар буенча, мәдрәсәдә 110 шәкерт белем ала, шуның 45 е мәдрәсәдә яшәп укый. 40 шәкерт Казан шәкертләре булса, 70 шәкерт «Гаффария»дә белем алу өчен чит жирләрдән килгән [22, кгз. 42]. Бу мәдрәсә 1871 елда сәүдәгәр М.М. Әжемев төзеткән беркатлы таш бинада урнаша. Мәдрәсә каршында мәктәп тә эшләп килә [19, кгз. 1–7].

XX йөз башында бу уку йортларында дин гыйлеменнән Хисаметдин Габделгаффаров, Мирзагабидулла Габделгаффаровлар белем бирә. Укыту процессына шушы мәдрәсәдә укыган шәкертләр Зиһанша Нәжметдинов, Баһаветдин Зарифов, Шәмзаман Шәмжиһанов, Габделхәйхан Сафабутдинов, Сәмигулла Хәсәневләр дә ярдәм иткән [19, кгз. 1–7].

Жиденче мэхәллә мәчете Печән базары, башка сату-алу лавкалары урнашкан жирдә 1848 елларда төзелеп бетә [5, кгз. 1–14]. Юнысовлар салдырган бу мәчет халык телендә «Печән базары мәчете» буларак билгеле. Мэхәллә мәчете каршында мәктәп эшли башлый. Алдынгы карашлары белән аерылып торган Г. Апанаев үз акчасына Евангелистлар урамындагы үз йортында мәдрәсә оештырып жиберә. 1906 елгы мәгълүмат буенча мәдрәсәдә 64 шәкерт укый [5, кгз. 1–14]. Яңача укыткан бу мәдрәсә татар яшьләре арасында популяр уку йорты була. Мөдәррис Салиховның дини белем бирүенә, заманга яраклы үзгәреш кертәргә теләмәвенә жавап итеп Әхмәдһади һәм Садри Максудилар, Г. Исхакый «Апанай» мәдрәсәсеннән бу уку йортына күчәләр. 1908 елда Габдулла Апанаев укыту эшеннән читләштерелгәннән соң, Мөхәммәдтайб Алтынбаев Габдулла Апанаев керткән яңалыкларны тыя башлый, бу чорда уку йорты гади дини мәдрәсә рәвешен ала [19, кгз. 1–7]. «Үтәмешев» мәдрәсәсе дип тә аталган бу уку йортында 1913 елда 65 шәкерт, ә мәдрәсә каршындагы мәктәбенә 35 шәкерт белем ала. Укыту аваз методы белән алып барыла, әмма конкрет укыту программасы булмый. Мәдрәсәдә уку вакыты 10 ел, мәктәпнең уку курсы 4 елга исәпләнгән була. «Үтәмешевләр» мәдрәсәсе аерым хәйриячеләр, мэхәллә кешеләре акчасына һәм шулай ук мәдрәсә урнашкан йортта лавкаларны арендага бирү акчасына тотылган [20, кгз. 217–218 б].

Казан шәһәренең XIX йөз ахыры – XX йөз башындагы атаклы уку йортларының берсе булган «Госмания» мәдрәсәсе шәһәрнең сигезенче мэхәллә мәчете белән бер чорда төзелә. Мәчет төзәргә рөхсәт алып, үз акчасына мәчет кенә түгел, ә мәчет тирәсендә тулы бер комплекс төзәргә ният иткән Жиһанша Госманов житәкчелегендә башлана. Мәчетне 1868 елда төзетеп бетергән Жиһанша Госманов 1870 елда дөнья куйганнан соң, аның эшен улы дәвам итә. «Госмания» мәдрәсәсе 1871 елда төзелеп бетә. Мәдрәсә «Госмания» исеме белән билгеле булса, Жиһанша Госманов төзеткән мәчет аның эшен дәвам иткән улы – Солтангабделгазиз (Солтан) Госманов исеме белән «Солтан» мәчете буларак яши. Солтан Госманов, әтисе кебек үк, эшеннән зур табыш алмаса да, булган малыннан мәчетне, «Госмания» мәдрәсәсен тотарга акчасын кызганмый. Шулай да 1892 елда «Госмания» мәдрәсәсен тотуга, аны тәртипкә китерүгә Солтан Госманов тиешле дәрәжәдә игътибар бирми, мәдрәсәгә тиешле акча тулысынча аның ихтыяжына тотылмый дип мөдәррис Гарифулла Салихов инспектор исеменә шикаять бирә [15, кгз. 45–46 б].

Укыту ягыннан, программасы белән шул заманның башка мәдрәсәләреннән әллә ни аерылмый. Монда да шул ук әлифба, хәдис, ислам дине нигезләре, Коръән өйрәтелгән. Дөньяви предметлар буенча дәресләр бул-

маса дә, уку әсбаблары булып янача фикер йөртүче мөгаллимнәр авторлыгындагы китаплар, дәреслекләр куллану уку процессын камилләштергән. Мәдрәсәдә кулланылган 35 дәреслек арасында Г. Баруди, Ш. Әхмәрәв, Г. Зәбири, Ә. Максуди һ.б. дәреслекләре булу шул хакта сөйли. Мәдрәсәдә уку-укыту куелышы белән Казанның дәрәжәле уку йорты булганлыктан, монда укырга теләүче шәкертләр күп була. 1905 елгы рәсми мәгълүмат буенча шәкертләр саны 102 дип күрсәтелсә дә [22, ктз. 2], чынлыкта исә «Госмания»дә 300 гә якын шәкерт белем алган [16, ктз. 99–100]. Гадәттә мәдрәсә житәкчеләре шәкертләрнең чынлыкта булган санын тикшерүче органнардан яшерә торган була. Рәсми булмаган саннар ягыннан караганда, «Госмания» Галиевләр мәдрәсәсеннән («Мөхәммәдия») берәз гына калышкан, ул шәкертләрнең рәсми саны ягыннан «Мөхәммәдия», «Апанай» мәдрәсәсеннән кала өченче урында торган мәдрәсә.

Бу уку йорты үзенең рус классы белән дә аерылып торган, рус телен өйрәнергә теләп «Апанай», Галиевләр мәдрәсәсенә укырга кереп тә «Госмания» мәдрәсәсенә күчкән шәкертләр була [18, ктз. 102–103 б].

Дин гыйлеме укытучысы Гарифулла Салихов мәдрәсәгә рус телен укытуны керттергә ашкынып тормаса да, заман таләбен дә искә алып, мәдрәсә каршында рус класслары барлыкка килә. Мәдрәсәдә рус телен укыта башлауга шәкертләр дә куркып карыйлар, бирегә рус теле укытучысы буларак килгән А. Саттаров [11, ктз. 4–5] истәлекләренә караганда, беренче чорда шәкертләр рус теле дәресенә йөрү түгел, ә рус теле укытучысы белән аралашырга да теләмәгәннәр. Саттаров беренче дәресләрен рус классы бинасында түгел, ә мәдрәсә бүлмәләрендә үткәрергә мәжбүр була. Әкрәнләп шәкертләрнең ышанычын яулагач кына, рус классында укучылар барлыкка килә, 15 укучы жыя алалар. Саттаров башка уку йортына күчкәннән соң «Госмания»дә рус телен укыту йомшый башлый, килгән укытучылар шәкертләрнең начар мөнәсәбәтләрен күтәрә алмый китә торалар. Мәдрәсә житәкчеләре дә моннан файдаланып, рус теле укытучысына хезмәт хакы түләми башлыйлар. 1881 елда Ш. Таһиров укытучы итеп билгеләнгәннән соң, хәл уңай якка үзгәрә башласа да, 1882 елның ахырына шәкертләр арасында татар-рус мәктәпләренә каршы көрәш башлагач, 1883 елда Ш. Таһиров та мәктәптән китеп бара [12, ктз. 25–29]. Күренекле галим-тарихчы Гайнетдин Әхмәрәвнең бертуган әнәсе – Шәрәфулла Әхмәрәв, үзе дә дәреслекләр авторы булган педагог, мондагы рус телен укытуны югары дәрәжәгә күтәрә ала. 1897 елда «Госмания» мәдрәсәсенә рус классларында 19 шәкерт исәпләнә [16, ктз. 99–100].

Иске Татар бистәсенә ике мәчете: Казаковлар мәчете һәм иске Татар зиратындагы мәчетләрнең язмышы гомерле булмый, аяныч тәмамлана. Уникенче мәхәллә мәчете буларак төзелгән Казаковлар тарафыннан салдырылган бу мәчетнең бинасы сакланмаган. 1898 елда Казан шәһәренең I гильдияле сәүдәгәре Сөләйман Мөхәмәтжан улы Аитов Казанның Евангелистлар урамындагы йортын утары белән Казаков мәчетенә мәдрәсә ачу өчен хәйрия итә. Шарт буенча монда мәхәлләнең бар ир балалары да 16

яшенә кадәр рус телен өйрәнергә тиеш, рус класслары чыгымнары мэхәллә исәбеннән тотылырга тиеш була [17, кгз. 176]. Мәдрәсә попечителе итеп Исмагыйль Исхаков, житәкчесе итеп Хәбибулла Госманов билгеләнә. 1905 елда Казаковлар мәдрәсәсендә 49 шәкерт белем алган, шуларның 26 сы мәдрәсәдә яшәп укыган [22, кгз. 42]. Дин гыйлеми буенча мөгаллимнәр – Кышкар мәдрәсәсен тәмамлаган Хәбибулла һәм Габдулла Госмановлар [19, кгз. 1–7]. Укытуның махсус программасы булмый, мәдрәсәдә ислам дине нигезләре, татар һәм гарәп теле грамматикасы өйрәтелгән. Шулай да укыту процессында реформатор Г. Баруди дәреслекләрен куллану укытуга заманча үзгәрешләр кертелүе турында сөйли. 1912/13 уку елында Казаковлар мәдрәсәсендә 15 шәкерт, ә мәдрәсә каршындангы мәктәптә 30 шәкерт белем алган [20, кгз. 212–213 б].

Иске Татар бистәсенә Иске Татар зираты урынында салынган мәчете унжиденче номерлы мэхәллә мәчете буларак билгеле. Кызганыч, аның да бинасы сакланмаган. 1906 елда төзелеп беткән мәдрәсәгә имам итеп «Халидия» мәдрәсәсен тәмамлаган Мөбарәкжан Гарифуллы улы Мансуров билгеләнә. Прогрессив карашлы имам мәчет каршында мәктәп ачып жиберә, аңа укытуда «Халидия» мәдрәсәсен тәмамлаган Исхак Мөштәриев ярдәм итә. 1911 елда ачылган бу мәктәптә 120 бала белем ала. Аларга төрки, гарәп теле, дини гыйлемнәр, хәдис, тәфсир, ислам тарихы, матур язу кагыйдәләре, география, арифметика өйрәтелә, хәтта сату-алуга өйрәтә торган курс та була.

Татарларның үзләре тарафыннан оештырылып, үзләре яшәткән уку йортлары, рухи тормышның үзәге булган мәчетләр эшчәнлегә – гомумән, тарих өчен уникаль бер күренеш. Әлбәттә, мәгълүм шартларда мондый системаны булдыру мөмкинлекле катлам катнашыннан башка була алмас иде. Белем белән мөмкинлек берләшә алу – шулай ук татар мәгарифе үсешенә үзгәрткүч бер билгесе. Татар мәгарифе кыска гына вакыт арасында туып, зур тизлек белән үсеш алуга ирешә. Кыска гына вакыт эчендә бу уку йортлары кадими уку йортларыннан заман таләпләрен исәпкә алып, заманга яраклы шәкертләр тәрбия итә алырлык уку йортлары – жәдиди мәдрәсәләр булып житешәләр. Казан шәһәре – татар мәгарифе үзәге дибез икән, беренче чиратта, Казанның Иске бистәсе күз алдына килә. Мәгарифнең башлангычы бистәдән булу тарихи вакыйгалар сәбәп. Әлбәттә, соңрак Казан шәһәренең башка жирләрендә дә мәчетләр ачыла, мәчетләр каршында мәктәпләр эшли башлый. Шулай булса да, башлангычы татарларның белем һәм мәдәни үзәге булган Татар бистәсеннән килә. Кызганыч, әлегә кадәр бу тема фәнни әдәбиятта комплекслы рәвештә тиешенчә яктыртылу тапмаган. Моның үз сәбәпләре бар: бу теманы ныклап өйрәнү мөмкинлегенә бирә алырлык язма чыганаклар аз сакланып калган. Булган кадәр материалдан, Иске Татар бистәсендә татар мәгарифенең туу һәм үсеше, андагы уку йортлары эшчәнлегенә хакында мәгълүмат бирергә тырышылды. Әмма бу тема алга таба да тикшерүне таләп итә.

Салахова Э.К. Казанның Иске Татар бистәсе – XIX–XX йөз башында татар мәгарифе үзәге (уку йортларына тарихи күзәтү)

1917 елгы инкыйлабка кадәр чорда татар мәгарифе үсеше үзенен югары ноктасына житә. Татарның үз жәмәгәтчелеге тарафыннан оештырылып халыкка хезмәт иткән уку йортлары, ислам дөнъясында танылу алган мәдрәсәләре – татар халкының тиңе булмаган зур казанышы.

ӘДӘБИЯТ

1. Государственный архив Республики Татарстан [ГА РТ]. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3538.
2. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5482.
3. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 949.
4. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2598.
5. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7317.
6. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8961.
7. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 9767.
8. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6889.
9. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19380.
10. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11513.
11. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 16922.
12. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 17454.
13. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19380.
14. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 9607.
15. ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 698.
16. ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 815.
17. ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 847.
18. ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1093.
19. ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1441.
20. ГА РТ. Ф. 160. оп. 1. Д. 1576.
21. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 318.
22. ГА РТ. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 32.
23. Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2012. 319 с.
24. Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 236 б.
25. Мәржани Ш.Б. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 414 б.
26. Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 191 с.
27. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1844. 131 с.

Автор турында белешмә: Сәлахова Эльмира Кадим кызы – тарих фәннәре кандидаты, Татарстан республикасы халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре, Татарстан республикасы Фәннәр академиясенә Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты (420111, Батурин урамы, 7А, Казан, Россия Федерациясе); ilsalah@mail.ru

**СТАРО-ТАТАРСКАЯ СЛОБОДА Г. КАЗАНИ – ЦЕНТР
ТАТАРСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ)**

Э.К. Салахова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ilsalah@mail.ru*

Старо-Татарская слобода является историческим центром современной Казани, где сохранились архитектурные памятники, хранящие многовековую историю татарского народа. Образование слободы связано с драматическими событиями в истории народа.

После падения Казанского ханства в 1552 г. жизнь татарского общества перемещается в слободу, расположенную за озером Кабан. К концу XVI в. Старо-Татарская слобода становится своеобразным мусульманским пригородом города Казани. Первая мечеть и первые мусульманские учебные заведения открываются именно на этой территории. Старо-Татарская слобода на протяжении нескольких столетий была образовательным и культурным центром татар. Изучение духовной жизни Старо-Татарской слободы является важной научной темой для исследователей. Жители этой слободы смогли не только сохранить, но и развить городскую культуру татарского населения Казани. Здесь они строили мечети, открывали мектебы и медресе, создавали материальные условия их существования.

Новизной исследования является комплексное рассмотрение становления и развития татарского просвещения в отдельно взятой в Старо-Татарской слободе г. Казани в XIX – начале XX вв.

Цель публикации – изучить и проанализировать историю создания и развития учебных заведений: мектебов и медресе, показать их значимость в духовной жизни татаро-мусульманского сообщества. Для достижения указанной цели был поставлен ряд задач. Известно, что история образовательных заведений у татар тесно связана с историей становления мечетей. В подавляющем большинстве мектебы открывались при мечетях. Медресе как средние и высшие ступени обучения шакирдов, хотя формально и считались самостоятельными учреждениями, тем не менее, их создание и развитие были напрямую связаны с религиозными учреждениями. Учебный процесс обеспечивали духовные лица мечетей – имамы-хатибы. Поэтому, по нашему убеждению, история становления учебных заведений должна изучаться во взаимосвязи с историей мечетей.

В исследовании рассматриваются 10 махалля и мечетей, расположенных на территории Старо-Татарской слободы. Автор дает информацию о мечети определенной махалли, там же раскрывает историю создания и развития учебного заведения, относящегося к данной махалле. Также автор рассматривает этапы перехода от кадимистского к джадидистскому обучению в медресе слободы.

В статье показаны периоды культурного и образовательного освоения Старо-Татарской слободы. Первая мечеть, именуемая в настоящее время мечетью

Марджани, стала первым культовым сооружением на территории слободы, не намного отставая, воздвигается Апанаевская мечеть.

На материальной базе мечетей открывались знаменитые учебные заведения, успешно конкурировавшие с другими мусульманскими учебными заведениями Российской империи. Деятельность медресе «Марджани», «Апанаевской медресе» служат тому подтверждением. В статье дается развернутая информация о медресе «Мухаммадия», «Халидия», «Гаффария», медресе «Утямышевых», «Гусмания» и др. Следует оговориться, что названия некоторых медресе менялось, одно и то же медресе в разные периоды в источниках указано под разными названиями. Это также объясняется автором публикации. Автор на примере крупных медресе показывает методы обучения, их изменения в связи с требованиями времени. Материалы исследования дают возможность представить организацию учебного процесса в мектебах и медресе, проследить динамику числа шакирдов в разные периоды. Так как организация учебного процесса во всех медресе была примерно одинакова, подробное описание учебного процесса в каждом медресе было бы излишним, поэтому автор акцентировал внимание на других фактах. Сохранившиеся архивные источники по медресе «Касымия» позволяют создать полное представление о проблемах внедрения русского языка в медресе и восприятии шакирдов нового предмета. Такая же ситуация с русским языком складывалась и в других медресе.

Медресе и мектебы готовили образованных молодых людей, которые к началу XX в. составляли наиболее активную часть татарской интеллигенции. Они становились видными учеными, писателями, педагогами и деятелями культуры. Автор под текстами о медресе перечисляет и видных выпускников этих мусульманских учебных заведений.

Создание мечетей, медресе, их содержание было бы невозможным без участия зажиточного слоя татарского общества. Упоминание имен купцов и предпринимателей Юнусовых, Арсаевых, Мустафиных, Азимовых и многих других благотворителей дополняет наше знание по истории развития образования татар.

Исследование основано на архивных документах, а также на научной литературе по данной тематике.

Ключевые слова: мечети Старо-Татарской слободы, учебные заведения Старо-Татарской слободы, школы при мечетях, образование у татар, история татарского народа, медресе «Касымия», мечеть Марджани, Апанаевская мечеть, медресе «Мухаммадия», татарские благотворители.

Для цитирования: Салахова Э.К. Казанның Иске Татар бистәсе – XIX–XX йөз башында татар мәгарифе үзәге (уку йортларына тарихи күзәтү) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 294–311. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.294-311

Сведения об авторе: Салахова Эльмира Кадимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ilsalah@mail.ru

**OLD TATAR QUARTER OF KAZAN – THE CENTER OF TATAR
EDUCATION OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
(HISTORICAL OVERVIEW OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS)**

E.K. Salakhova

*Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ilsalah@mail.ru*

The Old Tatar Quarter is the historical center of modern Kazan, where architectural monuments preserving the centuries-old history of the Tatar people have been preserved. The formation of the settlement is associated with dramatic events in the history of our people. After the fall of the Kazan Khanate in 1552, the life of the Tatar society moved to the settlement, located behind the Kaban lake. By the end of the 16th century. The Old Tatar Quarter becomes a kind of Muslim suburban area of Kazan. The first mosque and the first Muslim educational institutions were opened in that territory. For several centuries, the Old Tatar Quarter was the educational and cultural center of Tatars. The study of the religious life of the Old Tatar Quarter is an important subject for researchers. Residents of this settlement were able not only to preserve, but also to develop the urban culture of the Tatar population in Kazan. There they built mosques, opened the mektep and madrasas, created material conditions to maintain their existence.

The study is novel in that it is a comprehensive review of the formation and development of the Tatar enlightenment in the separately considered Old Tatar Quarter of Kazan in the the 19th – early 20th centuries. The purpose of this publication is to study and analyze the history of establishing and developing educational institutions – mektebe and madrasas, to show their significance in the religious life of the Tatar-Muslim community. To achieve this goal, a number of tasks were set. It is a well-known fact that the history of educational institutions among the Tatars is closely connected with the history of mosques formation. A vast majority of schools opened at mosques. Madrasas, as the middle and higher levels of education of shakirds, although formally considered independent institutions, nevertheless, their creation and development is directly related to religious institutions. The educational process was provided by the clerics of mosques – Imam-khatiba. Therefore, from our perspective, the history of educational institutions formation should be studied in conjunction with the history of mosques.

The study examines 10 mahallas and mosques located on the territory of the Old Tatar Quarter. When the author provides information about the mosque of a certain mahalla, he also reveals the history of the establishment and development of an educational institution belonging to this mahalla. The author also considers the transition from radimitschi to djadidists method of teaching in madrasas settlement.

The article investigates the periods of cultural and educational development of the Old Tatar settlement. The first mosque, now called the Marjani mosque, became the first religious building on the territory of the settlement, not far behind, the Apanaev mosque was built.

Famous educational institutions opened on the facilities of mosques and successfully competed with other educational institutions of the Muslim world in the Russian Empire. The madrasas of *Marjani*, *Apanaev madrasa* are indicative of that. The article also provides detailed information on the madrasa: *Muhammadiya*, *Khalidiya*, *Gaffariya*, *Utyasheva madrasa*, *Guzmaniya*, etc. It should be noted that the names of some madrasas have changed, the same madrasas in different periods are indicated in the sources under different names. It is also explained by the author of the publication. The author on the example of large madrasas shows teaching methods, their changes in connection with the requirements of time. The materials of the study make it possible to present the organization of the educational process in mektebs and madrasas, to trace the dynamics of the growth of the number of shakirds or their decline in different periods. Since organization of the educational process in all madrasas was approximately the same, a detailed description of the educational process in each madrasa would be unnecessary, therefore, the author focused on other significant facts. Archival sources at the madrasa *Casamia* give an opportunity to create a complete view on the problems of implementing the Russian language in the madrasas and the perception of shakerdom a new subject. The same situation with the Russian language developed in other madrasas.

Madrasas and mekteps prepared educated young people, who by the beginning of the 20th century constituted the most active part of the Tatar intelligentsia. They became prominent scholars, writers, teachers, and cultural figures. Moreover, the author under the texts about madrasas lists prominent graduates of these Muslim educational institutions.

The creation of mosques, madrasas, their maintenance would have been impossible without the participation of the wealthy stratum of Tatar society. Mention of the names of merchants and entrepreneurs Yunusov, Arsaev, Mustafin, Asimov and many other benefactors complements our knowledge of the history of education of the Tatars.

The research is based primarily on archival documents, as well as on scientific literature on the given subject.

Keywords: mosques of the Old Tatar Quarter, educational institutions of the Old Tatar Quarter, schools attached to mosques, education among Tatars, history of the Tatar people, Madrasa Kasimiya, the Mardjani Mosque, Apanaev Mosque, Madrasa Muhammadiya, Tatar benefactors.

For citation: Salakhova E.K. Old Tatar Quarter of Kazan – the center of Tatar education of the 19th – early 20th centuries (historical overview of educational institutions). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 294–311. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.294-311

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 1. Op. 3. D. 3538. (In Russian)
2. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 1. Op. 4. D. 5482. (In Russian)
3. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 1. Op. 6. D. 949. (In Russian)
4. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 2. Op. 2. D. 2598. (In Russian)
5. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 2. Op. 2. D. 7317. (In Russian)
6. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 2. Op. 2. D. 8961. (In Russian)
7. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 2. Op. 2. D. 9767. (In Russian)
8. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 92. Op. 1. D. 6889. (In Russian)
9. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 92. Op. 1. D. 19380. (In Russ).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 92. Op. 1. D. 11513. (In Russian)
11. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 92. Op. 1. D. 16922. (In Russian)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 92. Op. 1. D. 17454. (In Russian)
13. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 92. Op. 1. D. 19380. (In Russian)
14. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 92. Op. 1. D. 9607. (In Russian)
15. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 160. Op. 1. D. 698. (In Russian)
16. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 160. Op. 1. D. 815. (In Russian)
17. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 160. Op. 1. D. 847. (In Russian)
18. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 160. Op. 1. D. 1093. (In Russian)
19. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 160. Op. 1. D. 1441. (In Russian)
20. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 160. Op. 1. D. 1576. (In Russian)
21. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 977. Op. sovet. D. 318. (In Russian)
22. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 1118. Op. 1. D. 32. (In Russian)

Салахова Э.К. Казанның Иске Татар бистәсе – XIX–XX йөз башында татар мәгарифе үзәге (уку йортларына тарихи күзәтү)

23. *Medrese Kazanskoy gubernii vtoroy treti XIX – nachala XX v.: sbornik dokumentov i materialov* [Medrese in the Kazan Province in the second third of the 19th – early 20th centuries. Collection of documents and materials]. Kazan, Main Archive Department at the Republic of Tatarstan Cabinet of Ministers, 2012. (In Russian)

24. *Medresalarda kitap kishtase* [Bookshelves in medrese]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1992. (In Tatar)

25. Marzhani Sh. B. *Mustafadel-akhbar fi akhvali Kazan va Bolgar* [Information about Kazan and Bulgar]. Kazan, 1989. (In Tatar).

26. Sakikhov R.R., Khayrutdinov R.R. *Istoricheskie mecheti Kazani* [Historical mosques of Kazan]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2005.

27. Fuks K. *Kazanskie tatory v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh* [Kazan Tatars in terms of statistics and ethnography]. Kazan, Printing House of Kazan University, 1844, 131 p. (In Russian)

About the author: Elmira K. Salakhova is a Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Department of History and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ilsalah@mail.ru

**САЛИХДЖАН БАРУДИ И МАХМУД ЮСУПОВ
(МАЛОИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ
УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКА)**

В.В. Черновская

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ecolog2003@yandex.ru*

Статья посвящена малоизвестной истории взаимоотношений известного татарского богослова и просветителя Салихджана Баруди и его ученика Махмуда Юсупова, имама Ярославской соборной мечети (1907–1922). Источниками для ее написания послужили воспоминания потомков М.Юсупова, живущих в Республике Татарстан, извлечения из архивных документов, сочинение Мухаммеда Мубайина «Мират аш-Шурух» («Зеркало комментариев»), изданное в Казани в 1903 г. Юный Махмуд читал его под руководством Салихджана Баруди в годы своего ученичества в Казанском медресе. Позже, будучи уже имамом, он читал этот труд со своими учениками. Запоминая и закрепляя в памяти каждый прочитанный текст, они продвигались в знаниях по основам мусульманского вероучения и одновременно упражнялись в лексике и грамматике арабского языка. Сочинение М.Мубайина служило учебным пособием ученикам мэкътэп (школы) при мечети до 1931 г., когда по решению городских властей мечеть и мэкътэп были ликвидированы.

Ключевые слова: Салихджан Баруди, Махмуд Юсупов, сочинение Мухаммеда Мубайина «Мират аш-Шурух», школа при Ярославской мечети, религиозное образование.

Для цитирования: Черновская В.В. Салихджан Баруди и Махмуд Юсупов (малоизвестная история отношений учителя и ученика) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 312–319. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.312-319

Нитью, связующей вехи жизненного пути С.Баруди и М.Юсупова, имама хатыба Ярославской соборной мечети, стала метрическая книга. Она состоит из десяти *дәфтәр* (тетрадей), переплетенных в один том. Затерянный среди томов аналогичных метрических записей православных храмов под номером 588 он уцелел чудом. Единственный раз метрическую книгу мечети затребовали из архива в 1962 г., когда по запросу из Казани из нее была сделана сводная выписка о рождении в Ярославле детей имама М.Юсупова: Биби Камал, Биби Хафазы и Абдуллы.

Эта выписка, сохранившаяся сиротливым вкладышем в одной из *дафтэр*, стала отправной точкой для поисков потомков имама М.Юсупова. В 2007 г. автору посчастливилось встретиться с женой Абдуллы – Раисой Ибрагимовной и его дочерью Гузалией в столице Татарстана. Так, подобно мозаике, из отдельных фактов, сведений и рассказов потомков имама М.Юсупова сложилась картина его жизни, начавшейся в небольшой деревушке Нижегородчины – Антяровке, и завершившейся в Ярославле в 1922 г.

М.Юсупов родился 3 января 1878 г. в крестьянской семье. Тогда в Антяровке действовали две *мактэп* для мальчиков. В период, когда среди учеников одного из них находился юный Махмуд, в них обучались 80 мальчиков. Тем из них, кто был одарен усердием и тягой к знаниям, школа при мечети давала необходимую подготовку для будущей деятельности имама.

По устоявшейся в XIX в. традиции продолжение учебы было связано с переездом в Казань, тогда центр мусульманской учености. Так поступил и Махмуд Юсупов. В Казани он учился у Салихджана Баруди, который был имамом хатыбом и мударрисом в медресе 10-го прихода Ново-Татарской слободы г.Казани [4, с. 52, 170–171]. По содержанию и направленности учебных занятий это медресе стояло в одном ряду со славной Мухаммедией и Апанаевским медресе при Азимовской мечети.

Салихджан, брат Галимджана Баруди, был известным богословом и активным сторонником реформаторских идей. В среднем шакирды обучались в медресе семь лет. За годы учебы между ними и их наставниками устанавливались доверительные отношения, перераставшие в дружбу. Похоже, такие отношения связывали Махмуда Юсупова с его духовным наставником и учителем Салихджаном Баруди.

Просматривая листы метрических записей, заполненных рукой Махмуда Юсупова, нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство. Графы и соответственно колонки, в которых эти записи делались, заполнялись по-разному. В один год – аккуратно и полно, в другой – торопливо и с сокращениями, из-за которых вкрадывались ошибки. Например, в *дафтэр* за 1915 г. в графе, в которой полагалось указывать год рождения, Махмуд Юсупов пишет «1978», вместо «1878». В других случаях он забывал указать день и месяц своего рождения или вписать номер свидетельства, подтверждающего его статус указного муллы [2, л.4].

Единственная графа, при заполнении которой он не допустил ни одной небрежности, была третья по счету колонка на вторых листах *дафтэр*. Здесь сообщались сведения об учителе (*устаз*), у которого были получены богословские знания. В тщательности, с которой М. Юсупов заполнял эту колонку, сквозило уважение, если не трогательная привязанность, ученика к своему учителю и духовному наставнику. В пользу этого предположения говорит и другое обстоятельство. На втором году своего пребывания в Ярославле, мулла М. Юсупов обратился в Губернское правление с просьбой выдать ему билет на двухмесячный отпуск. Его просьба

была удовлетворена. Билет был доставлен ему 9 апреля 1909 г. в дом Измайлова по улице Рождественской, где тогда он жил со своей семьей, и вручен ему под расписку [1, л. 16]. Заметим, что время выбранное им для отпуска было не совсем удачным. За день до отъезда М. Юсупова из города, 8 апреля его жена Халифе разрешилась от бремени четвертым ребенком. Старшей дочери Зейнеп было 6 лет, сыну Жефяру – 4 года, а Биби Камал не исполнилось и двух лет. Семья жила на съемной квартире. К тому же приход, численность которого увеличивалась, требовал неустанных и повседневных забот муллы.

Можно было бы предположить, что чрезвычайные обстоятельства потребовали срочного присутствия М. Юсупова в Антяровке. Но он не указал место и причину своей поездки. Как сделал это, выехав, например, в Уфу на испытание в Оренбургское магометанское духовное собрание весной 1907 г. [1, л. 17]. Выходит, М.Юсупов не хотел называть цель и город, который собирался посетить. И, вероятнее всего, свой отпуск (или часть его) он провел со своим учителем и наставником С. Баруди. В 1908 г. он и его брат Галимджан находились в ссылке в Вологде. Их пребывание здесь под надзором полиции было определено двумя годами. Но вышло послабление. МВД разрешило им второй год ссылки провести за границей. Перед отъездом они на короткое время вернулись в Казань, а затем отправились в заграничное путешествие. Пересекаясь во времени, два события, а именно: предстоящее путешествие братьев Баруди за границу и отъезд М. Юсупова из Ярославля, позволяют предположить, что последний навещал своего учителя в Казани или другом городе Империи до его отъезда за границу.

Мы уже не узнаем, был ли отслежен агентами охраны апрельский маршрут муллы М. Юсупова, или сам факт его учебы в казанском медресе, в котором преподавал С. Баруди, но вскоре после возвращения в Ярославль, мулла М.Юсупов был поставлен под негласный надзор полиции. Галимджан и Салихджан Баруди значились в списке 28 видных панисламистов, т.е. проводниками идеи объединения мусульман «вокруг ислама и халифа». Надо полагать, в сочувствии к этой идее подозревался и воспитанник С. Баруди – Махмуд Юсупов. Так или иначе, в структуре Ярославского охранного отделения появились два подразделения (стола) – «Ислам» и «Бреги». До 1918 г. сюда направлялись донесения и рапорты агентов этих подразделений о настроениях и действиях муллы Юсупова.

О доверительных отношениях С. Баруди и М. Юсупова свидетельствует и другой факт. По смерти М. Юсупова его вдова и пятеро осиротевших детей переехали жить в Казань, где их единственным опекуном и покровителем мог быть только Салихджан Баруди.

В Казани, где оказались Халифе и ее дети, им дали комнатуху в доме по улице Кирова. Шесть человек ютились на площади девять квадратных метров. Халифе не назвала детям имени человека, который помог им получить жилье. Но то, что он был уважаемым и авторитетным в

городе человеком они догадывались. Однажды, кто-то из ярославских татар, посетивших Казань, увидел и узнал идущую по улице Халифе. После этой встречи в компетентные органы поступил донос, что жена Ярославского муллы проживает в Казани. Однако обошлось. Неизвестный покровитель заступился за Халифе. Подтвердил, что ее покойный муж был не муллой, а учителем. Отчасти это было правдой. Помимо отправления религиозных треб, мулла М.Юсупов был учителем в школе при мечети. О времени его преподавания в *мактәп* чудом сохранилось учебное пособие, которое штудировали воспитанники под его руководством.

В мектебе было два класса. Учителем в младшем классе работал Невреддин Жедиханов, совмещавший обязанности муэдзина и учителя младшего класса (сабиана). Старший класс образовывался вокруг мугаллима Махмуда хазрата Юсупова. Уцелевшая книга из его библиотеки свидетельствует, Махмуд хазрат читал с ними комментарий (*шарх*) Мухаммеда Мубайина на «Лестницу наук», трактат по логике индийского ученого Бихари (ум. 1708).

Шарх М. Мубайина под названием «Зеркало комментариев» был опубликован в Казани в 1903 г. [3]. Видимо там М. Юсупов приобрел эту книгу и привез с собой в Ярославль. В студенческие годы занятия с ним по этой книге вел Салихджан Баруди.

Чтение *шарх* бесполезно без сопровождающих уроков «по корням», т.е. основам фикха, тафсира и занятий арабским языком. Иначе говоря, прежде, чем приступить к чтению того или иного отрывка из книги Мубайина, Махмуд хазрат должен был дать своим питомцам знания в объеме, необходимом для восприятия конкретной страницы (или отрывка из нее), потом следующей и т.д. Понятно, что для этого требовался не один год. Иными словами, цель совместного чтения сочинения Мубайина состояла не в изучении логики. Эта дисциплина была предметом преподавания в медресе. Речь идет о методике, в основу которой были положены принципы обучения в школе при мечети. Логично предположить, что М. Юсупов собирал вокруг себя учеников, чтобы дать им углубленные знания и подготовить их к поступлению в медресе.

Неизвестно, сколько его учеников пожелали, как тогда говорили, «искать знаний» в центрах мусульманской учености. Но бесспорно, читая с ними *шарх* Мубайина, Махмуд хазрат готовил их к этому. Запоминая и закрепляя в своей памяти каждый прочитанный текст, его воспитанники продвигались в знаниях по основам вероучения и ритуала и упражнялись в лексике и грамматике арабского языка. До 1924 г. мечетскую школу могли открыто посещать все мальчики из татарских семей.

Истонченные изломы нижних и левых углов обложки *шарх*, пометы красными чернилами на его отдельных листах, вкладыши на арабском языке (суры Каф и Комнаты из Корана) – все это признаки постоянного обращения муллы и его учеников к книге Мубайина [3, с. 23, 25, 29, 33–39, 46, 47, 49, 50, 286].

В цепочке поколений ярославских мусульман память об имаме М. Юсупове трансформировалась в легенду. Говорили, что его убили вскоре после прихода к власти большевиков. В реальности он умер от сыпного тифа 29 мая 1922 г. О чем в городской книге о смертях за этот год есть соответствующая запись. Через восемь лет мечеть закрыли. Накануне ее ликвидации верующий мусульманин забрал из мечети *шарх* Мубайина к себе домой. Дата «1951» и литеры «ЙИЛ», (вероятно инициалы прихожанина), оставшиеся на обороте последнего листа книги, свидетельствуют, что она находилась в частном хранении двадцать лет. Все эти годы языком общения и молитвы в его семье оставался фарси. На странице, разделяющей первую и вторую части книги, есть запись молитвы, сделанная рукой взрослого человека [3, с. 175]. Корявые русские буквы персидских и арабских слов говорят о том, что запись появилась после 1939 г., когда латинский алфавит был заменен кириллицей во всех мусульманских языках. Употребление кириллицы облегчало русификацию мусульман. Смена алфавита делала письменное наследие на арабском языке недоступным для будущих поколений. Если представители старшего поколения еще помнили арабское правописание, то младшее поколение в мусульманских семьях, поголовно грамотное на русском языке, не знало его совсем.

Дети и подростки воспитывались советской школой, октябрятской и пионерской организациями и с восторгом воспринимали идеи типа «молодежь на самолеты» или «безбожник у станка». Их проще было оторвать от религии, что и происходило в большей или меньшей степени в семьях верующих мусульман. Сын (или внук) персиянина (или таджика), в доме которого хранилась книга Мубайина, оставил свой автограф на листе, завершающем ее последнюю главу. То, чего не позволил бы себе ребенок, проучившийся хотя бы год в мечетной школе, сделал школьник никогда не посещавший ее. На пустом листе между переплетом и печатной страницей текста книги есть картинка, нарисованная ручкой с перышком, какие обычно обмакивали в чернильницы-непроливайки в советских школах. На ней изображен дом, так, как его изображают школьники младших классов. Выше грузовик, ниже планер и совсем низко, почти задевая крышу, летящий аэроплан с надписью на боку «СССР». По силуэту он напоминает отечественный истребитель И-5. Значит, рисунок юного художника, мечтавшего стать то ли шофером, то ли летчиком можно датировать декадой 1930-х гг., когда началось серийное производство самолетов данного типа. Тогда преподавание школьникам исламского вероучения в мечети или в частном порядке в свободные от школьных занятий дни было запрещено.

Глава семьи, как и другие пожилые люди, у которых не смогли отобрать веру, продолжал учить детей (или внуков) основам веры и правилам ритуала. Он ещё помнил арабскую графику. Нумерация страницы, на которой находилась молитва, обозначена арабской цифрой, но написать правила ритуала он не умел или пожелал обозначить русскими буквами.

Возможно, он сделал это, чтобы его дети (или внуки) могли правильно совершать утренний намаз и читать молитвы: *ният на Сунну – такбир – «ас Сана»* (восхваление Всевышнего) – *ният на фард...*» [3, с. 175]. Далее текст прерывается. Больше записей и помет в книге нет. Неведомыми путями книга Мубайина попала в партийный архив области, где никем невостребованная, пылилась на полке почти полвека. Оттуда, уже списанная, она попала в руки автора статьи, и была им возвращена в мечеть. При мечети действует медресе, в котором преподаются арабский язык и те же предметы, что и в мектебе сто лет назад. Как тогда, так и сегодня, извлечения из *шарх* М. Мубайина на трактат по логике известного мусульманского ученого помогают тем, кто стремится лучше понять ислам. Методика, в основу которой были положены принципы обучения в медресе, в котором преподавал Салихджан Баруди, возрождается в преподавательской практике благодаря книге, некогда принадлежавшей его ученику Махмуду Юсупову. Имя мусульманина, сохранившего ее в годы бесноватого атеизма, неизвестно. Все, что можно сказать о нем, это то, что по этнической принадлежности он был предположительно персом, которому революция перекрыла дорогу на родину, или таджиком, осевшим в Ярославле во вторую декаду советского строя, когда началось строительство шинного и других заводов резиноасбестового комбината. Пока действовала мечеть, он посещал уроки исламского вероучения, которые после смерти Махмуда хазрата проводил его преемник имам Хусейн Айнетдинов. Возможно, сам имам передал ему на хранение книгу Мубайина накануне ликвидации мечети. Ведь «как рассадник религиозных знаний» она подлежала бы немедленному изъятию и уничтожению.

Книга Мубайина свидетельствует, что в процессе обучения старшей группы учеников муллы Юсупов следовал принципам преподавания в казанском медресе. В школах такого уровня как медресе Салихджана Баруди дисциплины *аклият – фикх* (право), *нахв* (грамматика) и логика были главными предметами. Учебными пособиями шакирдам по этим предметам служили *шарх* и *хэи* (комментарии) на труды авторитетных мусульманских ученых. *Шарх* Мубайина на трактат по логике аль Бихари «Сулляям аль улюм» (Лестница наук) был таким учебным пособием. Отсюда преемственность в организации занятий, которые вел Махмуд Юсупов со своими питомцами. Она была явно заложена годами его учебы в медресе у Салихджана Баруди. В советскую эпоху эта преемственность прервалась. Но мусульманские семьи остались. Связующим звеном между ними стали домашние мечети. В них проводили пятничные *джума*, читали Коран, держали пост, совершали свадебные и иные обряды. Эти непотопляемые атеистической пропагандой островки веры дадут импульс возрождению ислама в постсоветское время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Ярославской области. Ф. 79. Оп. 13. Д. 1158. Л. 16, 17.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 11. Д. 588. Л. 4.
3. Мубайин М. Мират аш-Шурух (Зеркало комментариев). Казань: Лито-Типография И.Н. Харитоновна, 1903, 382 с. (на арабском яз.).
4. Юсупов М. Галимджан Баруди. Казань: Татарское книжное изд-во, 2003. С. 52, 170–171.

Сведения об авторе: Черновская Валентина Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ecolog2003@yandex.ru

**SALIHJAN BARUDI AND MAHMOUD YUSUPOV
(LITTLE KNOWN STORY OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN A TEACHER AND HIS DISCIPLE)**

V.V. Chernovskaya

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ecolog2003@yandex.ru*

The paper is dedicated to the little known story related the relationship between the famous Tatar theologian and enlightener and his disciple – Salihjan Barudi and mullah Mahmoud Yusupov, imam of the Yaroslavl mosque (1907–1922). The sources the writing the paper consist of reminiscences of M. Yusupov's descendants living in Tatarstan at present, extractions from the city archives and Muhammad Mubaiin's work *Mirat ash-Shuruh* published in Kazan in 1903. Youthful Mahmoud studied it under the guidance of his preceptor Salihjan Barudi during the period of his student years at the Kazan madrasa (higher religious school). Later on, when he became an imam, he used the book in teaching religious subjects in school (maktab) attached to the mosque. The method of teaching was the same as in his student days. Reading and memorizing a particular fragment from the book, on the pupils acquired the basic principles of Islam dogma and ritual, practiced in vocabulary and grammar of the Arabic language. Work of M. Mubaiin served as a textbook for pupils of the mosque maktab up to 1931, when the school and mosque were liquidated by the city authorities.

Keywords: Salihjan Barudi, Mahmoud Yusupov, work of Muhammad Mubaiin «Mirat ash – Shuruh», religious education, maktab attached to the Yaroslavl mosque.

Черновская В.В. Салихджан Баруди и Махмуд Юсупов
(малоизвестная история отношений учителя и ученика)

For citation: Chernovskaya V.V. Salihjan Barudi and Mahmoud Yusupov (little known story of the relationship between a teacher and his disciple). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 312–319. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.312-319

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arhiv of Yaroslavskaya oblast' [The State Archive of Yaroslavl Region]. Fond 79. Op. 13. File 1158. Lists 16, 17. (In Russian)
2. Gosudarstvennyy arhiv of Yaroslavskaya oblast' [The State Archive of Yaroslavl Region]. Fond 230. Op. 11. File 588. List 4. (In Russian)
3. Mubaiin M. *Mirat ash – Shuruh* [Mirat ash – Shuruh]. Kazan, Litho-Typography of I.N. Haritonov, 1903, 383 p. (In Arabic)
4. Yusupov M. *Galimjan Barudi* [Galimjan Barudi]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2003. pp. 52, 170–171. (In Russian)

About the author: Valentina V. Chernovskaya is a Doctor of Science (History), Professor, Senior Research Fellow of the Department of New history, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ecolog2003@yandex.ru

Документы

УДК 930.2

DOI: 10.22378/he.2019-4-2.320-338

ДНЕВНИК ЖИЗНИ ДЕТСКОГО ДОМА: ИСТОРИЯ ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-х гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ

И.И. Ханипова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanirova@mail.ru*

Впервые публикуются фрагменты из дневниковых записей педагогического коллектива Кузнецихинского детского дома Спасского кантона Татарской АССР, посвященные повседневности воспитанников данного детского учреждения. Сохранившаяся часть документа охватывает период с 31 декабря 1923 г. по 17 апреля 1924 г. Уникальный нарративный источник – коллективный дневник – раскрывает деятельность педагогов и воспитателей по организации учебно-воспитательного процесса, показывает трудовые обязанности мальчиков и девочек, ярко иллюстрирует быт и материальное обеспечение детей-сирот, отражает факты влияния формирующихся традиций детского дома на социокультурное пространство деревни. Интерес представляют психоэмоциональные переживания детдомовцев, связанные со смертью В.И. Ленина.

Ключевые слова: дети, детский дом, трудовое воспитание, дневниковые записи, повседневность, Татарстан, советские праздники, воспитатель.

Для цитирования: Ханипова И.И. Дневник жизни детского дома: история детской повседневности 1920-х гг. в воспоминаниях очевидцев // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 320–338. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.320-338

Уход из жизни свидетелей эпохи становления советской власти, очевидцев преобразований раннего советского десятилетия лишает современных исследователей возможности использовать коммеморативные практики и методы инициативного документирования при создании базы данных личного происхождения (глубоких интервью, воспоминаний и т.п.). Тем ценнее найденные в фондах Государственного архива Республики Татарстан материалы эго-документального характера, позволяющие уйти от

сухого изложения истории прошлого, порою содержащие малоизвестные факты о детской повседневности первых советских лет.

Рукопись «Дневник жизни детского дома» [5], по форме и содержанию напоминающая дневниковые записи, еще раз демонстрирует хрупкий мир ребенка, бережно охраняемый педагогическим составом Кузнечихинского детдома в тяжелейших экономических условиях после пережитого Татарской АССР голода 1921–1923 гг. Представляя собой коллективный дневник [публикации такого рода источников, как и сами источники, встречаются довольно редко, см., например: 1], приводимый ниже документ обладает всеми основными свойствами, характерными для источников личного происхождения, связанными с проявлением личного начала в фиксации и передаче материала – субъективностью, документальностью и ретроспективностью.

На начало марта 1924 г. Кузнечихинский детский дом объединял 73 ребенка в возрасте от 8 до 15 лет (31 мальчика и 42 девочки). Коллектив учреждения состоял из 4 воспитателей, заведующего детдомом и 6 человек технического персонала (3 мужчин и 3 женщин), исполнявшего физические работы непосильные детям. При детдоме имелись огород, парк, двор с надворными постройками (в дневнике упоминается баня), 2 лошади и 2 коровы, упряжь и некоторый сельскохозяйственный ручной инвентарь [3, л. 18].

В трудных условиях становления молодой республики детские дома и интернаты при школах рассматривались не только как учреждения по спасению детей от голода и холода, но и в большей степени как очаги коммунистического воспитания «в силу социального состава детей и свободы их от религиозных предрассудков». Недаром участникам коллегии Спасского кантонального отдела народного образования, проходившей 8 января 1924 г., настоятельно рекомендовалось, чтобы «задачи воспитания доминировали над хозяйственными задачами, потерявшими остроту вследствие изжитого голодного периода...», хотя тут же на повестке дня рассматривался вопрос о недостаточности детского пайка [3, л. 9].

Кузнечихинский детский дом жил активной жизнью: раз в месяц собирались собрания с участием воспитанников. Например, в марте 1924 г. состоялись перевыборы комиссий и обсуждался вопрос о подготовке к празднованию Парижской коммуны. В учреждении формировались зачатки детского самоуправления, действовали комиссии – хозяйственная, в задачи которой входило наблюдение за правильной выдачей и приготовлением блюд из продуктов, чистота помещений и двора; культурная, занимавшаяся постановкой праздников; товарищеский суд, обсуждавший вопросы самодисциплины и проступки; старостат, наблюдавший за чистотой в спальнях, за больными, за выполнением работ в комнатах и т.п. Каждый орган самоуправления состоял из трех детей в возрасте от 10 до 15 лет и одного педагога [3, л. 18 об., 21].

После официального объявления об окончании голода в республике многие детские дома стали объединять, но чаще закрывать. Из архивных

источников известно, что 18 августа 1924 г. заведующий отделом народного образования Спасского кантона в срочном порядке обратился к заведующему Козлову с просьбой о приостановлении распоряжения о ликвидации детдома и прекращения передачи инвентаря и тягловой силы учреждения по другим организациям. Более того было дано распоряжение о засевах озимых: «необходимо засеивать производимыми силами» [3, л. 56]. Вместе с тем уже 10 сентября сотрудниками была подготовлена архивная опись дел и книг Кузнечихинского детского дома, подлежащих сдаче в архив в связи с ликвидацией учреждения¹.

Дневниковые записи датированы 31 декабря 1923 г. – 17 апреля 1924 г., однако содержание охватывает и более ранний период – одна из записей посвящена событиям и итогам 1923 г. Каждая запись имеет дату, иногда указание на день недели. Некоторые тексты угасли (например, записи за 13 февраля – л. 13, за 19–24 февраля – л. 15–17, за 13–14 марта – 18–18 об.).

Описание каждого дня подписано, что дает возможность исследователю восстановить педагогический состав детского учреждения. Записи сделаны несколькими авторами, педагогами и дежурными воспитателями – Е. Ливатовой, А. Ефимовой, Потинковой, Т.П. Козловой, заведующим детским домом А.Н. Козловым. Чаще всего записи сделаны А. Ефимовой – учительницей русского языка и литературы, заведующим А.Н. Козловым. Состав коллектива детдома подтверждается протоколом № 2 заседания совета детдома от 21 марта 1924 г. под председательством А.Н. Козлова, в котором приняли участие воспитательницы Козлова, Ефимова, Чернова, Ливатова, завхоз Клюкин, технические служащие Кузнецова, Кузнецов, Лапшева, Илятова, Савельев, представители от волостного исполнительного комитета Кузнецов, от женотдела – Карпеева, от большевистской ячейки – Гаврилов, а также представители от детей – Шмагин, Фролова, Долгова² [2, л. 1, 2]. Разительно отличается от других дневниковая запись, сделанная воспитанником (Шмагин) – совершенно иной стиль, постоянное упоминание «мы», неустановившийся почерк, орфографические ошибки [5, л. 13 об.]. Кстати, о публикуемом ниже дневнике упоминается и в ответах на «Перечень вопросов об участии детей в строительстве жизни своего учреждения», разработанной Академическим центром Наркомата просвещения ТАССР и разосланный по детским учреждениям республики. На вопрос о фиксации материала об участии детей в жизни учреждения дан ответ: «Ведется дневник жизни д[ет]дома воспита-

¹ Из сданных документов в фонде сохранилась лишь инвентарная книга от 2 января 1924 г. и книга учета детей.

² Согласно книге учета детей Кузнечихинского детского дома в учреждении действительно числились: Матрена Кузьминична Фролова 15 лет, Николай Долгов 13 лет, Анна Николаевна Шмагин[а] 9 лет, Анастасия Шмагин[а] 11 лет и Василий Григорьевич Шмагин 13 лет [см.: 4, л. 5 об., 6 об., 3 об.].

телями. Дети записывают яркие моменты в жизни д[ет]д[оме] в виде сочин[ений], ведут дневник погоды» [3, л. 1, 2].

Мы не найдем явных записей о детях-сиротах, обреченных на совместное выживание в трудных условиях. Наоборот, страницы «Дневника жизни детского дома», хронологически фиксируя события нескольких месяцев, являют собой на удивление позитивную летопись, показывают ростки нового представления о мире и человеке. Это зафиксировано и в обращениях к самим детям, что они – «будущее страны», «смена пролетариата», «залог будущего счастья». Так, в наставлениях и новогодних пожеланиях воспитатель Е. Ливатова, отмечала: «Вас, как защитников, ждет наша страна... чтобы вы не были паразитами страны, а были б работниками великой армии труда» [5, л. 2 об.].

Страницы дневника рассказывают о формировании новых традиций, например, празднования Нового года в детдоме – с «революционным» оттенком, с приглашенными комсомольцами и декламациями актуальных стихов, о подготовке праздников Парижской коммуны, Международного дня работницы. Особое внимание уделялось ознакомлению детей с государственными праздниками, разъяснению термина «советское государство» и пониманию его задач. Недаром в день 4-й годовщины Татарской республики, несмотря на поступившее указание КОНО сдать в связи с ликвидацией дополнительного питания АРА все оставшиеся от него продукты, и, как следствие, сокращение размеров продуктового пайка, руководством детдома было принято решение выдать воспитанникам паек в двойном размере, а также «провести с детьми беседу о значении автономных республик вообще и, в частности, Татарской...» [3, л. 54].

Вместе с тем косвенные указания, как-то «босоногая команда» экскурсантов, ходившая на паровую мельницу за 1,5 версты от детдома в апреле месяце», или эпизод, когда «с голыми пятками и почти голыми руками дети отправились пилить дрова» в морозные дни января, трепетное отношение к обновкам – свидетельствовали о тяжелом материальном положении детдомовцев, что подтверждается архивными материалами о материальном состоянии детдома. В частности, в акте проверки и учета продуктов на 2 января 1924 г. указано, что на всех детей учреждения имелось всего 16 пальто [13, л. 1]. Ветхость и недостаточность обмундирования, а также скудность детского пайка, худо-бедно поддерживаемого за счет овощей с собственного огорода, обсуждались на расширенном заседании коллегии Спасского кантонального отдела народного образования 8 января 1924 г. с участием заведующих Кураловского, Трехозерского, Отрадинского, Кузнечихинского, Бураковского детских домов, Щербетского дома ребенка, заведующего Отрадинской и Кузнечихинской слесарной мастерской и заведующих Бугровской и Сихтерминской школ 2 ступени [3, л. 9]. Сюжеты о недостающих продуктах в питании детей, о внешнем виде воспитанников иллюстрировали проблемы в материально-финансовом обеспечении детского учреждения.

Интерес представляют педагогические наставления заведующего детским домом – о необходимости наблюдения за детьми, их настроением, их повседневной жизнью, взаимоотношениями и т.п. Отметим, что А.Н. Козлов рекомендовал своим коллегам практически всем известный педагогический метод работы с детьми – наблюдение. Заметно изменилось качество записей и анализа будничных дней детдомовцев после обращения заведующего к педагогическому составу детдома. На страницах дневника появляются критические замечания по поводу отдельных воспитанников, оценка деятельности детей и т.п.

Усилению идейно-эмоционального впечатления при чтении текста документа служат описания общественно-значимых событий, переживаемых детьми, в частности – смерти В.И. Ленина, проводившиеся траурная демонстрация, «похороны Великого Вождя». Не ускользают от глаз читателя и штрихи к портретам деревенских жителей: «бородатые гости из деревни», «мужичок, распространивший этот слух», «любопытные жители деревни» и т.п.

На страницах дневника часто встречаются описания трудовой деятельности воспитанников – самообслуживание, уборка помещений детского дома, подготовка дров и топка печей, работа в саду и огороде. Кроме того, старшие девочки занимались рукоделием, шили рубашки для мальчиков. В апреле 1924 г. Спасским КОНО для детда было отпущено 179 аршин сатин-трико, трико и гимнастерочного полотна, 141 аршин этна и люстры, 12 катушек ниток для пошива одежды для воспитанников из расчета одна косоворотка и одни брюки на мальчика, одно платье и одна сорочка на девочку [3, л. 46–46 об.]. О постоянном труде детей свидетельствует и распорядок дня в детдоме, до обеда – учеба, после обеда – колка дров мальчиками, рукоделие девочками и т.п. [5, л. 10 об.]

Читая дневниковые записи, исследователь узнает немало фактов об организации и обеспечении учебного процесса в детдоме. Если в будничные дни, ограничивавшимися «уроками, завтраком, обедом и ужином» организованный досуг для детей отсутствовал, то в дни праздников с детдомовцами проводились мероприятия, декламации, коллективные игры и танцы, экскурсии. Иногда ребятам предоставлялось свободное время, правда, с оговоркой «под присмотром дежурного воспитателя». Нововведения, связанные с детдомом, вызвали интерес у деревенского общества. Так, авторы дневника описывают проводившуюся для воспитанников детдома экскурсию на мельницу: «Двинулась наша босоногая команда под руководством трех воспитательниц. Жители деревни были в недоумении от такого шествия. Выглядывали из окон, а которые любопытнее, спрашивали» [5, л. 21]. Немаловажным для исследователя остается вопрос взаимоотношений в детской среде – между старшими и младшими, мальчиками и девочками. Воспитатели, ведущие записи, фиксируют и малоприятные факты из жизни детей – влияние подростков с девиантным поведением на своих одноклассников, ссоры между детьми старшего возраста.

Таким образом, предлагаемый читателю документ отражает реализацию одной из важнейших задач советской власти в ее стремлении сформировать из подрастающего поколения нового советского человека через создание нового пространства повседневности. Мы выражаем благодарность Л.Р. Назыповой за оказанное содействие в поиске рукописи. Надеемся, что публикация коллективного дневника воспитателей детского учреждения, по сути выполнившего функцию сохранения и передачи бесценной информации о жизнедеятельности Кузнечихинского детдома, станет весомым вкладом в копилку эго-документального наследия истории детской повседневности первых советских десятилетий.

Дневник жизни детского дома

Встреча Нового 1924 года!

Наш мирок встрепенулся! Ведь сегодня 31 декабря. Давно подготовленный революционно-литературный вечер предстанет сегодня вечером перед лицом приглашенных гостей. Время 8 часов. Ребятишки в новых костюмах отряхиваются, ошипываются, как молодые курята. Зал украшен, освещен. Скамьи расставлены. Дело за гостями.

Понемногу начинают собираться гости. Вот пришли два комсомольца. Наши комсомольцы окружили их. Пришли делегатки женотдела. Пришли исполком[ов]цы, милиционеры, работники просвещения и бородатые гости из деревни. Дик немного для них этот шум детей, который для нас, воспитателей, уже не существует. Зал переполнен. Часть публики принуждена смотреть на сцену из коридора. Ребятишки расположились около самой сцены.

Наконец вечер открыт. Завдомом выступает с приветственной речью. Приветствуя гостей, зав[едующий] домом благодарит крестьян за вывозку дров для детдома, а местную власть за содействие. Желает плодотворной работы в будущем 1924 году. Говорит о тяжелых условиях, в которых приходится жить и работать как детям, так и воспитателям. Приглашает детей учиться, запастись знаниями.

Речь кончена. На сцену выходит комсомолец[,] который ни за что не хотел читать неревolutionное стихотворение. «Призыв Свободы» раздаётся со сцены. Публика притихла, слушает внимательно как вообще слушают детей. Он закончил. На смену ему идет тоже комсомолец:

«Дружно вперед, коммунары!

Знайτε, не ведом нам страх!..» -

раздается его зычный голос. Публика вздрагивает, чутко прислушивается. Чували ли родители этих детей, что их дети будут со сцены громить то, что для них было святыней, что их дети будут проводниками новой жизни.

А на сцене все новые и новые детские лица. «Призыв к труду», «Слава труду», «За работу», «Кузнец» и т.д. Одно стихотворение сменяется

другим. Перед свободой и трудом преклоняются наши дети в этих стихотворения. Вот входит девочка говорить стих «Прачка»: «И хозяйка – я сама!» – с выражением произносит она. Это стихотворение так понравилось девочкам, что заучено ими всеми. Вот еще стихотворение «Кузнец»: «В этом радость для меня – Я кую!».

Затем песни: «Деды проснитесь», «Смело, товарищи, в ногу». Но этот вечер в смысле пения был менее удачным, чем Октябрьский праздник. Сегодня было душно, жарко и тесно. [...]

Наконец весь подготовленный материал исчерпан. Перевели стрелку на 12 часов. [...] Предложено спеть Интернационал. И в звуках международного гимна слышится мощь будущего носителя жизни. Дети поют с увеличением. Их звонкие голоса обгоняют голоса взрослых.

Объявляются коллективные игры. Детей побаловали семянками.

Гости разошлись, а детей никак не уложишь спать. Так закончилась наша встреча нового года. Но дети долго еще толковали о празднике. Такие вечера детьми не забываются.

Воспитательница Т.П. Козлова

2 января 1924 г.

Пожелания детям на 1924 г.

С новым годом дети!

Приветствую Вас от лица всех Ваших воспитателей с наступившим новым годом и с приветствием шлю новогодние пожелания. Вы знаете, что во главе правления стоит пролетариат, а Вы их дети, и Вы должны прийти им на смену. На Вас вся надежда Вас, как защитников, ждет наша страна. Учитесь, думайте, читайте, грызите гранит науки своими зубами, не раз Вам приходилось читать. Но думали ли Вы, сколько глубоко смысла и надежды кроется в этих словах. Достигнуть этого на деле, вот горячее желание воспитателей, и все это для того, чтобы вы не были паразитами страны, а были б работниками великой армии труда. «Нам выпало счастье все лучшие силы в борьбе за свободу всецело отдать и юных братьев на бой за свободой и равенство звать».

Вы дети, залог будущего счастья, в Вас мощная сила страны! Дети, спешите же вперед! И светлое будущее все Ваше!

Воспит[ательница] Е. Ливатова

Дети!

Учитесь упорно и настойчиво! Готовьтесь к тернистому жизненному пути. Любите трудовой народ, помните, что вы учитесь на его средства.

Работайте, доводите начатое дело до конца, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Живите дружной товарищеской семьей, позабудьте слова «твое» и «мое», и замените их словом «наше».

А. Козлов

Среда. 3 января 1924 г.

Прошел еще год, еще год канул в вечность. Как он прожит? Что сделано? Заглянем назад, сделаем краткий обзор прожитого...

Немного выросли, немного развились, немного поумнели, но много работали и много учились в школе.

Школьные занятия за первую половину 1923 учебного года шли довольно аккуратно, но ощущался большой недостаток в учебниках, учебных пособиях и наглядных пособиях, которые сгорели в 1-й Кузнечихинской школе, а также не было классных комнат, приспособленных для школьных занятий. Занимались в столовой и детских спальнях, что было крайне неудобно.

Дети классы посещали аккуратно и занимались с большим интересом, но были такие[,] которые не хотели ходить в класс.

Во время школьных занятий жизнь в детдоме протекала очень однообразно[,] и дети были апатичны.

Прошла зима, наступила весна, дети встрепенулись, ожили, стали веселее, шаловливее, и в доме жизнь забила сильней.

Школьные занятия закончены. Началась работа в огороде. Дети с удовольствием принялись под руководством воспитателей за работу на огороде, где они проводили почти целый день. Коллективная работа шла успешно и весело. На огороде раздавались веселые звонкие голоса детей, слышались детские шутки, смех и песенки. Порой раздавались возгласы неудовольствия из-за огородных орудий, так как их почти не было, а каждому хотелось работать скорей, но приходилось ждать очереди.

Вообще же летом было обращено большее внимание на физическое воспитание детей, чтобы они в это время запаслись здоровьем и силой на длинную и холодную зиму.

Детям предоставлялось много самостоятельности (под наблюдением дежурной воспитательницы).

Большую часть времени дети проводили на воздухе: играли в саду, качались на качели, часто бегали в лес за ягодами и орехами.

Но не забывалась и воспитательная сторона: с детьми проводились беседы, чтения, устраивались экскурсии с научной целью. Было поставлено два детских спектакля, в которых дети принимали самое горячее участие и которые прошли с большим успехом для них.

Быстро, незаметно пролетели летние каникулы. Снова наступила осень, снова принялись за школьные занятия. Дети запаслись силой и здоровьем летом[,] с большим интересом и удовольствием начали заниматься.

Вначале школьные занятия происходили в детдоме частью, а часть в 1-й Кузнечихинской школе, но потом были перенесены все в детдом, потому что с наступлением зимних холодов детям не в чем было ходить в школу, хотя она находится очень близко.

Школьные занятия шли до 1 января 1924 года без перерыва. Воспитатели очень аккуратно и добросовестно вели школьные занятия.

Школа в нынешнем году находится в более лучших условиях, чем весной.

Благодаря неустанным заботам завдомом А.Н. Козлова получено много учебников, учебных наглядных пособий.

А. Ефимова

Не ранее 15 января 1924 г.³

Зимние каникулы

Зимние каникулы начались с 1-го и кончились 15 января 1924 года. Школьные занятия прекратились в детдоме 28 декабря 1923 года и с прекращением занятий воспитательница Ливатова уехала на каникулы домой, а остальные воспитатели вместе с детьми встречали новый год. Накануне нового года поставлен был детский спектакль, дети же декламировали стихотворения, пели. После спектакля и декламации были коллективные игры и танцы. Таким образом вечер продлился почти до 12 часов, а дети еще не хотели спать и неохотно разошлись из зала по спальням.

4 января был их КОНО тов. Фазлеев с супругой, для которых возобновлен был детский вечер с помощью воспитательницы Козловой. Были также декламации стихотворений и игры, в которых мне при всем желании не удалось участвовать. Имея капризного грудного, кроме того больного в то время ребенка, мне пришлось[,] скрепя сердце[,] сидеть с ребенком где-нибудь в стороне[,] проклиная свою несчастную судьбу, за что и получила замечание от тов. Фазлеева.

Остальные дни каникул шли сами по себе однообразно. Приключений никаких не происходило. По проведению вечеров и гостей, воспитательницы, имеющие родных и дом, ездили к родным в гости, а я, не имеющая никого и ничего, оставалась домовничать и ежедневно дежурила на дому, за что по приезду всех остальных воспитательниц меня освободили от дежурств на неделю. Дети во время каникул чувствовали себя более свободными, мальчики часто ходили кататься на коньках, а девочки поменьше – собирались в один класс, где пели песни и играли, побольше – занимались рукоделием.

Воспит[атель] Потинкова

21 января 1924 г.

Сегодня ус утра был сильный мороз, часам к десяти подул ветер со снежком. Вообще зима перестает быть сиротской. Наши ребята начинают вес время сидеть дома, что дурно сказывается на их настроении. Но большие мальчики по-прежнему пилят, рубят дрова и не очень боятся мороза.

---

³ Дата установлена по содержанию документа.

В комнатах ребятишек тепло. В коридорах и столовой холодно. Но в столовой, такой большой комнате с одиночными рамами, натопить очень трудно.

Больных детей, лежащих на постели, нет. У кого ухо болит, у кого глаза немного болят – такие есть.

Замечаю, что зимой кусков от обеда и ужина уже не остается, как это было летом и осенью. Сейчас бы хорошо ребятам мяса да молочка. И мясо[,] и молочко летом ребята кушали нередко. Кроме того, орехи, ягоды. Оттого ребятишки летом выглядели совсем по-другому, чем теперь.

Особенного сегодня ничего не случилось. День прошел в уроках, завтраке, обеде и ужине.

Дежурн[ый] воспит[атель] Т.П. Козлова

22 января 1924 г. Вторник.

Сегодня день «9-го января 1905 года» или «кровавое воскресенье».

Жизнь в детдоме началась по заведенному порядку. Занятий в этот день не было.

В 10 часов дети и служащие детдома собрались в зал, на беседу по поводу праздника. Беседу проводил зав[едующий] детдомом А.Н. Козлов, он объяснил, чем вызвано было это событие, кто был предводителем и чем [за]кончилось восстание рабочих в Петрограде.

Затем было сказано несколько слов о том же празднике воспитательницей Т.П. Козловой. После беседы завдетдомом предложил павших почтить вставанием и пением похоронного марша. Дети при участии воспитателей спели «Похоронный марш».

Потом детям была предоставлена свобода (под наблюдением дежурной воспитательницы). Дети читали, работали в комнате и на воздухе.

Вечером дети – члены РКСМ ходили на беседу в Волисполком.

Вообще же в детдоме в этот день было благополучно.

Дежурн[ый] воспит[атель] Ефимова

[23 января]. Среда.

В этот день особенного ничего не было.

Взрослые девочки после трех уроков принялись за уборку здания – помыть. А мальчики за свое дело. Пообедали, накинули на плечи пальто, навернули на ноги кто чего попало, кто портянки, а кто и с голыми пятками и почти голыми руками отправились пилить дрова. Но ребята особенно не боятся мороза. Быстро наготовили дров на день. Затапили печку у себя в спальне и отогрелись.

И так весь день прошел в занятии и уборке, а вечером мальчики – члены РКСМ ходили в вол[остной] совет на беседу.

Дежурн[ый] воспит[атель] Ливатова

25 января 1924 г. Четверг.

Со вторника носились слухи о смерти Владимира Ильича Ленина. Говорили, что в Спасске везде черные флаги. Не хотелось верить. Думали, что мужичок, распространивший это слух, принял траурный день 9 января за подобную вещь. Но вот сегодня[,] во время 2-го урока пришла зав. библиотекой с. Кузнечихи тов. Карпеева и сообщила скорбную весть сначала зав[едующему] домом.

[...] Собрались все дети, воспитатели, тревожно-молчаливые, в предчувствии недоброго. Зав[едующий дет]домом Козлов с траурной телеграммой в руках, едва сдерживая рыдания, объявляет печальную весть. И в ответ из грудей юных пролетариев вырвался скорбный крик[,] перешедший в безудержные рыдания...

Плачут дети, воспитатели... все... все плачут. Не плачьте[,] дети! Ио тот, которого мы потеряли, который всю жизнь отдал за благо и счастье народа, не умер. Не стало только его тела, а все его помыслы, все его заветы остались с нами.

Покажемся же перед свежей могилой почившего, что вырастем ленинцами-марксистами!

Почтили дорогого покойного вставанием и пением похоронного марша. И полились скорбные звуки, прерываемые рыданием...

Воспит[атель] Козлова

26 января 1924 г.

26 января, день похорон Великого Вождя Владимира Ильича Ленина, которого хоронила вся пролетарская Россия.

Наши дети тоже принимали участие в траурной демонстрации, которая проводилась в селе Кузнечихе представителем из кантона.

Дети еще накануне были предупреждены, что будут участвовать в траурной демонстрации. После завтрака дети старших групп были одеты потеплее, выстроены в пары, с траурными флагами вместе с воспитателями отправились в Волисполком. Так как день был очень холодный, был сильный мороз с ветром, то по дороге некоторые из детей поморозили себе щеки, уши.

В Волисполкоме собрались: учителя волости, допризывники, школьники и много граждан села Кузнечихи. Из Волисполкома все отправились в Нар[одный] дом, где было произнесено несколько речей и несколько раз спет «Похоронный марш». Из Нар[одного] дома вновь вернулись в Волисполком, где сделан салют, отдан последний долг Великому Вождю пролетарской революции.

Во время салюта[,] после первого выстрела было получено известие, что похороны Владимира Ильича откладываются на 27 января. Но известие запоздало и Кузнечиха похоронила Владимира Ильича 26 января.

Дети возвратились домой печальные и делились полученными впечатлениями от траурной демонстрации с детьми[,] остававшимися дома.

Последнюю часть дня дети были настроены печально, чувствуя, что эта утрата тяжела не только для России, но и для пролетариата всего мира.

Воспит[атель] Ефимова

5 февраля [19]24 г.

Тов[арищи] воспитатели!

Предложение вести дневник жизни детдома Вы встретили отрицательно, ссылаясь на то, что жизнь в доме однообразна, ежедневно писать не о чем. Вы встали в глухую оппозицию. Товарищи, нужно отбросить рутину, казенщину, не жить по один раз заведенному механизму, побольше наблюдать.

Загляните в область самоорганизации детей, побольше займитесь изучением психологии детей, наблюдайте за разговорами детей, их настроением, пожеланиями, пишите о положительных и отрицательных сторонах жизни детей и служащих. Приучите детей наблюдать природу, детскую жизнь и вести запись наблюдений детским коллективом. Вы увидите, что материал для дневника будет разнообразным.

Если мы не можем вести дневник детской жизни, если он нам покажется скучным и надоевшим, то значит мы не можем быть воспитателями.

Дальше... Взгляните в область педагогической мысли, в область трудовой школы. Что нами сделано в этом направлении и что предстоит сделать? Наступает весна. Выскажите свои соображения о нашей детской жизни и занятии весной. Как построить (с уклоном в какую сторону) учебно-воспит[ательный] план занятий.

Как видите[,] материала для дневника много. Нужно только желание вести его.

Зав[едующий] детдомом А. Козлов

7 февраля 1924 г. Четверг.

День прошел быстро, незаметно. С 9 часов до 2 ½ дня были школьные занятия. У меня, в 3-й группе, первый урок был сочинение по картинкам Михеева «Пожалей лошадь». П[е]ред началом работы дети немного поворчали: что не будут писать, потому что не умеют писать, и ворчали те ребята, которые слабо выражают письменно свои мысли. Но все написали ничего, можно сказать удовлетворительно. Остальные уроки прошли гладко.

После уроков дети были заняты работой. Мальчики пилили дрова, а девочки шили, вязали и пряли.

После урока было детское собрание, на котором разбирали поведение воспитанников: Павла Журавлева, Анны Кошелевой и Анастасии Евдокимовой.

Ефимова

11 февраля 1924 г. Понедельник.

Дети сегодня были настроены очень хорошо: веселы, резвы и послушны.

Меня очень удивили мальчики: когда мною во время обеда было предложено идти пилить дрова, то я на свое предложение получила критичный ответ, для нас, воспитателей, что им не нужно напоминать об этом, – они уже знают.

Ребята работали очень дружно и ни один из них не находил причин для отказа, как обыкновенно.

Дети уже вполне начинают сознавать, что они должны работать, а не надеяться, когда за них сделают другие.

Сегодня же мною подмечено у девочек (во время работы [-] шитья рубашек для мальчиков) громадное желание знать изящно рукоделие. Изящное рукоделие – это ведь искусство своего рода, которое развивает и удовлетворяет эстетическое чувство.

Но что мы[,] воспитатели[,] можем сделать, когда ничего не имеем. Как больно сознавать то, что умеешь сделать, но делаешь в силу сложившейся окружающей обстановки.

Дети были все здоровы, только капризничала, как всегда, Тоня Артюшина.

В здании было светло и тепло.

Ефимова

12 февраля 1924 г. Вторник.

Жизнь в доме началась со звонка в обыденном порядке. Первые поднялись дежурные, и каждый[,] не дожидаясь указаний [,] принялись за свои дела: кто затопил печку, кто наливает воды в умывальник, а дежурные в столовой торопятся накрыть столы к завтраку.

Но вот девять часов и снова раздался звонок на классные занятия, которые быстро так протекли. Последний урок было общее хоровое пение, которым руководила тетя Юля. Неумело, но по-детски мило пели детские голоса: «Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют».

После классных занятий[,] пообедав[,] дети которым в чем было выйти, весело побежали на улицу, куда влекло их впервые кажется выглянувшее, так призывно солнышко. Они радовались, когда увидели, что на крыльце сыро, что скоро будет весна и им всем можно будет выглянуть из своего душного помещения.

Вечером в доме было собрание шк[ольных] раб[отников], где присутствовали и дети [-] члены РКС.

Ливатова.

14 февраля.

На улице сегодня тепло. День солнечный. Мы весело пилили дрова после занятия. Вечером мы ходили [в] Волисполком все комсомольцы мальчишки и девочки на заседание. Провели день очень хорошо. Одна спальня большая плохо работает. Они организаторы эксплуатации.

Шмагин

14 февраля.

Взрослые мальчишки и девочки перестали ссориться между собою и зажили дружно.

Вообще за последнее время в доме не наблюдается ссор.

Изолированные от Веденева взрослые мальчишки исправились: перестали грубить, прилежно участвуют и работают, лентяями ребята недовольны. Веденев, переведенный в нижнюю спальню к маленьким мальчишкам, разлагающе действует на Журавлева и Лазарева, которые уклоняются от коллективных работ по самообслуживанию детдома.

А. Козлов

17 февраля. Пятница.

День значительно прибавился за последнее время[,] стоят такие солнечные, светлые дни, которые делают наши классы и все здание светлым и уютным. Ребятишкам хочется быть больше на воле, где уже «пахнет весной».

И дети уже с нетерпением сидят на послеобеденном уроке. По добромуму[,] ни одного бы из них не осталось в здании после уроков, если бы они имели обувь и одежду.

Скорее бы весна. Среди детей все больше и больше толков о весне и тепле. Готовятся к весне наши дети. Некоторые ребята подшили свои ботинки американскими банками.

Вообще же наши ребята все что-то строятся, мастерят. У больших мальчишек в спальнях нечто вроде мастерской. Тут производят: веретена, ручки, иголки вязальные, починяют ботинки, вяют веревки. И все это делается самодельными ножами, самодельными шилами.

Воспит[ательница] Козлова

16 февраля 1924 г. Суббота.

Классных занятий не было. С утра принялись за генеральную уборку здания. Работы хватило на целый день.

Девочки утомились, потому что работа была выполнена ими.

Уборка проходила медленно, за что ни возьмись – нет. Нужны ведра, их нет в достаточном количестве; нужны косари⁴, их тоже нет; есть один

---

⁴ Косарь – большой толстый нож, употреблявшийся в домашнем хозяйстве, в том числе для скобления деревянных полов.

какой-то несчастный косарь, который необходимо выточить. Не имея под руками необходимого детям очень трудно работать и привести в надлежащий вид здание. Еще очень большое неудовольствие то, что детям за горячей водой приходится ходить в баню через двор. Дети раздеты и разуты, так как почти ни [у] кого нет ни чулок, ни ботинок⁵.

Часто слышишь в день уборки в коридоре плач. Спрашиваешь: «О чем плачешь?» – получаешь ответ, что ребенок отморозил ноги или руки, которые при мерзли к ведру.

Такая остановка может отразиться на психологии и здоровье детей.

Дежурн[ый] восп[итатель] Ефимова

9 марта [19]24 г.

А время гонит лошадей.

Так быстро проходит время, что не успеваешь проработать впечатления. Вчера отпраздновали «Международный день работницы»[,] сейчас идет усиленная подготовка к празднованию 12 и 18 марта. Вообще у нас раздел времени по подготовкам к праздникам. Начиная с осени: Октябрьская революция с месячной подготовкой и полумесячным отдыхом, Новый год, 8, 12 и 18 Марта. С первого апреля пойдет подготовка к Первому маю.

Про март нужно сказать, что в смысле учебном начался неблагоприятно. Эти праздники создают легкомысленную остановку. Недаром же о лени той или другой нации судят по количеству праздников.

Т. Козлова

12 марта.

Сегодня день Февральской революции, который у нас решено было отпраздновать вечером. К этому дню с детьми была подготовлена пьеса, стихотворения разного характера и пение.

Ребята все поднялись сегодня с хорошим настроением и с особенным вниманием принялись за уборку здания и сцены.

День прошел очень быстро в приготовлении к спектаклю. К вечеру ребята все были одеты в новые костюмы, которые ждали с нетерпением, особенно мальчики, так как к этому дню им были сшиты новые.

Но вот время 8 часов и наш зал заполнился гостями из деревни. Перед началом было объяснение праздника и его значения. Потом на сцену выходит воспитательница Козлова и вызывает членов РКСМ и каждому лично вручает билет комсомольца[,] при получении которых они принимают такой величественный гордый вид и в эту минуту кажется готовы были идти и переносить какой угодно подвиг.

---

⁵ Между тем, в акте учета материальных ценностей детдома от 2 января 1924 г. числилось в наличии 87 (пар?) чулок и 119 ботинок [См.: 3, л. 1, 1 об.].

Вечер начался пением «Интернационала», декламацией революционных стихотворений. Было поставлено несколько живых картин, из них больше всего понравилась картина «Дядюшка Яков», который так заманчиво показывал игрушки покупателям, а дети-зри ели не могли получить такого удовольствия и только с завистью посматривали на счастливых.

Последним отделением была поставлена пьеса, а потом детские игры[,] от которых детям страшно не хотелось расходиться[,] несмотря на то[,] что врем уже было 12 часов.

Воспит[ательница] Е. Ливатова

21 марта. Пятница.

Сегодня наш детдом посетила врач Никольская, которая была экстренно вызвана для медицинского осмотра детей[,] так как замечено фельдшером несколько детей[,] больных трахомой. Болезнь детей на нас[,] воспитателей, произвела очень неприятное впечатление. Боясь заразить других детей[,] здоровых, было решено больных изолировать в 1-ую школу, в которой нет занятий, и начать самое тщательное лечение, и если нужно, то и делать операцию.

Больные дети встречали врача весело и довольно смело подходили показывать свои глаза. Да и сама врач произвела на них хорошее впечатление своим ласковым обращением. Все шло хорошо, пока смотрели глаза, но когда дело дошло до операции, то некоторым из них пришлось тяжело. Операция довольно болезненная, но дети все-таки во время операции держали себя очень хорошо; только Тая Соловьева упорствовала и никак не хотела себе позволить сделать простое прижигание и пришлось много времени потратить на то, чтобы ее уговорить и добиться ее согласия, но не могли на нее подействовать слова. Девочка была настойчива и пришлось применить силу, несколько человек ее держали, а врач сделала прижигание.

Затем врачом были осмотрены все дети. Врач нашла, что дети физически выглядят хорошо.

Дежурн[ый] восп[итатель] Ефимова

24 марта.

Наш дом проснулся рано. Все дети в приподнятом настроении. Сегодня они провожали своих товарищей счастливых, как некоторые их называли, в Спасск на общеобразовательные курсы по подготовке в ВУЗ. Особенно уехавшим мальчиками завидовали большие девочки, которым тоже хотелось ехать. «Почему же только мальчики? – раздавались вопросы, с которыми слышалось негодование. «Мы тоже хотим», – говорили они. Весь день у девочек был заносчивый вид, что трудно с ними было поладить. Несколько раз они задавали вопросов: «Почему мальчики счастливее нас?», – вопрос на который было довольно трудно ответить.

Сегодня дети прослушали лекцию агронома Трускова на тему: «Преимущества многопольной системы перед трехпольем». лекция была прочитана очень сухо и несколько не увлекла маленьких слушателей и едва ли что они из нее вынесли, думаю[,] что ничего.

После т. Трускова говорил инструктор огородничества и садоводства т. Степанов «о трехполье огорода». т. Степанов обещал при детдоме заложить питомник и сделать показательный огород.

День прошел быстро. Дети за день утомились, и уже в восемь часов все были в своих постельках и спали крепким, сладким сном.

В 9 часов (по нашим часам) явилась прокуратура с ревизией, которая тотчас же приступила к делу. Она осмотрела здание и спящих детей.

Дежурн[ый] восп[итатель] Ефимова

10 апреля 1924 г.

Вчера была перегруппировка детей по спальням. Меня очень неприятно поразил эгоизм взрослых девочек, которые, не считаясь ни с какими доводами, хотели только сами хорошо устроиться. Особенно нетоварищеские наклонности проявили Рамбаева К. и Фролкова М. Пришлось очень долго доказывать необходимость и справедливость перегруппировки и все же, хотя взрослые девочки и согласились на перемещение, чувствовалось, что они уступают свою спальню мальчикам неохотно.

На развитие общественно-коллективных задатков и чувств товарищества в детях нам[,] воспитателям необходимо обратить более серьезное внимание.

А. Козлов

10 апреля 1924 г.

С 1-го апреля у нас в доме начались каникулы. В первые дни в доме было тихо. После напряженных зимних занятий дети отдыхали.

За последние дни в доме пыль столбом: беготня, крик, шум, песни. Веселая детская жизнь бьет ключом. На дворе тепло. Ребятишки, несмотря на убеждения не бегать по двору босиком, бегают во всю мочь.

В дни отдыха и игр детей мне особенно резко бросилось в глаза то, что мы – воспитатели, плохо умеем играть с детьми: при детских играх мы не перерождаемся в детей, ведем себя сдержанно, как взрослые, и тем самым стесняем детские игровые порывы.

Как-бы было хорошо, если бы мы – воспитатели увлекались детскими играми как дети, и при играх ходили бы на детей.

А. Козлов

17 апреля.

Сегодня была сделана экскурсия верст за 1 ½ на паровую мельницу. Экскурсию решено было провести с учениками 3-й и 2-й группы, но малыши[,] как только узнали, что идут только старшие, забастовали и никак не соглашались заниматься в здании. Пришлось уступить и взять их с собой.

Сколько было радости: поют, прыгают, смеются, одним словом восторгам не было конца, да тем более это первая прогулка после зимнего заключения. Двинулась наша босоногая команда под руководством трех воспитательниц. Жители деревни были в недоумении от такого шествия. Выглядывали из окон, а которые полюбпытнее, спрашивали. Хозяин мельницы[,] он же и механик[,] принял нас очень хорошо, показал и объяснил нам все с такой любовью и желанием, сразу видно, что человек любит свое дело и старается в нем заинтересовать и других. Познакомил нас с паровиком и сводил на мельницу, показал каким образом паровик приводит в движение мельничные колеса и жернова. Разобрал модель паровик на составные части и познакомил с ними.

Домой вернулись к обеду. Отдохнули немного, потом большие девочки отправились на огород сажать морковь, а остальные ребята чистить сад.

Ливатова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резвухина А. Публикация коллективного «Дневника коммуны» (1925 г.). URL: <http://biographycentre.org/publikaciya-kollektivnogo-dnevnik-a-kommuni-1925-god> (дата обращения: 6.01.2019).
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р–1763. Оп. 1. Д. 163.
3. ГА РТ. Ф. Р–1763. Оп. 1. Д. 164.
4. ГА РТ. Ф. Р–1763. Оп. 1. Д. 165.
5. ГА РТ. Ф. Р–1763. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–21.

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ihanipova@mail.ru

DIARY OF A CHILDREN'S HOME: HISTORY OF CHILDREN'S DAILY LIFE IN THE 1920s IN THE MEMORIES OF EYEWITNESSES

I.I. Khanipova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru*

Fragments from the diary notes written by the pedagogical staff of the Kuznechikhinsky Orphanage located in the Spassky Canton of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, dedicated to the daily life of the children's institution pupils, have been published for the first time. The preserved part of the document covers the period from December 31, 1923 to April 17, 1924. The unique narrative source, a collective diary, reveals the activities of teachers and educators in organizing the educational process, shows boys and girls' work duties, vividly illustrates the life and material support of orphans, reflects the impact of the emerging traditions of the orphanage on the socio-cultural space of the village. The description of orphans' psycho-emotional experiences related to the death of Vladimir Lenin is of particular interest.

Keywords: children, orphanage, labor education, diary entries, everyday life, Tatarstan, Soviet holidays, educator.

For citation: Khanipova I.I. Diary of a children's home: History of children's daily life in the 1920s in the memories of eyewitnesses. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 320–338. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.320-338

REFERENCES

1. Rezvukhina A. Publikatsiya kollektivnogo «Dnevnika kommuny» (1925 god) [Publication of the collective “Diary of the Commune” (1925)]. (In Russian) Available at: <http://biographycentre.org/publikaciya-kollektivnogo-dnevnika-kommunni-1925-god> (accessed 6.01.2019).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. P–1763. Op. 1. D. 163. (In Russian)
3. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. P–1763. Op. 1. D. 164. (In Russian)
4. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. P–1763. Op. 1. D. 165. (In Russian)
5. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. P–1763. Op. 1. D. 166. L. 1–21. (In Russian)

About the author: Ilnara Khanipova is a Candidate of Science (History), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of Modern History, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ihanipova@mail.ru

**ДВА ПЛАНА ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ КАЗАНИ
СЕРЕДИНЫ XVIII В. ИЗ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ**

Х.М. Абдуллин

*Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
xalimabd@mail.ru*

Анализ картографических источников XVIII в. уточняет и дополняет представления ученых о пространственной структуре населенных пунктов в целом и отдельных деталей планировки в частности. В Татарской слободе Казани середины XVIII в. происходили серьезные процессы, связанные с выселением части слобожан на новую территорию и заполнением освободившегося пространства новыми архитектурными и планировочными объектами. В результате мало менявшаяся в XVI–XVII вв. структура Татарской слободы претерпела значительные изменения. Их анализ как слободы в целом, так и некоторых интересных ее деталей является целью данной статьи. Рассмотрение изменений дополнено современными геоинформационными методами. Уточнены сведения о характере Старо-Татарской, Ново-Татарской и Новокрещенской слобод, старом и новом кладбищах Татарской слободы, дана информация о кирпичном производстве на обозначенной территории в указанный период.

Ключевые слова: Казань, планы, Старо-Татарская слобода, Ново-Татарская слобода, Новокрещенская слобода, старое и новое татарское кладбище, кирпичное производство.

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в. из Российского государственного архива древних актов // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 339–353. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.339-353

Карты и планы XVIII в. являются важнейшими источниками при изучении исторических поселений. Благодаря картографии успешно фиксируются изменения границ населенных пунктов, развитие территорий и формирование архитектурных особенностей городов и их предместий.

Цель исследования – рассмотрение и анализ двух планов Татарской слободы г.Казани середины XVIII столетия из Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Методами изучения планов явились не только общеисторические, но современные геоинформационные методы.

Последние позволяют привязать данные исторические планы к современной Яндекс-карте через систему координат Пулковско–1942. Промежуточным связующим звеном при этом выступил план города Казани 1884 г., составленный М.К. Крыловым. Точками привязки планов стали: 1) место соединения Булака и озера Кабан; 2) церковь Захария и Елизаветы, отраженная на обоих планах Татарской слободы; 3) Борисоглебская (Екатерининская) церковь села Плетени, присутствующая на втором, более позднем плане Татарской слободы и промежуточном плане города Казани 1884 г.¹

Как известно, Татарская слобода образовалась после взятия Казани на заболоченной низменности озера Кабан, в Забулачье и не входила в укрепленную часть города, хотя и имела собственное деревянное укрепление. Первое письменное свидетельство о численности и особенностях проживания в ней населения зафиксированы в Писцовой книге 1565–1568 гг.: «Да за Булаком на Кабане озере слобода Татарская, а в слободе прикащики дети боярские казанские жильцы Артемий Староельский, Иван Товарищев, Иван Головачев, Михайло Волков; у всех у них в Татарской слободе по двору, да двор пуст, что был прикащиков же Григорьев Фефилов; да 150 дворов татарских и чувашских; и летом многие дворы стоят порозжи; а сказали прикащики Артемий Староельский с товарищи да татарин Башкин с товарищи, что в те татарские дворы татаровя и чуваша приезжают жить зимою или в заворошню, и тогда-де их живут в одном дворе семей по 10, а в ином дворе и больше 10 семей» [1, с. 48].

В XVII в., согласно данным Переписной книги 1646 г., Татарская слобода насчитывала 147 дворов, из которых служилыми были 38 дворов, а тягло несли 109 [1, с. 117–118]. Продолжался процесс расширения слободы и увеличения ее границ. Так, ввозной грамотой от 22 июня 1684 г. казанского воеводы А.Д. Долгорукова слободской служилый татарин И. Шанчурин получил право на огородное место близ Татарской слободы, по ввозной грамоте от 28 марта 1692 г., такого же права добились Уразай Ишмаметов и другие слобожане. В XVII–XVIII вв. Татарская слобода разрасталась вдоль юго-западного берега озера Кабан [7, с. 198].

Представленные к рассмотрению два плана Татарской слободы раскрывают детали поселенческой структуры жителей слободы, причем в самое не спокойное для слободы время – период наибольшей активности Конторы новокрещенских дел.

Первый из планов по описи озаглавлен как «Планы старой и новой татарских слобод г. Казани. 1750–1751 гг.» [4, л. 1]. На самом плане указано, что он «сочинен марта 24 дня 1750 г. при казанской инженерной команде».

---

¹ Привязка планов и карт, а также наложение границ объектов произведены при помощи техника Отдела археобиологии и информационных технологий Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Людмилы Викторовны Овечкиной.

Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в.
из Российского государственного архива древних актов

План рукописный, выполнен в цвете. Масштаб – 130 саженей. Чертил и копировал кондуктор Илья Львов. План подписали инженер-подпоручик Нико[лаев] и артиллерии подполковник Александр Маматов. На плане обозначена роза ветров, хорошо прорисованы озеро Кабан и река Булак, их береговая линия со штриховкой высот. Цель создания плана была в том, чтобы показать «План месту, где была татарская слобода». План отражал процесс выселения татар-мусульман с данной территории для последующей организации здесь поселения новокрещен. Вся территория выселяемой части татарской слободы выделена красной линией по границам и подписана литерой «D», с расшифровкой ее как «что надлежит быть подстроением церкви, и церковнослужителей, и новокрещен показуетца по пунктирам линиям алою краскою». Ключевое место на этом ограниченном пространстве под первой литерой «А» уделено «Церкви во имя Захария и Елизаветы». Как известно, она была выстроена Лукой Канашевичем в 1749 г., позже при ней были открыты деревянные школы для новокрещенных. По соседству с церковью на плане обозначено строение, подписанное как «№А» – «дом, построенный для церковных служителей» (Рис. 1).

Оставшееся за пределами означенной красной линии пространство ограничиваемой Татарской слободы было в двух местах подписано литерой «B» и обозначено как «Место, где было в оной слободе живущих татар действительное строение». Сами строения, зафиксированные на плане как в старой, так теперь и в новокрещенской слободе подписаны литерой «C», с расшифровкой «для зимнего времени несколько оными застроено». Данная фраза картографического источника подтверждает, что практика преимущественно зимнего проживания в капитальных строениях слобожан, характерная для татарского населения слободы XVI в. продолжалась, по крайней мере, до середины XVIII столетия. Обращает на себя внимание, что общее количество дворов обозначенных на плане равнялась 50-ти, плюс один небольшой двор на плане (видимо ошибочно) не был подписан. Возможно, он был пуст, разорён, оставлен и т.д. Граница Старой Татарской и Новокрещенской слобод прошла ровно посередине, оставив в первой слободе 25 дворов и во второй столько же, добавляя сюда и не подписанный. Таким образом, получается, что выселялась ровно половина татарской слободы (если считать не по количеству жителей, а по количеству указанных на плане дворов).

Под литерой «E» на плане обозначены и закрашены зеленой краской земли «удобной на их татарских же огородах и порозжем месте, за их слободу, где оные довольно и поселица могут». Это было выделенное для выселения татар-мусульман место, причем на их же огородах. Границы нового поселения обозначены литерой «F», выделены желтой линией по пунктирной линии.

Рис. 1. Планы Старой и Новой татарских слобод г. Казани. 1750–1751 гг. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 155. Л. 1.

Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в.
из Российского государственного архива древних актов

На наш взгляд, данный картографический источник раскрывает несколько важных в истории современной Старо-Татарской слободы тем. Под литерой «G» на плане локализованы «той слободы переднее и заднее кладбище», и под литерой «Q» «порозжее татарское место для скотного выгону подле коего их заднее кладбище, оное назначено быть под строение тем же татарам». Об этих кладбищах речь пойдет ниже. Под литерой «H» прорисованы места, где стояли снесенные мечети. Всего на плане показано два таких места. Побывавший в Казани в 1733 г., и посетивший одну из мечетей Татарской слободы ученый Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) писал о четырех мечетях в слободе [8, с. 13]. Однако она после этого дважды горела в 1742 и 1749 гг. [6, с. 14]. В силу известного указа от 19 ноября 1742 г. «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании губернаторам и воеводам о обращенных в магометанский закон новокрещенных людях» к 1744 г. из 536 мечетей Казани и Казанского уезда было уничтожено 418 [3, с. 117–111]. Поэтому точно уточнить, что это были за места, где стояли мечети и причину их уничтожения пока не удастся. Одна из мечетей находилась в новокрещенской слободе, вторая – в старой. Обе находились на примерно одинаковом расстоянии от вновь выстроенной церкви под литерой «A».

На плане прорисованы и подписаны территории, приграничные к выделенной для выселения татар-мусульман: русские огороды (литера I), озеро Кабан (литера K), река Булак (литера L), «поёмное» (заливные луга – прим. Авт.) место (литера M), село Плетении с «порозжею» (свободной, пустой – прим. авт.) землёй (литера N), обывательские дома русской части города (литера O), Тихвинская церковь (литера P).

Завершает разъяснения к плану надпись, во многом раскрывающая смысл проведенных картографических работ: «А выше описанным той слободе татарам, кроме показанных их огородов и порозжего места и поселения государевых той слободы земель, кроме монастырских, в близости не сыскалось». То есть целью картографических работ являлся подбор и закрепление места для Новой татарской слободы.

Второй план в описи к фонду озаглавлен как «Планы старой и новой татарских слобод г. Казани XVIII в.: с указанием местонахождения бывших кирпичных заводов» [5, л. 1]. Разъяснения к плану подписаны как «План в городе Казани Старо-Татарской и Новой слобод», без акцента и указания на кирпичные заводы. План рукописный, выполнен в цвете. Масштаб – 200 саженей. На плане обозначена роза ветров, хорошо прорисованы озеро Кабан и река Булак, их береговая линия со штриховкой высот. Автор плана – геодезии капитан Иван Олябьев. На плане отсутствует указания дат. Но факт наличия на нем Новой татарской слободы, некоторые различия с планом 1750 г. и отсутствие на плане мечети Марджани, которая, как известно, начала возводиться в 1768 г., дает нам основание датировать его в промежутке 1751–1768 гг. (Рис. 2).

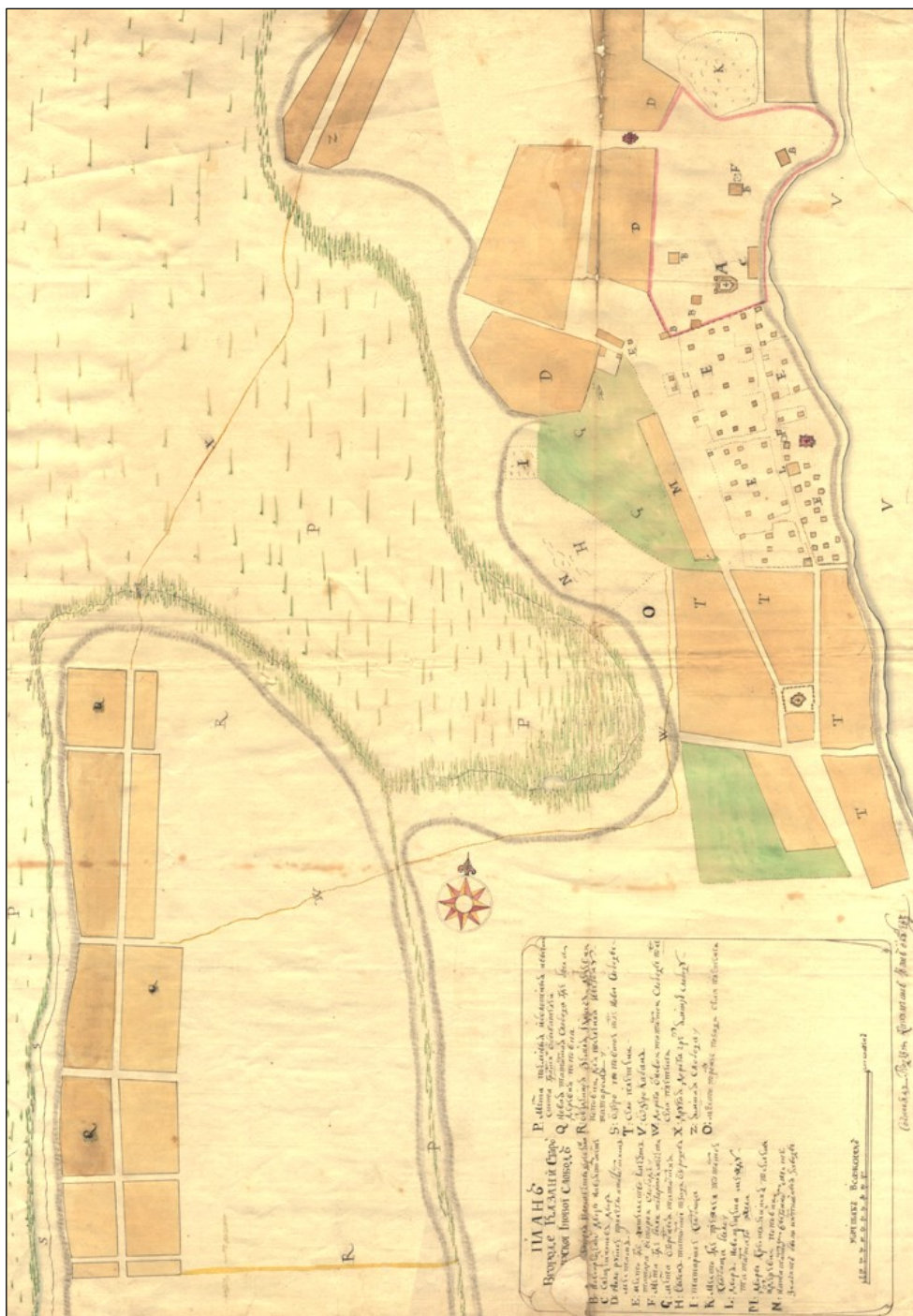

Рис. 2. Планы Старой и Новой татарских слобод г. Казани XVIII в. с указанием местонахождения бывших кирпичных заводов. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 157. Л. 1.

Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в.
из Российского государственного архива древних актов

Аналогично предыдущему плану акцент сделан на указание границ Новокрещенской слободы. Она выделена красным цветом по периметру. Первая литера «А» в разъяснениях к плану вновь посвящена церкви Захария и Елизаветы. Достойным внимания является факт о том, что церковь обозначена как «деревянна», а также то, что при наложении изучаемых двух планов на план города Казани 1884 г., оказывается, что церковь находится на месте утраченной ныне церкви Четырех Евангелистов. При этом на втором плане присутствует строение церкви, локализованное на берегу озера Кабан, но не подписанное и выделенное красным цветом (т.е. оно было выстроено из кирпича). Наложение этой безымянной церкви на план города Казани 1884 г. дает совпадение в едином квартале с сохранившимся зданием Казанской учительской семинарии, при которой в 1875 г. был открыт домовый храм, получивший имя «Церкви во имя Захария и Елизаветы», и напрямую с прежней, некогда якобы стоявшей здесь церковью.

Татарские дворы на территории обозначенной новокрещенской слободы больше не показаны. Здесь осталось лишь шесть дворов, обозначенных на плане литерой «В» и подписанных как «новокрещенные дворы навдетом месте». Кроме того зафиксирован еще один новокрещенский двор в татарской слободе, обозначенный литерой «L». В новокрещенской слободе выделен двор священника (литера С). Под литерой «D» локализовано русское жилье, которое «прилегло к татарским местам». На первом плане на этом месте были только «русские огороды».

Сама татарская слобода (возможно впервые) названа на плане «старой». Она обозначена литерой «Е» и подписана как «место, где жительство имеет татар в старой слободе». Здесь, как и на первом плане, продолжено обозначение «места, где были татарские мечети». Примерно на тех же местах указаны два пункта, обозначенные литерами «F». Так как места нахождения мечетей представляют интерес с исторической точки зрения, используя методы геоинформационных технологий, нами осуществлена привязка данных исторических мест к современному плану Казани. Привязка позволила локализовать одну из мечетей довольно точно путем наложения сведений из обоих планов в районе дома №26 на улице К.Насыйри при пересечении с улицей Фатыха Карима. Вторая мечеть локализуется менее точно. В одном случае – на территории по ул. Парижская Коммуна дом №8, в другом – по ул. Парижская Коммуна дом № 13. В любом случае, это территория так называемого Сенного рынка, что может быть интересно в том плане, что именно здесь недалеко находилось старое мусульманское кладбище. Мечеть могла иметь прямое отношение к кладбищу (Рис. 3).

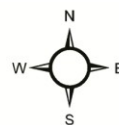
Условные обозначения

- "места, где были мечети" (ранний план)
- "места, где были татарские мечети" (более поздний план)

0 50 100 200 Метры

Рис. 3. Наложение на современный план мест мечетей, указанных на планах РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 155 и РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 157.

Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в.
из Российского государственного архива древних актов

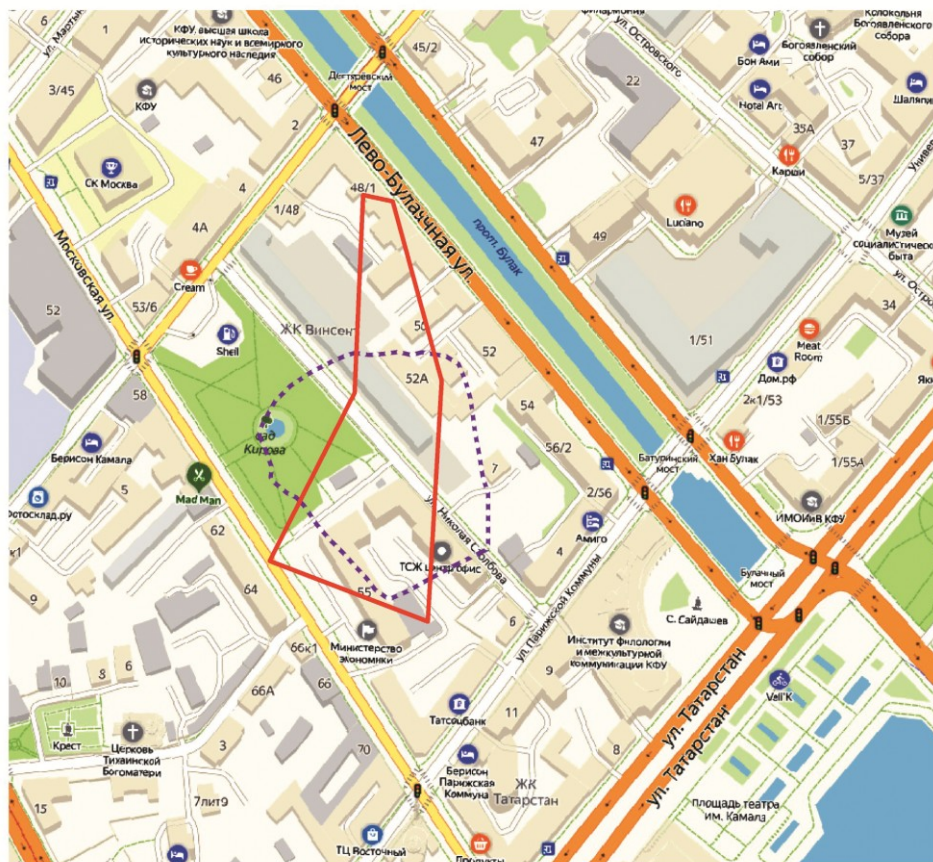
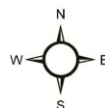
Условные обозначения

 границы рассматриваемого объекта

0 25 50 100 Метры

Рис. 4. Наложение на современный план кирпичных заводов, указанных на плане РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 157.

Условные обозначения

"той слободы переднее и заднее кладбище" (ранний план)

"место где прежнее татарское кладбище было" (более поздний план)

0 50 100 200 Метры

Рис. 5. Наложение на современный план старого татарского кладбища, указанного на планах РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 155 и Ф. 248. Оп.160. Д. 157.

Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в.
из Российского государственного архива древних актов

Условные обозначения

- "той слободы переднее и заднее кладбище" (ранний план)
- "татарское кладбище" (более поздний план)

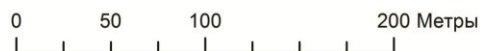

Рис. 6. Наложение на современный план более нового татарского кладбища, указанного на планах РГАДА. Ф.248. Оп.160. Д.155 и РГАДА. Ф.248. Оп.160. Д.157.

Огороды татар обозначены литерой «G», за ними расположился «выгон татарский позади огородов», зафиксированный литерой «H». Именно здесь, «на татарском выгонном месте значит были кирпичные заводы», представленные литерой «N». По какой-то причине для составителей плана было важным отметить последний факт и даже вынести его в название дела по описи. Необходимо отметить, что в г. Казани еще в конце XVII столетия в начале современной улицы Петербургской появился первый кирпичный завод, вокруг которого сложилась слобода, известная в исторической литературе как Кирпичная [7, с. 186]. Именно она снабжала город, по крайней мере, его русскую часть, кирпичом. Какие кирпичные заводы могли существовать на территории Татарской слободы, да еще и «на татарском выгонном месте»? С большой долей вероятности – это заводы, принадлежавшие жителям слободы, что, в свою очередь, свидетельствует о развитии данного вида промышленного производства среди татар в указанный период. Использование методов геоинформационных технологий, привязка данных кирпичных заводов к современному плану Казани, позволили локализовать их в треугольнике современных домов №29 и 30 по улице Исмаила Гаспринского и дома № 43А по улице Татарстан (Рис. 4).

На плане выделены «дворы крестьянские поселены и деревни Поповки» (литера M), «места поемные и болотные и выгон скота градских обывателей» (литера P), «отведенные земли из дач деревни Поповки для поселения и выгону татарам» (литера R), «озеро Поповское подле Новой слободы» (литера S), село Плетени (литера T), озеро Кабан (литера V), «дорога от новой татарской слободы подле села Плетени» (литера W), «другая дорога чрез блискую слободу» (литера X), сама «блиская» слобода (литера Z), «место порожнее позади села Плетеней» (литера O).

Выселенная «Новая татарская слобода, где была деревня Поповка» (литера Q), видимо, была очень многочисленной. На плане выделено 12 кварталов разной площади, на которых проживали татары Новой слободы. К сожалению, из-за отсутствия точных ориентиров на заднем плане данного картографического источника нам не удалось точно привязать Новую Татарскую слободу к современной карте Казани.

Наконец, как и на первом плане, на втором локализовано «Татарское кладбище» (литера I) и «место, где прежнее татарское кладбище было» (литера K). Старое кладбище на обоих планах – это хорошо известное в исторической литературе еще со времен Казанского ханства мусульманское кладбище в районе Сенной площади. Н.Ф. Калинин называл его первым среди пяти татарских некрополей города, тем самым подчеркивая древность места [9, л. 78]. Именно от этого кладбища начиналась главная улица Татарской слободы, тянувшаяся вплоть до села Плетени [7, с. 186]. Наиболее подробное описание дал Ш.Марджани: «На юге Булака, на месте, которое ныне зовется «Сенной рынок» было мусульманское кладбище. Когда русские завоевывали Казань, Шахали хан... выступил на их стороне и серьезно бился с казанскими мусульманами у Ногайских ворот. После чего Шахали

хан под покровом деревьев росших на этом кладбище перешел Булак и вышел к Арскому полю. Даже после взятия города русскими, мусульмане какое-то время продолжали хоронить здесь своих умерших. Два сына Юсуфа ибн Исхака ибн Исанкула ибн Рахманкула ибн Рахматуллы – Хасан и Хусейн рассказывали, что «Наш отец Юсуф рассказывал, что он, когда был маленьким, то приходил со своим отцом Исхаком навестить могилу своего деда Рахманкула, похороненного у ворот некоего Мухтара ибн Аднакула аль-Джабали на Сенном рынке» [2, 206–207 б.]. С помощью методов геоинформационных технологий нами произведена привязка данных исторических мест к современному плану Казани. Границы кладбища из двух планов практически наложились друг на друга. Отличие объясняется разными временными рамками и существенными топографическими изменениями на интересующей нас территории в указанный период, а также характером локализации древнего кладбища. На первом плане прослеживается инструментальная съемка, на втором, более позднем – только схематический характер расположения кладбища. Его границы образуют неправильную фигуру, ограничиваясь кварталом современных улиц Московская – Г.Камала – Лево-Булачная – Парижской Коммуны (Рис. 5).

Второе, более позднее кладбище, обозначенное на обоих планах, локализовано нами в районе современной Голубой мечети и улицы Татарстан. Точность определения подтверждается относительным наложением границ кладбища. Также как и со старым кладбищем, на первом плане видны элементы инструментальной съемки, на втором, позднем – только схематический характер границ кладбища. Об этом объекте оставил сведения Ш.Марджани: «Апанай Хафиз был похоронен на кладбище *перед* Голубой мечетью, а его сын Исмагил бабай – на кладбище между Старой и Новой слободами. Из чего можно предположить, что кладбище между слободами возникло позже этого кладбища» [2, 207 б.]. Он отмечал, что «и сейчас на «улице Голубой мечети» (современная ул. Сары Садыковой – прим. Авт.) и «Новой улице» при выкопке оснований зданий, а в 1872 г. при прокопке водопроводной линии для бани выходили могилы и человеческие кости. Из чего можно предположить, что когда-то в тех краях было кладбище» [2, 209 б.]. Таким образом, два исторических плана и современные геоинформационные методы исследований полностью подтвердили правоту предположений и выводов, к которым Ш.Марджани пришел еще в последней трети XIX в. Более того, располагавшаяся недалеко от Голубой мечети Казаковская мечеть, по преданию была заложена на территории старинного мусульманского некрополя XVIII в. Исходя из этого логично предположить, что анализируемое кладбище с течением времени расширялось в западном направлении и достигло пересечения современных улиц Татарстан и Тинчурина. Именно здесь исследователи Р.Р. Салихов и Р.Р. Хайрутдинов примерно локализовали место разрушенной Казаковской мечети (Рис. 6).

Рассмотрение двух исторических планов Татарской слободы середины XVIII в. позволило выявить, проанализировать и локализовать некото-

рые исторические объекты на территории колыбели татарской городской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Вып.2. 236 с.
2. Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде. Казан: Татар китап нәшрияты, 1989. 305 б.
3. Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 215 с.
4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 155. Л. 1.
5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 157. Л. 1.
6. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 191 с.
7. Султанов Р.И. Историческая география Казани (город и его предместья в XVI–XVII вв.). Казань: Магариф, 2004. 271 с.
8. Харлампович К.В. Известия И. Гмелина о Казани и о казанских инородцах. (1733). Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1904. 26 с.
9. ЦПМН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 347. Л. 78.

Сведения об авторе: Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (420012, ул. Бутлерова, 30, Казань, Российская Федерация); xalimabd@mail.ru

TWO PLANS OF THE TATAR QUARTER OF KAZAN THE MIDDLE OF THE 18TH CENTURY FROM THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT ACTS

Kh.M. Abdullin

*Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
xalimabd@mail.ru*

The analysis of cartographic sources of the 18th century specifies and supplements ideas of scientists of the spatial structure of quarters in general and separate details of planning in particular. In the Tatar settlement of Kazan of the middle of the 18th century, there were serious processes related to eviction of a part on the new territory and filling of the freed territories with new architectural and planning sites. As a result, the Tatar Quarter structure, which hardly changed in the 16th–17th centuries, underwent significant changes. Examination of these changes as concerning all settlement, and some of its interesting details is given in this article. The historical analysis of changes is comp-

Абдуллин Х.М. Два плана Татарской слободы Казани середины XVIII в.
из Российского государственного архива древних актов

plemented with modern geoinformation methods. Data on the specifics of the Old Tatar, New Tatar and New Epiphany quarters, old and new cemeteries of the Tatar settlement have been outlined, information on brick production in the territory of the Tatar Quarter during the specified period is given.

Keywords: Plans of the Old-Tatar, New-Tatar and New Epiphany settlements of Kazan, old and new Tatar cemetery, brick production.

For citation: Abdullin Kh.M. Two plans of the Tatar Quarter of Kazan the middle of the 18th century from the Russian state archive of ancient acts. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 339–353. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.339-353

REFERENCES

1. *Materialy po istorii Tatarskoj ASSR. Pistsovyje knigi goroda Kazani 1565–1568 gg. i 1646 g.* Vyp. 2. [Materials on history Tatar the ASSR. Pistsovy books of the city of Kazan of 1565–1568 and 1646. Issue 2]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1932. 236 p. (In Russian)
2. Märçani Sh.B. *Möstäfadäl-äkhbar fi äkhvali Kazan vä Bolgar (Kazan häm Bolgar khälläre turynda faydalanylğan khäbärlär)* [Sources on the history of Kazan and Bulgar]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1989. 414 p. (In Tatar)
3. Nogmanov A.I. *Samoderzhavie i tatary. Ocherki istorii zakonodatel'noj politiki vtoroy poloviny XVI–XVIII vekov* [Autocracy and Tatars. Sketches of the history of legislative policy of the second half of the 16th–18th centuries]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2005. 215 p. (In Russian)
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Fond 248. Inventory 160. Case 155. Leaf 1. (In Russian)
5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Fond 248. Inventory 160. Case 157. Leaf 1. (In Russian)
6. Salikhov R.R., Khairutdinov R.R. *Istoricheskie mecheti Kazani* [Historical mosques of Kazan]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2005. 191 p. (In Russian)
7. Sultanov R.I. *Istoricheskaya geografiya Kazani (gorod i ego predmest'ya v XVI–XVII vekah)* [Historical geography of Kazan (the city and its suburbs in the 16th–17th centuries)]. Kazan, Magarif Publ., 2004. 271 p. (In Russian)
8. Kharlampovich K.V. *Izvestiya I. Gmelina o Kazani i o kazanskikh inorodtsakh. (1733)* [I. Gmelin's news of Kazan and of the Kazan foreigners. (1733)]. Kazan, Printing house of Kazan Imperial University, 1904. 26 p. (In Russian)
9. TsPMN IYaLI AN RT [The Center for Written and Musical Heritage of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences]. Fond 8. Inventory 1. Case 347. Leaf 78. (In Russian)

About the author: Khalim M. Abdullin is a Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (30, Butlerov St., Kazan 420012, Russian Federation); xalimabd@mail.ru

**ТАТАРСКИЕ СЛОБОДЫ НА КАРТАХ КАЗАНИ ИЗ ФОНДОВ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.И. Амерханова

*Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского
Казанского федерального университета
Казань, Российская Федерация
Elmira.Amerhanova@kpfu.ru*

Статья посвящена изучению картографических источников по истории татарских слобод г.Казани. На основе анализа четырех рукописных карт из фонда Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета выявлены границы территорий и объекты Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. В работе рассматривается динамика развития обособленной татарской части города, особенности его конфессионального устройства с точки зрения существовавших мечетей и церквей, трансформация ареала расселения татар и их взаимодействие с окружающими слободу территориями. Картографические материалы изучены с точки зрения их информативности и достоверности, проведено сопоставление планов и карт различных периодов по конкретным объектам слобод, приведена внешняя и внутренняя критика источников.

Ключевые слова: картографические источники, татарские слободы, Казань, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета.

Для цитирования: Амерханова Э.И. Татарские слободы на картах Казани из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 354–366. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.354-366

Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета является одной из крупнейших библиотек России. В ее шестимиллионном фонде в составе отдела рукописей и редких книг хранится уникальная коллекция книжных памятников. Среди них и картографические материалы, в том числе четыре рукописные карты города Казани, на которых изображены территории и объекты Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод. В научный оборот эти источники были введены в 1969 г., когда был издан очередной выпуск описания рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, посвященный географическим рукописям, картам и планам [6, с. 28, 32–33].

Карты Казани были составлены в 1796–1848 гг. и охватывают период возрождения татарского пространства города, строительства каменных мечетей и создания органов самоуправления. Становление татарской нации в ходе реализации политики просвещенного абсолютизма в течение последних десятилетий XVIII вв. отразилось не только в активном восстановлении мусульманских религиозных объектов, но и в изменении пространства расселения татар, смещению его из Ново-Татарской слободы в Старо-Татарскую и, далее, расширению вдоль Булака. При этом татарское население города было сосредоточено и на других территориях: в Адмиралтейской, Ягодной, Пороховой и других слободах. Однако они не были однородными по национальному составу, поэтому эти части города не воспринимались как татарские слободы.

Размещение на отделенной от русской части города водной преградой в виде озера Нижний Кабан территории не означало существование здесь обособленного мусульманского, восточного уклада. Государственной религией оставалось православное христианство. Несмотря на политику просвещенного абсолютизма, продолжались попытки христианизации татарского населения. Построенные с этой целью ранее три церкви в границах Старо-Татарской слободы расширялись за счет появления новых приделов на протяжении нескольких десятилетий в начале XIX в. Лишь к концу 1820-х гг. одна из церквей перестала существовать.

Пространство татарской части города модернизировалось в соответствии с велением времени. Сведения, сохранившиеся на листах картографических источников, ярко демонстрируют эти изменения.

Наиболее ранней в этой небольшой коллекции карт является Геометрическая карта Казанской губернии [4, л. 1] с планом города Казани конца XVIII – начала XIX вв. Более точная датировка установлена по записям на карте и году ее поступления в библиотеку университета: после 1796¹ – не позднее 1808 гг.

Карта нарисована тушью и акварелью на бумаге, наклеенной на ткань, и состоит из 90 фрагментов. Общий ее размер: 94,8x72,6 см. Масштаб интересующей нас части карты с планом города Казани довольно небольшой: в английском дюйме 500 саженей². Обособленными частями карты являются План Казани (на четырех фрагментах), а также вид города, вынесенный в верхнюю часть карты. Экспликация к плану города находится в верхней части плана и украшена картушем с растительным орнаментом. В нижней части карты приведены статистические данные о 13 городах Казанской губернии, где информация о татарах в городах указана так «мечетей магометанского закона каменных 5, деревянных 4»; «из татар купцов 861, мещан 118»; «татар служилых некрещеных 805».

---

¹ В центре нижней части карты запись: «Межевание сей губернии начато в 1793 г., а окончено в 1796 г.».

² В 2,54 см = 1066,5 м

Город на карте разделен по регулярному принципу, определенному в 1768 г. и утвержденному императрицей Екатериной II. Четкие кварталы уже тогда выделяли татарскую часть города, при этом карта позволяет определить материал большинства зданий в татарских слободах. Они указаны цифрой 107, что в экспликации раскрыто как «деревянное строение».

Татарская часть города отнесена в экспликации карты к предместью. От берега озера Нижний Кабан в сторону Волги на карте обозначен земляной ров (показанный цифрой 66), который отделял Старо-Татарскую слободу от остального города. Уже произошедшие изменения с расширением татарской части города отразила построенная за рвом Пятая Соборная (ныне Галеевская) «мечеть магометанского закона», которая указана за номером «37». Ее расположение в Забулачье на границе с Ямской и Бутырской слободами стало для составителя карты несколько нетрадиционным, что можно увидеть по исправлениям цифры «37» и ее неуверенному окончательному написанию. Для указания в экспликации остальных мечетей не были выделены отдельные номера для каждой. Возможно, составитель карты с определением их местоположения не был, вероятно, хорошо знаком. Так, при обозначении Апанаевской мечети он разместил ее не на одной улице с Первой соборной мечетью (сейчас мечеть Марджани), а в середине следующего квартала, который показан значительно смещенным вглубь слободы от озера Кабан. Еще одна каменная мечеть показана на территории Ново-Татарской слободы, где расположение этого здания можно соотнести с нынешней мечетью Иске таш. Таким образом, созданная в 1802 г. в камне, эта мечеть может быть дополнительным свидетельством при уточнении датировки карты.

Деревянных мечетей на карте указано меньше – всего две. Одна на месте перестроенной в камне в 1815 г. Голубой мечети (сейчас – Зангар), и одна в центре Ново-Татарской слободы. Знак размещения последней обрамлен, что является свидетельством существования вокруг нее небольшой площади. Обозначен и такой необычный объект в Старо-Татарской слободе, как «молитвенный дом магометанского закона». Его местоположение довольно сложно определить, так как на одной улице с ним указана церковь Бориса и Глеба. Возможно, молитвенный дом позже был перестроен в Бурнаевскую мечеть. А Борисоглебская церковь, вероятно, была возведена в начале деревни Плетени почти на берегу озера Кабан. Именно в качестве продолжения этой русской деревни на границе с Ново-Татарской слободой указан «мыльной завод». Еще одним маркером, отделяющим ее от деревни Плетени, указано довольно крупное «магометанское» кладбище слободы. Кладбище Старо-Татарской слободы обозначено в конце нынешней улицы Фатиха Карима. Оно размером поменьше. Из сохранившихся в университетской библиотеке только на этой карте хорошо видно вытянутое озеро Безымянное, которое начиналось почти у Волги. Именно оно стало естественной границей Ново-Татарской слободы не только в сторону Волги, но и продолжалось до Мыльного завода, тем са-

мым отделяя пространство и от Старо-Татарской слободы, и города в целом. Размещение на границе города привело к тому, что жителям Ново-Татарской слободы приходилось мириться с заставой и питейным домом, указанными на карте цифрами «104» и «96».

Большим испытанием для жителей Старо-Татарской слободы стало расположение двух церквей сразу за рвом, отделявшим город от его татарской части. На краю рва и у берега озера Кабан стояла церковь Четырех Евангелистов, а далее – очень близко от Первой Соборной мечети, а также на берегу озера Кабан церковь «Захарии и Елисаветы», созданная в середине XVIII в. по инициативе основателя Новокрещенской конторы Луки Конашевича для миссионерской деятельности среди татарского населения.

Отсутствие на плане остальных объектов в татарской части города можно объяснить небольшим форматом карты, а также целью ее создания – фиксация завершающего этапа процесса межевания губернии и губернского центра.

Наиболее интересной частью карты является вид города. На ней переданы особенности облика его зданий, в том числе на территории татарских слобод. Эти изображения становятся особо ценным для исследователей ввиду их обозначения теми же цифрами, которые использованы на плане города и в экспликации к нему.

К сожалению, не все из мечетей были нарисованы художником в соответствии с их местоположением и масштабом строений. Так Первая Соборная мечеть изображена дальше от озера Кабан и ближе к городу, ее размер указан очень небольшим и значительно меньшим, чем у Апанавской мечети. Последняя изображена крупной и только у нее, в отличие от других рисунков мечетей, минарет возвышается точно в центре здания. Пятая Соборная (Галеевская) мечеть изображена не полностью, так как она оказалась на месте соединения фрагментов карты. Можно увидеть только части ее корпуса без минарета.

Своим высоким минаретом по отношению к остальной части здания выделяется деревянная мечеть в центре Ново-Татарской слободы. Расположенная рядом каменная мечеть хорошо прорисована. У нее своеобразный, отличающийся от других изображений минарет. Голубая мечеть показана на окраине слободы. Ее минарет также отличается изяществом и многоступенчатостью. Пожалуй, только в облике этой мечети художник постарался передать изображение балкончика-выступа вокруг минарета, с которого муэдзин читает азан (призыв к молитве в исламе).

Недалеко от Голубой мечети изображено крупное каменное здание, выделенное, как и остальные каменные строения, розовым цветом. Однако, рядом с ним нет цифрового обозначения. Остается лишь предполагать, что это «молитвенный дом», который в таком случае оказался сильно смещенным относительно обозначения на плане города.

Есть на рисунке и застава в виде каменных въездных ворот в город в конце Ново-Татарской слободы. Особую ценность этому фрагменту придает тот факт, что художник не изобразил другие подобные объекты в городе.

Следующие по времени создания карты из фонда университетской библиотеки относятся ко второй четверти XIX в. Более ранней из них является карта большого формата и датированная в заглавии 1768 г. [1, л. 1], но ее более позднее происхождение определяется указанием и в экспликации и на территории города более поздних объектов, например, памятника павшим воинам на реке Казанке. Он был построен в 1823–1825 гг., что позволило установить хронологическую границу создания карты.

Карта нарисована тушью и акварелью на бумаге, наклеенной на ткань. Это самая крупная карта Казани в университетской библиотеке, ее размер 141,5х124 см. Масштаб карты довольно крупный – в дюйме 100 сажений³. В нижней части листа нанесены две экспликации: слева – заглавие и объяснение к условным обозначениям, на правой – описание нанесенных объектов. Полное заглавие – «План города Казани, каков высочайше опробован и подписан ее имп. величеством марта 17-го дня 1768 г., и по тому высочайше опробованному плану производятся каменные и деревянные строения в Казани». План составлен в пределах реки Казанки, Ново-Татарской слободы, с. Воскресенского и д. Аметьево.

Город на карте разделен на три части. Первая и третья расположены по правую сторону реки Булак, вторая по ее левую сторону. На карте изображены овраги и водные объекты – река Казанка с притоком Булак, река Исток, озеро Кабан, озеро Прилуцкое и др., а также луга, пашни, дороги в гг. Лаишев, Арск и Московская дорога. На карте обозначены названия основных улиц в первой части города. В экспликации выделены такие разделы, как каменная крепость с ее строениями (14 объектов), монастыри, приходские церкви (34 объекта), казенные строения (18), общественные строения (16). Указание на мечети, так же, как и на более раннем плане, унифицированное, без обозначения названий каждой из них. При этом в экспликации указано, что выделены местоположения только каменных мечетей под общим номером «48».

Татарские слободы ко второй четверти XIX в. перестали отделять от остальной части города рвом. На карте изображен лишь ров, служивший границей города и предместья, к какому татарские слободы перестали относить. Они стали входить во вторую часть города, наряду с Мокрой и Ямской слободами, а также деревней Плетени.

В Старо-Татарской слободе с достаточной точностью обозначены существующие сегодня границы улиц, кварталов и площадей. Указания местоположения мечетей также соответствуют сохранившимся сейчас зданиям, причем впервые на плане указана ориентация на киблу (священное направление на Каабу в г. Мекке) в виде выступа у прямоугольного

---

³ В 2,54 см = 213,3 см.

строения, размещённого по диагонали к регулярной линии кварталов. По сравнению с планом города рубежа XVIII – XIX вв. прежние деревянные мечети показаны как перестроенные в камне, что относится к Голубой мечети, к мечети в центре Ново-Татарской слободы. Здесь появилась еще одна мечеть – в конце второго квартала от центральной мечети слободы. Это является свидетельством активного увеличения ее населения и укрепления благосостояния жителей.

Таким образом, к началу второй четверти XIX в. обе слободы сравнивались по количеству каменных мечетей на своих исторических территориях. Далее строительство мусульманских храмов продолжалось по мере расширения территории расселения татар вдоль Булака, а также объединения обеих татарских слобод. К этому времени (через четверть века) озеро Безымянное стало обозначаться уже в качестве реки Исток с пересыхающим руслом у границы обозначенных во множественном числе «Мыльных заводов» и довольно полноводным с внешней границы Ново-Татарской слободы. Вероятно, русло стало пересыхать в силу активного использования водных ресурсов в мыловаренном производстве, а также в результате снижения обособленности этой территории. Позже (в конце XIX в.) на месте соединения двух татарских слобод появится Азимовская мечеть. На территории Забулачья и Ямской слободы будут построены Сеннобазарная и Султановская мечети.

На исследуемой карте обозначены упомянутые выше церкви на территории Старо-Татарской слободы. В экспликации их названия указаны с некоторыми изменениями – «42 Захария и Елисаветы; 43 великомученицы Екатерины в Плетенях; 44 Старообрядческая Четырех Евангелистов». Трансформация статуса последней церкви на границе двух конфессионально сложных территорий характеризует неоднозначность религиозной политики правительства конца XVIII – первой половины XIX вв. В октябре 1800 г. указом Павла I была официально учреждена единоверческая традиция для перевода старообрядцев в Русскую православную церковь, но еще в 1797 г. казанский архиепископ Амвросий (Подобедов) отдал «стоящую в праздности» [7, с. 156] церковь Четырех Евангелистов старообрядческой общине, выбравшей себе в священники настоятеля храма из Адмиралтейской слободы.

Обращает на себя внимание, что к концу XVIII в. один из православных храмов на территории Старо-Татарской слободы находился в заброшенном состоянии, что, скорее всего, объясняется отсутствием прихода. Поэтому передача старообрядцам, населявшим соседнюю Суконную слободу, была единственным способом сохранить существование данного религиозного объекта на прежнем месте. Его указание на карте города через четверть века после передачи старообрядцам-единоверцам в качестве старообрядческого демонстрирует усиление противостояния «господствующей» церкви с «раскольниками» в правление Николая I, когда допускалась только одна из старообрядческих традиций под контролем официальной церковной

организации. Ошибка в обозначении третьей церкви, находящейся в Плетенях, связана с приделом Борисоглебского храма «великомученицы Екатерины», название которого, вероятно, для составителя карты было более известно, тем более, что храм находился на Екатерининской улице.

На данной карте отсутствуют обозначения татарских кладбищ. Единственное указанное в этой части города кладбище расположено создателем плана на задах Мыльных заводов, что явно не соответствует сведениям о некрополях, имевшихся ранее при каждой татарской слободе.

Интересным свидетельством является сохранившееся на карте покрытие «легкой тушью» старых «непланых обывательских домов, подлежащих к сломке». Из исследуемой нами части города так была обозначена значительная часть домов в Ново-Татарской слободе в ее окраинной части, а также большинство домов в Плетенях.

В фонде университетской библиотеки карт города Казани второй четверти XIX в. хранится еще одна из дошедшая до нас карта, которая небольшая по формату, но более детально проработанная [3, л. 1]. Ранняя граница ее датировки определена по вписанному в заглавии времени разделения города на полицейские части – 26 октября 1825 г.

Карта нарисована на бумаге тушью и акварелью, наклеенной на ткань. Ее размер составляет всего 51x67 см. Масштаб карты указан, как и на предыдущей – в дюйме 100 саженей⁴.

Полное название карты указано в одной из двух экспликаций, расположенных в верхней части листа, и украшенной гербом города – «План города Казани, каков высочайше апробирован и подписан ее имп. величеством марта 17 дня 1768-го г. по тому высочайше апробованному плану. По случаю преднамереваемого образования казанской полиции 1825-го г. октября 26-го дня, город Казань разделен на пять частей». Эти полицейские части на карте выделены цветами и литерами: «сие пятичастное разделение показано и отлечено разноцветными красками, из коих означает покрытая кармином 1-я часть города, синею краскою 2-я, желтою гумигутом 3-ю, краскою суриком 4-ю и зеленою краскою 5-ю часть; с подписание границ от первой части других частей под литерами от А до В вторую часть за Булаком, от В до С третью часть, от С до Д четвертую часть и от Д до Е пятую часть города Казани». Если сравнить данные сведения с более ранней картой, на которой город был разделен только на три части, можно сделать вывод об увеличении населения и территории губернского центра за довольно короткий срок.

Вторая экспликация на карте более содержательная по количеству информации – в правой верхней части листа небольшая по размеру текстовая часть вмещает сведения по 128 объектам города.

На карте можно увидеть очертания оврагов, русла таких рек, как Волга и Казанка, контуры озера Кабан, рассмотреть окрестные луга и пашни.

---

⁴ В 2,54 см = 213,3 см.

Среди объектов города перечислены промышленные предприятия, городские учреждения, церкви и т.д. На карту нанесены выходящие из Казани тракты – Сибирский, Оренбургский и Московский.

Татарские слободы, как и на более ранней карте, отнесены к третьей части города. Это можно расценить как уже устойчивое членение городского пространства. В экспликации впервые среди изученных карт встречается перечисление объектов по частям города. Так в третьей части указаны каждая из татарских слобод отдельной цифрой (94 и 95 соответственно). При этом и на самой карте эти территории подписаны, как и на листах более ранних подобных источников.

Перечисление объектов третьей части города начинается с приходских церквей – «89 великомученицы Екатерины в Плетенях; 90 Захарии и Елисаветы; 91 церковь Четырех Евангелистов». Вновь, как и прежде, составители карты сочли возможным указать лишь придел Борисоглебской церкви, а у Евангелистского храма отказались от его обозначения в качестве старообрядческого.

Для указания мечетей выделены два вида подписей – «92 татарская мечети каменная; 93 мечеть деревянная». Не случайно в последнем случае использовано единственное число, так как на территории третьей части указан только один построенный из дерева мусульманский храм, который можно соотнести на плане с местом нынешней Бурнаевской мечети. Остальные мечети были каменными, и, судя по плану, их количество на момент создания карты не увеличилось.

На карте обозначено три мусульманских кладбища, два из которых вновь указаны сзади мыловаренных заводов, а третье между ними и Ново-Татарской слободой. Появились и новые объекты – близко к кварталам Старо-Татарской слободы и прямо на задах Борисоглебской церкви обозначен питейный дом, а в конце Плетеней на берегу озера Кабан под цифрой 98 указаны жандармские конюшни. На окраине Ново-Татарской слободы прорисована дорога в обозначенные на ее конце деревни Победилово и Кокушкино. Однако на карте отсутствуют знаки заставы и питейного дома на этой границе города, в отличие от плана Казани рубежа XVIII–XIX вв.

Самой поздней по времени создания из привлеченных к изучению картографических источников стала часть крупной карты Казани середины XIX в., дошедшая до нас только в виде фрагмента [2, л. 1]. Она включает в себя информацию об интересующей нас юго-восточной части города – восточная часть от нынешней улицы Чернышевского, в верхней части карты южнее от нынешней улицы Островского (указанной на карте как «Вознесенская» и продолжавшейся в Суконной слободе «Архангельской» улицей).

Граница города изображена на карте укрепленной линией и лесополосой, разделенными лишь выходами в виде ворот на Оренбургский тракт и на Татарское кладбище у Ново-Татарской слободы. Экспликация карты отсутствует, а название сохранилось на ее обороте. Оно наклеено в центре

фрагмента карты, что указывает на появление названия лишь после утраты ее остальной части. Наименование документа сохранилось в следующем виде – «Копия с плана, высочайше утверж[денного], города Казани 1848 г.».

Карта нарисована тушью и акварелью на бумаге, наклеенной на ткань. Размер дошедшего до нас фрагмента составляет 94,8x72,6 см. Масштаб карты указан вдвое крупнее, чем на других привлеченных к изучению картах – в дюйме 50 саженей⁵. В отличие от других рассматриваемых карт, на ней сохранились имена создателей – «Казанский губернский землемер Селезнев, содействовал спаский уездный землемер губернский секретарь Николай Лазарев». Если относительно второго обнаружить информацию не удалось, то о Павле Николаевиче Селезневe сохранились сведения в «Указателе города Казани» [8, разд. IV, с. 4.] за 1841 г. Он возглавлял «Губернскую чертежную»⁶, в 1841 г. был титулярным советником, указан холостым человеком и жил в собственном доме в деревне Плетени. Его место проживания для анализа интересующей нас карты достаточно актуально, так как оно находилось в непосредственной близости к изучаемым в данной статье территориям. Следовательно, информация об объектах была достаточно достоверной. Тем более она довольно серьезно отличается от карт предшествующего периода и обладает большей, почти равной современной, четкостью в передаче границ кварталов и других объектов. К сожалению, из-за фрагментарности единицы хранения и отсутствия экспликации, не все обозначенные номерами здания и территории на данной карте можно расшифровать.

Соотнесение анализируемой карты с другими предшествующего периода позволило выделить следующие мечети: Первую Соборную, Апанаевскую и Голубую в Старо-Татарской слободе, Иске Таш, находящуюся на окраине в Ново-Татарской слободе (сейчас Белая). Все эти мечети обозначены цифрой «15», за исключением Голубой, рядом с которой нанесена цифра «11». Кроме отсутствия третьей каменной мечети в Ново-Татарской слободе, вызывает вопросы и отсутствие указания на Пятую Соборную (Галеевскую) мечеть, известную, в том числе, и по карте рубежа XVIII–XIX вв.

П.Н. Селезнев нанес на карту мечеть, которая занимает промежуточное положение между (Пятой Соборной) Галеевской и Сеннобазарной мечетью [5] (сейчас Нурулла), которая была возведена во второй половине 1840-х гг. Ее расположение не на границе квартала и смещение к Булаку не позволяет нам ее идентифицировать ни с одной из указанных выше мечетей. Тем более, что цифра «10», как и при других храмовых объектах (несомненно, православных) в этой части города вызывает большой вопрос. Однако идентификация рисунка именно как мечети произошла по

⁵ В 2,54 см = 106,65 см

⁶ Создана на основании «Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. для размежевания земель и производства землеустроительных работ».

использованному и для других мечетей изображению с одним полукруглым выступом у прямоугольного здания, ориентированного по кибле. Такой рисунок был использован губернским землемером не для всех мечетей, а лишь для указания на Первую Соборную и Апанаевскую. Для остальных мечетей было выбрано изображение прямоугольника с ромбовидным выступом с одного торца, а у другого, противоположного обозначен узкий прямоугольный выступ. Ориентирование по кибле графических символов для указания мечетей в Ново-Татарской слободе в точности не соблюдено создателем карты, как и для Голубой мечети.

Дополнительным элементом на карте 1848 г. стало обозначение названий крупных улиц. В Забулачье указана улица Сенная и Тихвинская, продолжением которой в Старо-Татарской слободе стала улица Екатерининская. В отличие от нее Мещанская улица, параллельная Тихвинской, переходя в татарскую слободу, не поменяла свое название и тянулась до дальней окраины Плетеней. Других названий улиц в Старо-Татарской слободе не нанесено. В Ново-Татарской слободе обозначены незамысловатые названия двух улиц – Новотатарская и Большая Новая Татарская. На карте разными цифрами выделены две площади – Сенная (за номером «62») и Юнусовская («65»).

Существенные изменения зафиксированы П.Н. Селезневым относительно православных храмов на территории Старо-Татарской слободы. Так, на месте церкви Захария и Елизаветы нет никаких обозначений, кроме границы жилого квартала. После общегородского пожара 1815 г. она не была восстановлена и была разобрана в конце 1820-х гг. Ее нет в «Указателе города Казани» [8, разд. II, с. 9–16] в перечне церквей. Место разобранного храма церковное начальство не собиралось передавать даже для общественных нужд. Об этом известно по документам начала 1840-х гг., когда купцы братья Ибрагим и Исхак Юнусовы предложили возвести на месте церкви приют для мальчиков на собственные средства [5].

Имеющиеся на карте обозначения объектов за номерами «39» и «44» на границе Плетеней и Ново-Татарской слободы идентифицировать без экспликации карты не представляется возможным. Однако, находившиеся далее мыловаренные заводы под цифрой «47» и «48» хорошо соотносятся с данными картографических источников предшествующего периода.

Из водных объектов, кроме озера Нижний Кабан и части озера Средний Кабан, на границе Ново-Татарской слободы указано вытянутое вдоль нее «озеро» (без обозначения его названия). Протока Булак нарисована в виде лесополосы, такой же, как и по периметру границ города.

Территория татарского кладбища вынесена за пределы города и нарисована без указания размеров некрополя. За городской границей ближе к озеру Средний Кабан обозначена деревня Поповка.

В целом, данный источник обладает остаточной высокой точностью и, несмотря на фрагментарность, передает сохранившиеся сведения о трансформации татарской части города предреформенного периода.

Уникальная коллекция рукописных карт в фонде отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета составляет важную часть корпуса источников по истории Казани. Их создание в переломный для татарского народа период позволило зафиксировать эволюцию не только самого города, но и векторы развития татар, их активное отстаивание национальных традиций и уклада жизни. Постепенное расширение территории проживания, поиск новых сфер деятельности и создание первых предприятий в годы промышленного переворота во второй половине XIX в. подвергнуто пространство татарской части Казани многочисленным изменениям. Предшествующий этап истории сохранится лишь на страницах источников, в том числе картографического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанский федеральный университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, отдел рукописей и редких книг (далее – КФУ НБЛ ОРПК). Ф. единичных поступлений. Ед. хр. 440. Л. 1.
2. КФУ НБЛ ОРПК. Ф. единичных поступлений. Ед. хр. 3500. Л. 1.
3. КФУ НБЛ ОРПК. Ф. единичных поступлений. Ед. хр. 4062. Л. 1.
4. КФУ НБЛ ОРПК. Ф. единичных поступлений. Ед. хр. 4477. Л. 1.
5. Загидуллин И.К. Из истории строительства Сеннобазарной мечети в Казани // Научные статьи: Исламский портал. URL: islam-portal.ru/e-store/books/articles/74/198/ (дата обращения: 15.08.2019).
6. Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. 14: Географические рукописи, карты и планы / [сост. А.Н. Варламова; науч. ред. проф. А.В. Ступишин]. Казань: Изд-во Казанского университета, 1969. 74, [2] с.
7. Путь на Голгофу: [в 2 т.] / Православ. Св.-Тихон. гуманит. ун-т, Уфим. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т истории, яз. и лит. М., 2005. Т. 2. 588, [3] с. : факс., портр.
8. Чернов И.С. Указатель города Казани, или Памятная книжка для жителей Казанской губернии, составленная и изданная, с разрешения господина управляющего Министерством внутренних дел, коллежским ассессором И. Черновым на 1841 г.. Казань, [1841]. 532 с. разд. паг.

Сведения об авторе: Амерханова Эльмира Исаковна – кандидат исторических наук, заведующая отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (420008, ул. Кремлевская, 35, Казань, Российская Федерация); Elmira.Amerhanova@kpfu.ru

Амерханова Э.И. Татарские слободы на картах Казани из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета

**THE TATAR SETTLEMENTS ON THE MAPS OF KAZAN
FROM N.I. LOBACHEVSKY SCIENTIFIC LIBRARY'S
COLLECTION AT KAZAN FEDERAL UNIVERSITY**

E.I. Amerkhanova

*N.I. Lobachevsky Scientific Library at Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
Elmira.Amerhanova@kpfu.ru*

The article is devoted to the study of cartographic sources related to the history of Tatar settlements in Kazan. Based on the analysis of four handwritten maps from the collection of N. I. Lobachevsky Scientific Library at Kazan Federal University, we reveal the boundaries of territories and objects in both the Old Tatar and the New Tatar Quarters throughout the late 18th century and the first half of the 19th century.

We examine the dynamics of development of the separated Tatar part of the city, the features of its confessional structure through the example of mosques and churches, the transformation of the settlement area of Tatars, and their interaction with the areas surrounding the quarters. We consider the cartographic materials in terms of their informativeness and reliability. Additionally, we have compares data contained in plans and maps from various periods depicting specific objects of the settlements. Finally, we provide both external and internal critical considerations on the sources used.

Keywords: cartographic sources, Tatar settlements, Kazan, N.I. Lobachevsky Scientific Library at Kazan Federal University.

For citation: Amerkhanova E.I. The Tatar settlements on the maps of Kazan from N.I. Lobachevsky Scientific library's collection at Kazan Federal University. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 354–366. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.354-366

REFERENCES

1. Kazanskij federal'nyj universitet, Nauchnaja biblioteka im. N.I. Lobachevskogo, otdel rukopisej i redkih knig [Kazan Federal University, N.I. Lobachevsky Scientific Library, Department of Manuscripts and Rear Books]. F. edinichnyh postuplenij. Ed. hr. 440. (In Russian)
2. Kazanskij federal'nyj universitet, Nauchnaja biblioteka im. N.I. Lobachevskogo, otdel rukopisej i redkih knig [Kazan Federal University, N. I. Lobachevsky Scientific Library, Department of Manuscripts and Rear Books]. F. edinichnyh postuplenij. Ed. hr. 3500. (In Russian)
3. Kazanskij federal'nyj universitet, Nauchnaja biblioteka im. N.I. Lobachevskogo, otdel rukopisej i redkih knig [Kazan Federal University, N.I. Lobachevsky Scientific Library, Manuscripts and Rear Books Department]. F. edinichnyh postuplenij. Ed. hr. 4062. (In Russian)

4. Kazanskij federal'nyj universitet, Nauchnaja biblioteka im. N.I. Lobachevskogo, otdel rukopisej i redkih knig [Kazan Federal University, N.I. Lobachevsky Scientific Library, Department of Manuscripts and Rear Books]. F. edinichnyh postuplenij. Ed. hr. 4477. (In Russian)

5. Zagidullin I.K. *Iz istorii stroitel'stva Sennobazarnoj mecheti v Kazani* [From the history of construction of the Hay Market Mosque in Kazan]. *Nauchnye stat'i : Islamskij portal*. [Research papers: the Islamic portal] (In Russian). Available at: <http://www.islam-portal.ru/e-store/books/articles/74/198/> (accessed 15.08.2019).

6. *Opisanie rukopisej Nauchnoj biblioteki im. N. I. Lobachevskogo. Vyp. 14: Geograficheskie rukopisi, karty i plany* [Description of manuscripts of the N.I. Lobachevsky Scientific Library. Issue. 14: Geographical manuscripts, maps and plans]. Comp. by A.N. Varlamova; sci. ed. Prof. A.V. Stupishin]. Kazan, Kazan Univ. Publ., 1969. 74, [2] p. (In Russian)

7. *Put' na Golgoфу: v 2 t. T. 2* [Way to Golgotha: in 2 v. V. 2]. / Pravoslav. Sv.-Tihon. Human. Univ., Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences Institute of History, Language and Literature. Moscow, 2005. 588, [3] p. (In Russian)

8. Chernov I.S. *Ukazatel' goroda Kazani, ili Pamjatnaja knizhka dlja zhitelej Kazanskoj gubernii, sostavlennaja i izdannaja, s razreshenija gospodina upravljajushhego Ministerstvom vnutrennih del, kollezhskim asessorom I. Chernovym na 1841 god* [Index of the city of Kazan, or Memorial Book for residents of the Kazan Province, compiled and published with the permission of Mr. Governor of the Ministry of Internal Affairs, by the College Assessor I. Chernov for 1841]. Kazan, [1841]. 532 p. (In Russian)

About the author: Elmira I. Amerkhanova is a Candidate of Science (History), Head of the Department of Manuscripts and Rear Books of N.I. Lobachevsky Scientific Library, Kazan Federal University (35, Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); Elmira.Amerkhanova@kpfu.ru

Новые книги

УДК 94(574)

DOI: 10.22378/he.2019-4-2.367-374

О КНИГЕ Б.Г. АЯГАНА «АБУЛХАИР ШЕЙБАНИД – ПОСЛЕДНИЙ ПРАВИТЕЛЬ ДАШТИ-КЫПЧАКА»

М.А. Алпысбес

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
alpysbes@mail.ru*

При изучении, трактовке событий, и интерпретации истории многих тюркских народов возникает вопрос о преемственности этапов этнической истории, правовых норм и традиций, политических институтов, государственности, реге территории. Это связано с подвижностью этнических коллективов в исторической ретроспективе, с миграциями народов или с перемещениями отдельных представителей правящих династий. В этой связи в исторической науке довольно часто ставится вопрос о прародинах и миграциях, особенно в отношении тюркских народов. Они часто характеризуются как военные легионеры (например, кыпчаки), завоеватели (огузы, сельджуки, моголы, узбеки) или перемещенные невольные лица (мамлюки, гулямы). Особенно интересным представляется вопрос о процессе раздробления государства Чингис-хана, формирования улусной системы, распаде ханских Орды и Улусов и появлении новых этнополитических образований.

В данной статье-рецензии представлен краткий обзор и анализ книги «Абулхаир Шейбанид – последний правитель Дашти-Кыпчака» (Алматы: Золотая Книга, 2018. – 176 с., на казахском и русском языках), рассмотрены новые материалы и научные выводы ее автора – доктора исторических наук, профессора Б.Г. Аягана на историю постзолотоордынского времени, связанного с государством узбеков-казахов. В книге приводятся новые данные по истории Дашти-Кыпчака в XIV–XV вв. Рецензент дает теоретическую интерпретацию общего видения исторических процессов.

Ключевые слова: тюркская история, государство Абулхаира, ханство, джучиды, Дашти-Кыпчак

Для цитирования: Алпысбес М.А. О книге Б.Г. Аягана «Абулхаир Шейбанид – последний правитель Дашти-Кыпчака» // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 367–374. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.367-374

Новая книга директора казахстанского НИИ «Институт государства», доктора исторических наук, профессора Б.Г.Аягана [1] написана в научном стиле документальной повести на основе анализа событий, описываемых в исторических хрониках, летописях и в других письменных источниках. Они используются вкуче с экспедиционными археографическими материалами по историко-географической топонимике современного Казахстана, в ходе которых был реконструирован маршрут передвижения хана Абулхаира, место локализации его ханской орды и становищ, аулов, городов и поселений, родовых групп тюркского населения и географические объекты – реки, степи и пустыни, горы и равнины. Именно вопрос локализации исторических событий и фактов является малоизученным в исторической науке, иногда в научных исследованиях этот вопрос интерпретируется не совсем корректно. Например, при изучении истории государства Абулхаира предшествующие исследователи не обратили должного и пристального внимания территориям кочевий хана, не осуществили необходимый при этом поиск места его упокоения.

Как известно, появление государственности, возрождение былых политических традиций и институтов, связано с несколькими важными факторами. Это наличие, во-первых, некоего этнического содружества, про-

возглашающего государственность, во-вторых, исторической территории для нового государства, в-третьих, политической династии, которая могла бы стать легитимной политической силой с ее лидером, в четвертых, внешних и внутренних факторов, сподвигающих к созданию государственности, в пятых, идеологической традиции, актуализирующий и направляющий социум на продолжение и преемственность государственности. История империи Чингиз-хана является примером, на изучении которого может быть апробирована идея о традиции политической преемственности и составных идеологемах возрождения государства и продолжения прежних политико-правовых принципов его организации.

В силу обозначенных наиболее важных обстоятельств сформировалось представление о подвижности и непостоянности территорий, точнее этнических групп в пределах каких-либо географических границ. Между тем, имеется мнение об изменчивости этнической локализации тюркских народов и их составных элементов в пределах определенных территорий. Однако этот вопрос может изучаться в нескольких контекстах: с одной стороны, через изучение тюркских племенных образований и их генезис, а с другой – через историю правящих домов и социальной базы политического лидера, различных групп тюркской родовой корпорации, составлявшей основу новой политико-правовой организации и сам социум нового государства.

Традиция изучения истории Золотой Орды по арабским и персидским источникам в определенной мере сказалась на отчуждении истории степных тюрков от собственно их носителей и продолжателей. Однако, как представляется, должен быть соблюден некий паритет, в ходе которого все другие тюркские источники должны быть приняты во внимание в равной мере, (и не только тимуридов, шейбанидов, но и тюрко-татарские, узбек-казахские, каракалпакские, ногайские). Что примечательно, этот важный момент учтен в рецензируемом исследовании, с привлечением широкого круга источников. Казахская школа ориенталистики накопила опыт исследования истории Казахского ханства, Могулистана, Мавераннахра. Вместе с историко-этнографическими, археологическими исследованиями они дают мощный импульс для понимания исторических и этнических процессов в Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Ведь подготовленные и изданные материалы и сборники документов по истории Казахского ханства (МИКХ), политическому строю Казахстана, казахско-русским отношениям и другие значимые хрестоматии заложили академическую основу их изучения.

В книге «Абулхаир Шейбанид. Последний правитель Дашти Кыпчака» рассматривается страна кыпчаков, рождение, возмужание и возвышение принца Абулхаира, формирование этнонимов «узбек» и «казах», экспансия «кочевых» узбеков на государство тимуридов, этносоциальный строй узбек-казахского ханства Абулхаира, его битвы со степными царевичами Ахмадом и Махмудом, схватка с калмакским предводителем, рождение казахского народа, падение государства Абулхаира. В целом история этого государства является предзнаменованием новой региональной державы – Казахско-

го ханства – с уникальной этнополитической конфигурацией: союз наиболее крупных и сильных тюркских племен, провозгласившие по своей сути первое национальное государство, сильной правовой базой которого стали древние нормы и лучшие традиции политической власти.

Как отмечает автор, «в период правления Тимура его сторонники враждовали с узбеками, приходившими с севера, из пределов Дашти-Кыпчака. Фазлаллах бин Рузбихани относил к узбекам три общности и три племени: «Три из этого общества относятся к узбекам, как суть славнейшие во владениях Чингисхана. Ныне одно из них – шибаниды и его ханское величество после предков был и есть повелитель. Второе племя «тайиф» – казахи, которые славны во всем мире силой и неустрашимостью. Третье племя – мангыты, а из них цари астраханские Хаджи-Тархана» (стр. 25). Согласно казахской поговорке «*Ўзбек өз ағам, сарт садағам*» в этническом самосознании народа узбеки воспринимаются как часть казахов.

По данным многих исторических исследований складывается взгляд, что государство Абулхаира было якобы не казахским государством, а само политическое образование было даже чуждым населению. Такое понимание истории, связанное с периодом правления хан Бузург Абулхаира, наверное, сложилось под влиянием истории отложения, то есть обособления и отхода детей Барака – султанов Керей и Жанибека от хана Абулхаира, и провозглашения мощным родоплеменным сообществом, возлавленными ими в последующем *Қазақ қандығы* – Казахского ханства. Однако же на самом деле государство Абулхаира, возникшее в пределах Узбекского улуса, в своей сущности является протоказахским и даже казахским государством, потому что его этнический состав включал те же тюркские родовые группы, которые составили в последующем Казахское ханство, а именно кыпчаки, коньраты, найманы, кияты, аргыны, уаки, керей, уйсунь, канглы, жалайыры, алчин и др., такие группы как минг, йуз, барын, кушчи, карлуки и др., включая часть мангытов и катаган, сарыкыпчак, отошедших к среднеазитским шейбанидам. Кроме того, государство узбеков во главе с ханом Абулхаиром фактически положило конец тимуридскому государству. На его месте появляются новые политические образования, которые впоследствии привели к образованию Хивинского и Кокандского ханств. Между тем, среди современных казахов по сей день живут потомки из числа поколения шейбанидских чингизидов.

История государства Абулхаира, насчитывающая почти полувековую хронику связанных с ним славных событий, является важным связующим звеном в политическом процессе появления и развития многих других соседних политических объединений и государств. Известно, что генеалогии казахских родов, их схемы родства, чаще всего берут свое начало от таких легендарных фигур и личностей как, собственно, Казах (*Қазақ*), Созак (*Созақ*), Айырқалпак (*Айырқалпақ*), Жуман (*Жұман*), Абулхаир (*Әбілқайыр*), Караходжа (*Қарақожа*), Каркелимбет (*Қаракелімет*). Это не случайно и по сути они отражают процесс сложения и формирования но-

вых родоплеменных корпорации на основе предшествующих, которые всегда представляли собой политические и военно-административные единицы страны степных тюрков. Такая же конфигурация представлена у автора Фазлаллах бин Рузбихани в его известном сочинении «Мехман нама-и Бухара», а также в ряде других восточных источников.

Исторические предания шеджере казахского народа сообщают, что в позднесредневековой этнокультурой и политической истории Великой Степи было три важных этапа истории казахского народа, которые именуются как «разъединение калмаков и казахов», «разъединение узбеков и казахов», «разъединение ногаев и казахов», означающие разобщение, раздробление и распад тюркских родоплеменных корпорации, поэтапный разлад некогда единого этнического массива Великой Степи, процесс дезинтеграции могучего государства Чингиз-хана. Все это отражает распад не только Золотой Орды, но и возникшего на его основе могущественного государства падишаха Абулхаира и даже государства Эмир Тимура. Входящие ранее в их состав тюркские народы пошли по пути обособления и создания собственного политического объединения. Однако генеалогические мифы передают сведения о племенных союзах, которые во все времена и чаще всего были стержневыми, и даже ключевыми элементами политических образований. Фрагментация Улуса Джучи обернулась его возрождением в новом формате Казахского ханства. Автор книги рассматривая историю возникновения, возвышения и расцвета государства Абулхаира очень хорошо показывает пути формирования политической, территориальной и этносоциальной структуры этой страны узбеков-казахов, а также процесс распада Мангытского юрта и Могулистана, Тимуридского государства, начавшегося приблизительно в тот период.

Подобная генеалогическая интерпретация или видение этнического, исторического, социально-политического процессов является традиционной моделью исторической памяти степных тюрков-казахов. Генеалогический «прародитель Жуман», по мнению исследователя источников «Насаб-нама» З. Жандарбек, является на самом деле отголоском эпонима «шибан», «шейбан», а «Абулхаир» есть собственно сам хан бузург Абулхир. Из этого можно сделать вывод, что казахские исторические шежире свидетельствуют фактически о политическом происхождении казахского народа из числа чингизова Улуса Шибана, (который является его внуком, четвертым сыном легендарного Джучи хана¹) фигурирующее под калькой «Жуман», из Уз-

---

¹ Отдельные исследователи утверждают, что Джучи не был поднят на белой кошме, и поэтому якобы он не был ханом. Однако в казахских эпических сказаниях он именуется именно так (например, в сказании «Алаша хан, Жошы хан, ақсақ құлан жосыған»). Кроме того, Великий хан Чингис хан лично жаловал удел своим сыновьям, а старший сын Джучи был провозглашен ханом наиболее крупного удела – Улусу Джуча – Дашти Кыпчака. Это само по себе является фактом наделения ханских полномочий удельного владения.

бекского улуса, связанного с именем ханства Абулхаира. Что же касается таких генеалогических элементов – таксонов как «казах», «созак», то этимологические значения этих слов выражает собственно обособление и зарождение «нового» казахского народа. Созак в генеалогических схемах фигурирует как предок каракалпакского народа, в бытность государства Абулхаира он представлял собой один народ страны, являвшегося частью Мангытского юрта. «Казах» значит «сильный», а «созак» как название города олицетворяет место локализации мангытского родового союза.

Как отмечал Ч.Ч. Валиханов, две родные орды ногаев и казахов жили вместе при управлении Жанибек хана и это время в эпических сказаниях народа воспевалось как Золотая Эпоха. Родовые группы найманов, кыпчаков, коньратов, карлуков, известные под названием кочевых узбеков, вступили под предводительство Мухаммада Шайбани и ушли вглубь Мавераннахра, а затем вошли в состав узбекской и каракалпакской локальных общностей. Поэтому, профессор Б.Г. Аяган в своей книге отмечает, что «если посмотреть внимательно, то заметно, что корневое содержание определений "узбек" и "казах" – идентичное. Оно означает «свободный человек, сам себе господин» (стр. 25). Из материалов исследований истории Золотой Орды согласно данным казахских легендарных историй – источников эпического происхождения *«Кобланды батыр»*, *«Ер-Косай»*, *«Ер-Едиге»*, *«Орак батыр»*, *«Алиагир батыр»*, *«Нарик батыр»*, и других сказаний, посвященных воспеванию их образа в героических циклах поэм, видно, что под названием ногайлы следует понимать не только собственно ногаев как этническую группу, но и обиталище, страну и население Золотой Орды, которое сформировалась по влиянию эпонима темника Ногая, сына Татара, беклярбека, правителя западного улуса Золотой Орды. Например, казахи по сей день используют обозначения ногай и татар как идентичные понятия при обозначении поволжских татар, что, вероятно, отложилось в исторической памяти народа.

Приверженность к сохранению традиции социально-политической и правового устройства у казахов прослеживается в устойчивости институтов тюрк (султанов) – потомков Чингиз-хана, институтов ходжей. Это духовное сословие казахского общества, продолжающее учение святого наставника, пира Ходжа Ахмеда Йассави, института семипоколенной системы родства, исключаяющее браки между родственниками до седьмого колена. Автор книги профессор Б.Г. Аяган пишет: «Среди сподвижников Абулхаир-хана было заметное количество ходжей, потомков арабских миссионеров, получивших образование в Бухаре и Самарканде. Мангыты и казахи придерживались степных традиций» (стр. 43.) Все эти нормы возведены в признак сопричастности казахскому сообществу и в неотъемлемый принцип социально-культурной и политико-правовой жизни степных тюрков. Именно по таким фундаментальным маркерам проявлялась

Алпысбес М.А. О книге Б.Г.Аягана «Абулхаир Шейбанид – последний правитель Дашти-Кыпчака»

приверженность индивида к ценностям традиционного казахского социума и в определенной мере имеет отношение к вопросу взаиморазобщения тюрков: разьединению казахов и калмаков, ногаев и узбеков.

Профессор Б.Г.Аяган в книге отмечает: «Интересно, что часть ойратов подчинялась Бузург Абулхаир-хану – сведения присутствуют в списке средневекового автора Кухистани. Известен предводитель калмыков по имени Хасан-бек. Этот ойрат имел тюрко-мусульманское имя и соответствующий титул» (стр. 119). Однако, в конечном счете причиной распада государства Абулхаира стала все же разрозненность территорий. Абулхаир «предпринимал неоднократные попытки установления своей власти над всеми землями Дашти-Кыпчака, над всеми самостоятельными улусами. Но его попытки не встречали поддержку со стороны правителей самих улусов» (стр.125). Автор объясняет это слабостью дипломатических способностей или отсутствием каких-либо религиозно-интеллектуальных, т.е. идеологических систем и концепций, которые смогли объединить разрозненные территории в монолитное единое государство.

В заключение можно отметить, что рецензируемая книга обобщила результаты многих предшествующих исследований и обогатила их новыми научными выводами и положениями. Б.Г. Аяган вводит в научный оборот новые источниковые данные и ранее не известные в науке историко-географические материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аяган Б.Г. Әбілқайыр Шайбан – Дешті Қыпшақтың соңғы билеушісі = Абулхаир Шейбанид – последний правитель Дашти-Кыпчака. Алматы: ТОО «Издательство Золотая Книга», 2018. 176 с.

Сведения об авторе: Махсат Алпысбесулы Алпысбес – доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (010008, ул. Сатпаева, 2, Нур-Султан, Республика Казахстан); alpysbes@mail.ru

**ABOUT THE BOOK BY B.G. AYAGAN “ABULKHAIR SHEYBANID –
THE LAST RULER OF DASHTI-QIPCHAQ”**

M.A. Alpysbes

*L.N. Gumilyov Eurasian National University
Nursultan, Kazakhstan
alpysbes@mail.ru*

In the studying and interpreting the history of Turkic peoples, the question sometimes arises about the continuity of the stages of ethnic history, their legal traditions and political institutions, and even statehood, less often the territory. This is due to the mobility of ethnic groups in historical retrospect, with the migration of peoples or with the movements of individual representatives of the ruling dynasties. In this regard, in historical science the question of localization of the ancestral homelands and migrations of Turkic peoples is more often raised. They were often characterized as military legionnaires (for example, Kipchaks), conquerors (Oghuz, Seljuks, Mughals, Uzbeks) or displaced involuntary persons (Mamluks and ghouls). Of particular interest is the question of the process of fragmentation of the state of Genghis Khan, with the formation of the Ulus system, the collapse of the Khanate Hordes and Uluses, and the emergence of new ethno-political formations.

This review article provides the brief overview and analysis of the book “Abulkhair Sheybanid – the last ruler of Dashti-Qipchaq” (Almaty: Golden Book, 2018. – 176 p., in Kazakh and Russian), New materials and scientific conclusions of its author – Doctor of Science (History), professor Burkut G. Ayagan on the history of the post-Zolotovordian time associated with the state of Uzbeks-Kazakhs are considered. The book provides new data on the history of Dashti-Qipchaq in the 14th–15th Centuries. The reviewer gives a theoretical interpretation of the general vision of the course of historical processes.

Keywords: Turkic history, the state of Abulkhair, Khanate, Juchids, Dashti-Qipchaq.

For citation: Alpysbes M.A. About the book by B.G. Ayagan “Abulkhair Sheybanid – the last ruler of Dashti-Qipchaq”. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 367–374. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.367-374

REFERENCES

1. Ayagan B.G. *Abulkhair Sheybanid – posledniy pravitel' Dashti-Kypchaka* [Abulkhair Sheybanid – the last ruler of Dashti-Qipchaq]. Almaty, Zolotaya Kniga Publ., 2018. 176 p. (In Kazakh and Russian).

About the author: Makhsat A. Alpysbes is a Doctor of Science (History), Professor of L.N. Gumilyov Eurasian National University (010008, Satpaev St. 2, Nursultan, Kazakhstan); alpysbes@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Ф.Б. БАТЫРГАРЕЯ
«МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ МУСУЛЬМАН г. ТВЕРИ»**

Э.К. Салахова

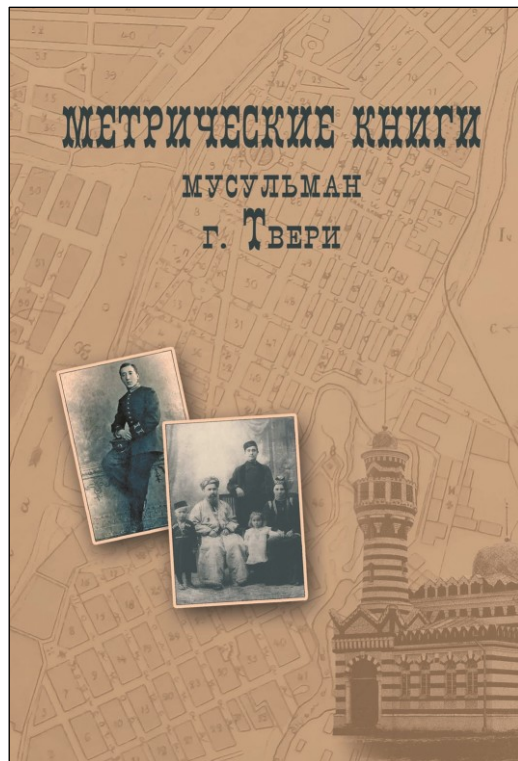
*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ilsalah@mail.ru*

Статья является рецензией на новую книгу исследователя Ф.Б. Батыргаря «Метрические книги мусульман г. Твери». Книга, посвященная публикации мусульманских метрических книг г. Твери является важной и востребованной. Эти документы публикуются впервые. В исследовательскую работу вошли все мусульманские метрические книги г. Твери, хранившиеся в Государственном архиве Тверской области, автор дал их в транскрипции и на основе этих документов представил интересный материал о состоянии и развитии татарского общества российского города Тверь в период 1905–1918 гг.

Ключевые слова: история семьи, письменные исторические источники, метрические книги, история татарского народа, краеведение.

Для цитирования: Салахова Э.К. Рецензия на книгу Ф.Б. Батыргаря «Метрические книги мусульман г. Твери» // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 375–380. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.375-380

В последние годы отечественные исследователи стали активно вовлекать в научный оборот источники, позволяющие в деталях анализировать состояние и эволюцию отдельных сегментов российской империи. К числу таких документов можно относить метрические книги, представляющие собой реестры актов гражданского состояния (рождения, браков, разводов и смертей). В них собраны материалы об основных этапах жизни каждого члена общества. Комплексное исследование метрических книг позволяет восстанавливать картину развития социума, проследить повседневную жизнь прихожан. Такие документы содержат богатейший статистический материал о рождаемости и смертности на определенном отрезке времени [4, с. 81–96]. Они являются базовым источником для генеалогических исследований.

Российские архивы обладают богатейшей коллекцией метрических книг. Изучение и транскрипция этих документов требует серьезной подготовки и усердия. К сожалению, издавать все сохранившиеся метрические книги по всем приходам не представляется возможным, так как это объемный комплекс источников требует невероятных сил. Тем не менее, от радно отметить, что в отношении отдельных приходов они начинают публиковаться. В последние десятилетия метрические книги стали активно входить в источниковедческую базу научных исследований.

Хранящиеся в архивах России мусульманские метрические книги охватывают период с 1829 и по 1918 г. (по некоторым приходам имеются более поздние документы). Эти записи со всех мусульманских приходов России отправлялись в Духовное собрание мусульман вплоть до 1918 г. Позже эта богатейшая коллекция стала частью архивного фонда Республики Башкортостан [1, с. 54–55]. Вторые экземпляры метрических книг оставались на местах. Они обогащают архивные фонды местных архивов, Государственный архив Республики Татарстан [2, с. 39–41], Центральный архив Самарской области, Государственный архив Астраханской области и многие другие [3, с. 86–95]. Мусульманские метрические книги созданы на старотатарском языке в арабской графике. Эта специфика задает сложность их изуче-

ния. Именно по этой причине доступность данного исторического источника для современных исследователей достаточно ограничена.

Исследователь Ф.Б. Батыргарей поставил перед собой цель собрать и опубликовать сохранившиеся метрические книги мусульман города Твери. В его книгу [5] включены материалы периода 1905–1918 гг. в количестве 14 единиц хранения из фонда Государственного архива Тверской области (ГА ТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 1449). Книги представляют собой формат журнала размером 22,5×35,5 см и, как отмечает исследователь, их сохранность хорошая, а палеографическая характеристика вызывает удовлетворение. Последнее дало возможность автору опубликовать источники в полном объеме. В тексте наблюдаются лишь некоторые затруднения автора-составителя, связанные с разбором почерка имама или муаззина, заполнявших метрическую книгу. Как правило, мусульманские метрические книги состояли из 4 разделов: о рождении, бракосочетании (никах), разводе (талак) и смерти. Метрические записи прихожан Твери составлены по такому же принципу и содержат демографическую статистику – количество родившихся, умерших, бракосочетавшихся и совершивших развод за отчетный год (в виде отдельной таблицы). Для удобства титульный лист был напечатан и на русском языке, т.е. последний лист книги являлся «титулом» для русскоязычных чиновников, где наряду с названием документа указывался город, год и название Духовного управления, к которому принадлежит данная община (махалля).

В вводной части монографии автор представляет читателю информацию о метрических книгах как о важных и малоизученных исторических источниках, дает историческую справку о правилах их ведения, подробно показывает структуру и особенности мусульманских метрических книг. Ф.Б. Батыргарей на материалах метрических книг Твери 1905–1918 гг. проводит исследование о состоянии татарского общества того времени. Сведения, внесенные в метрические записи мечети города, дают общую картину жизни мусульман края. Работа ценна статистическим материалом: автор, опираясь на материалы метрических книг, дает сведения о рождаемости и смертности, о причинах смерти жителей, показывает социальный состав горожан в указанный период. Особо стоит выделить его внимание на миграционных процессах в регионе. По данным автора, в начале XX в. 90% мусульманского населения Твери состояло из татар, которые в первом или во втором поколении были выходцами из Сергачского уезда Нижегородской губернии, Касимского уезда Рязанской губернии, а также уроженцами Симбирской, Тамбовской, Пензенской, Казанской губерний.

Отдельным разделом стал авторский исследовательский материал, посвященный разбору и объяснению татаро-мусульманских имен. Одна их группа имела древнетюркские корни, другие были заимствованы из арабского и персидского языков. Показывая свои знания в ономастике, Ф.Б. Батыргарей предлагает собственную классификацию татарских имен, зафиксированных в метрических книгах Твери анализируемого периода.

Вторая часть работы посвящена собственно метрическим книгам города. Соблюдая необходимые правила текстологической работы с историческими источниками, автор представляет читателю метрические книги в том виде, по которому они были оформлены в начале XX в. имамом мечети Хусаином Сеид-Бурханом. В записях бракосочетания и разводов имамы использовали довольно сложные понятия, которые зачастую бывают непонятными для современного простого читателя, в них трудно разобраться человеку, не знающему законы шариата. Для решения этой проблемы Ф.Б. Батыргарей, уходя от дословной транскрипции, раскрывает смыслы используемых понятий. Это ни сколько не умаляет значимость работы, скорее упрощает доступность источника. Автор для наглядности и формирования хорошего представления о метрических книгах приводит оригинальные фрагменты из документа.

Мечеть и махалля (приход) были местами не только религиозного объединения мусульман, они становились культурными и образовательными центрами. Авторитет имама определял авторитет махалли. Ф.Б. Батыргарей посвятил отдельный раздел имаму мечети Хусаину Сеид-Бурхану. Автор рассказывает о его жизни и деятельности. Выявленные фотоматериалы обогатили книгу, сделав ее более познавательной. Часть материала об имаме исследователь предпочел разместить в приложении. На наш взгляд, ее следовало бы включить в основную часть работы, т.к. она дополняет и расширяет знания о состоянии махалли и татаро-мусульманского общества начала XX в.

Книга снабжена словарем исламских терминов, указателями имен, географических названий. Достоинством работы является то, что она выполнена на представительном источниковом материале. Автор, не ограничиваясь архивными фондами изучаемого региона, привлек материалы других архивохранилищ России, руководствовался научной литературой по изучаемой тематике. Источники из фондов Государственного архива Тверской области публикуются впервые. Работа важная и востребованная. Актуальность исследований такого рода не вызывает сомнения. Хочется поблагодарить Ф.Б. Батыргарей за выбор исследовательской темы, связанной с выявлением и изучением важных письменных источников – метрических книг. Особо отметим профессионализм автора в решении этой нелегкой задачи. В книге представлены результаты многолетнего трудоемкого исследования. Выражаем надежду на появление новых работ подобного рода по другим махаллям российской империи. Надеемся, что книга Ф.Б. Батыргарей простимулирует появление новых научных исследований по метрическим книгам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутушев Р.Р. Мусульманские метрические книги в Центральном государственном архиве Республики Башкортостан // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 54–59.

Салахова Э.К. Рецензия на книгу Ф.Б. Батыргарей
«Метрические книги мусульман г. Твери»

2. Салахова Э.К. Коллекция магометанских метрических книг в Национальном архиве Республики Татарстан. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 39–41.

3. Салахова Э.К. Метрические книги как источник изучения татарской общины г. Астрахани (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Историческая этнология. 2016. Т. 1, № 1. С. 86–95.

4. Салахова Э.К. Мусульманские метрические книги России // Эхо веков – Гасырлар авазы. 2018. № 1. С. 81–96.

5. Метрические книги мусульман г. Твери 1905–1918 гг. / Перевод со старотатарского, автор статей и составитель Ф.Б. Батыргарей. Тверь: Заповедник Времени, 2019. 152 с.

Сведения об авторе: Салахова Эльмира Кадимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ilsalah@mail.ru

**REVIEW OF THE BOOK BY F.B. BATYRGAREY
“REGISTERS OF BIRTH OF MUSLIMS IN THE CITY OF TVER”**

E.K. Salakhova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ilsalah@mail.ru*

The article is a review of the new book by researcher F.B. Butyrgarey *Registers of Birth of Muslims in the City of Tver*. The book devoted to the publication of Muslim metric books of Tver is of importance and much-in-demand. These documents are published for the first time. The research includes all Muslim parish registers of the city of Tver, which were kept in the State Archive of the Tver Region. The author provided their transcription and on the basis of the given documents, he presented an interesting material about the state and development of the Tatar society of the Russian city of Tver in 1905–1918.

Keywords: family history, written historical sources, register of births, history of the Tatar people, local history.

For citation: Salakhova E.K. Review of the book by F.B. Butyrgarey “Registers of birth of muslims in the city of Tver”. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 375–380. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.375-380

REFERENCES

1. Kutashev R.R. Musul'manskije metricheskije knigi v Tsentralnom gosudarstvennom archive Respubliki Bashkortostan [Muslim parish registers in the Central State Archive of the Republic of Bashkortostan]. *Otechestvennyye arhivy – Domestic archives*, 2012, no 4, pp. 54–59. (In Russian)
2. Salakhova E.K. Kolleksiia magometanskikh metricheskikh knig v Natsionalnom arhive Respubliki Tatarstan [The Collection of Mohammedan registers of births in the National Archive of the Republic of Tatarstan]. *Otechestvennyye arhivy – Domestic archives*, 2008, no 3, pp. 39–41. (In Russian)
3. Salakhova E.K. Metricheskije knigi kak istochnik izucheniya tatarskoj obshchiny g. Astrakhani (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Parish registers as a source of study of the Tatar community of the city of Astrakhan (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2016, vol. 1, no.1, pp. 86–95. (In Russian)
4. Salakhova E.K. Musul'manskije metricheskije knigi Rossii [Muslim metric registers of Russia]. *Ekho vekov – The echo of centuries*, 2018, no 1, pp. 81–96. (In Russian)
5. *Metricheske knigi musul'man g. Tveri 1905–1918 gg.* [Metric books of Muslims of Tver in 1905–1918]. Articles, transl. from Old Tatar and compiled by F.B. Batyrgarey. Tver, Zapovednikm Vremeni Publ., 2019. 152 p. (In Russian)

About the author: Elmira K. Salakhova is a Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Department of History and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ilsalah@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
ВАЛЕЕВА Н.Г. ЧИСТОПОЛЬСКОЕ УЕЗДНОЕ ЗЕМСТВО
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1865–1914 ГГ.)**

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
yelena.mironova@yandex.ru*

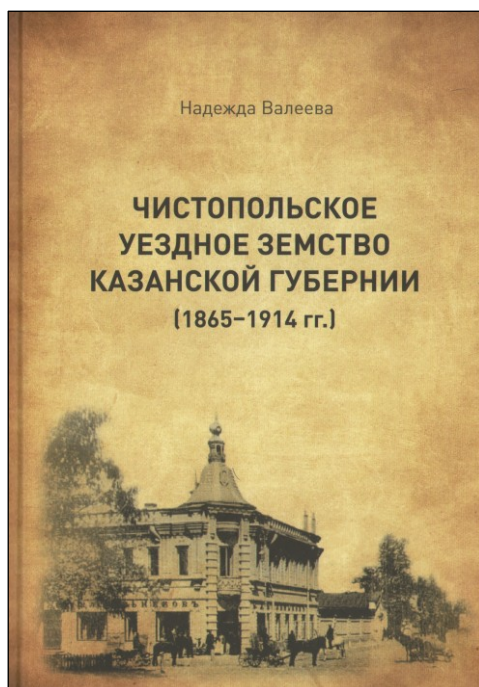
В статье дан обзор монографии Н.Г. Валеевой «Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.)». Несмотря на то, что работа представляет собой краеведческое исследование, в ней поднимаются важные вопросы, связанные с институтом земского самоуправления. На примере земства одного из крупнейших уездов Казанской губернии показан механизм функционирования местного самоуправления. Особое внимание уделено земским мероприятиям в сфере медицины, образования и сельского хозяйства. Автор придает большое значение личностному фактору и с помощью антропологического подхода показывает влияние отдельных выдающихся земцев на развитие анализируемого уезда.

Ключевые слова: историческая антропология, краеведение, Казанская губерния, Чистополь, Чистопольский уезд, земство.

Для цитирования: Миронова Е.В. Рецензия на монографию: Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 381–385. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.381-385

Земское самоуправление, возникшее в ходе Великих реформ, существенно повлияло на развитие сельской местности во второй половине XIX – начале XX вв. Благодаря ему, с мертвой точки сдвинулись образование, медицина, повысился уровень сельского хозяйства. Даже в рамках сугубо хозяйственной деятельности земства смогли способствовать прогрессу в развитии общественной жизни России. Неудивительно, что исследования по истории земских органов самоуправления стали возникать еще в дореволюционный период. Его кульминацией стал четырехтомник Б.Б. Веселовского «История земства за сорок лет» [3]. Затем, в советское время, интерес к этому институту снижается, что объясняется идеологическими установками на приоритетное рассмотрение отрицательных моментов царского режима. С 80-х гг. XX в. земства становятся объектом пристального внимания историков с точки зрения решения практических задач усовершенствования со-

временного самоуправления и для изучения системы управления Российской империей в пореформенный период. Появляется множество работ, посвященных как институту земства в целом, так и его практическому воплощению в регионах, в основном на уровне губерний [1, 4]. К такому типу исследований можно отнести и вышедшую недавно монографию доктора исторических наук Надежды Геннадьевны Валеевой «Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.)» [2].

Главной чертой книги, которая выделяет ее из многих работ по данной теме, является антропологический подход. Хотя автор использовал богатый корпус делопроизводственных документов, он не ушел в русло сухой статистики, а отобразил живую историю, которая формировалась не только абстрактными историческими условиями, но и усилиями отдельных личностей. Кроме того, акцент сделан на краеведческой составляющей исследования. Чистопольский уезд являлся одним из самых населенных и развитых в экономическом отношении в Казанской губернии и изучение его истории важно не только в контексте истории Татарстана, но и представляет собой интересный образец для изучения особенностей российской провинции.

Структура текста выстроена по проблемному принципу. Основное внимание уделено наиболее важным сферам земской деятельности – сельскому хозяйству, образованию и медицине. В главе I, озаглавленной «Зем-

ское самоуправление в Чистопольском уезде», слиты воедино устройство местного земства, земские повинности и налогообложение, сельскохозяйственные мероприятия, а также описаны наиболее выдающиеся земские деятели уезда. Чтобы не возникло путаницы, данные темы разбиты на параграфы. Поскольку главным занятием крестьянина оставалось сельское хозяйство, этой сфере уделена значительная часть раздела.

Вторая глава посвящена начальному образованию. Земские органы не обладали всей полнотой власти в данном вопросе. Они лишь способствовали открытию новых школ в деревнях, субсидировали их и следили за штатом служащих и постройками, в то время как учебный план определялся министерством народного просвещения. Не обходит вниманием Н.Г. Валеева и удовлетворение земством нужд нерусских народов уезда. Иностранцы, а особенно татары, зачастую воспринимали мероприятия земского самоуправления как попытки христианизации, причем эти подозрения иногда были вполне обоснованны. Однако без сближения с русской, а через нее с европейской культурой такие народы самоизолировались и лишались доступа к прогрессивным достижениям человечества. Чтобы развить население края, чистопольское земство субсидировало миссионерские школы Братства св. Гурия, русские классы при медресе, открывало иногородческие школы. Так к 1913 г. в Чистополе существовало два русских класса при медресе, в которых обучалось 118 и 65 учеников соответственно. В 1911 г. было открыто русско-татарское женское училище.

В третьей главе также повествуется про образование, но уже внешкольное, к которому относили общественные библиотеки, народные чтения и книжные склады.

Земская медицина легла в основу четвертой главы. В то время врачебная помощь крестьянству находилась еще в зачаточном состоянии. Недоверие со стороны крестьян, подверженных влиянию предрассудков, малое финансирование, нехватка персонала еще больше затрудняли развитие этой отрасли. Но земцы часто жертвовали из своих личных средств. Например, купец Василий Львович Челышев на свои деньги возвел каменный корпус больницы в Чистополе. Н.Г. Валеева отмечает, что в области здравоохранения главную роль играло Казанское губернское земство, которое бесплатно высылало лекарственные препараты, существенно помогло во время эпидемий.

Последующие главы, посвященные общественному призрению, аптечному делу, ветеринарии, почте существенно меньше по объему, поскольку земство не уделяло им такого внимания как вышеприведенным отраслям хозяйства.

Отдельного упоминания заслуживает заключительная глава книги – «Романовы в истории Чистополя». Город неоднократно посещали царственные особы, а местное земство присылало им адреса с верноподданническими чувствами в честь каких-либо событий вроде убийства Александра II или крушения поезда с семьей Александра III. Эта часть не только

добавляет штрихи к портрету чистопольского земства, но и вносит значительный вклад в местное краеведение, собрав сведения о Романовых в Чистополе воедино.

Автором проработан богатый источниковый материал как архивных, так и опубликованных документов. В основном использовались делопроизводственные, а также публицистические материалы.

Новая монография Н.Г. Валеевой представляет собой написанное хорошим языком почти 500-страничное исследование, которое глубоко и разносторонне описывает деятельность Чистопольского земства. Оно вносит значительный вклад как в местное краеведение, так и в историографию земств, и может служить хорошим примером для последующих работ в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В.Ф. Казанское земство в пореформенный период (1865–1890 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
2. Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.): Историко-краеведческое исследование. М.: Издательство «Перо», 2019. 472 с.
3. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4 т. СПб., 1909–1911.
4. Димитриев И.А. Земское самоуправление на территории Чувашии в 1890–1914 гг.: на материалах уездных земств: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация), yelena.mironova@yandex.ru

MONOGRAPH REVIEW: VALEEVA N.G. CHISTOPOL COUNTY ZEMSTVO OF THE KAZAN PROVINCE (1865–1914)

E. V. Mironova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
yelena.mironova@yandex.ru*

The article gives an overview of the monograph of N.G. Valeeva *Chistopol County Zemstvo of the Kazan province (1865–1914)*. Being a study of local lore in the book, at the same time, questions related to the institute of zemstvo self-government are raised. Using the example of the zemstvo of one of the largest districts of the Kazan province, the mechanism of the functioning of local government is presented. Particular

Миронова Е.В. О монографии Н.Г. Валеевой «Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.)»

attention is paid to Zemstvo events in the field of medicine, education and agriculture. The author attaches great importance to the personality factor and, applying an anthropological approach, shows the influence of individual outstanding zemstvo people on the development of the county.

Keywords: Kazan province, Chistopol, Chistopol county, zemstvo, historical anthropology, regional studies.

For citation: Mironova E.V. Monograph review: Valeeva N.G. Chistopol county zemstvo of the Kazan province (1865–1914). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 381–385. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.381-385

REFERENCES

2. Abramov V.F. *Kazanskoe zemstvo v poreformennyj period (1865–1890 gg.)*. *Diss. cand. ist. nauk.* [Kazan Zemstvo in the post-reform period (1865–1890). *Cand. hist. sci. diss.*]. Leningrad, 1989.
3. Valeeva N.G. *Chistopol'skoe uездное земство Kazanskoy gubernii (1865–1914 gg.): Istoriko-kraevedcheskoe issledovanie* [Chistopol County Zemstvo of the Kazan Province (1865–1914): a study in regional history]. Moscow, Pero Publ., 2019. 472 p.
4. Veselovskiy B.B. *Istoriya zemstva za sorok let*. V 4 t. [The history of the zemstvo over forty years. In 4 vol]. St. Petersburg, 1909–1911.
5. Dimitriev I.A. *Zemskoe samoupravlenie na territorii Chuvashii v 1890–1914 gg.: na materialakh uездnykh zemstv*. *Diss. kand. ist. nauk.* [Zemsky self-government on the territory of Chuvashia in 1890–1914: on the materials of County zemstvos. *Cand. hist. sci. diss.*]. Moscow, 2006.

About the author: Elena V. Mironova is a Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420014, Russian Federation); yelena.mironova@yandex.ru

Хроника научной жизни

УДК 001.32

DOI: 10.22378/he.2019-4-2.386-398

«ЖАЛЬ, ЧТО МЫ ВСЕГДА ОСОЗНАЕМ ПОТЕРИ СПУСТЯ ВРЕМЯ»

Э.В. Мигранова

*Ордена Знак Почета Институт истории,
языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация
mig.el@mail.ru*

Данная мемориальная статья посвящена описанию жизни, научной и педагогической деятельности ученого-этнолога Рифа Исмагиловича Якупова, безвременно ушедшего из жизни, внесшего значительный вклад в исследование теоретических вопросов теории этноса, в разрешение проблемы формирования и исторического развития тептярей, в изучение архивного дела в Республике Башкортостан и других актуальных проблем современной этнологической науки.

Ключевые слова: Риф Исмагилович Якупов, ученый, этнолог, педагог, теория этноса, тептяри.

Для цитирования: Мигранова Э.В. «Жаль, что мы всегда осознаем потери спустя время» // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 386–398. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.386-398

«Отвечай добром на зло, дабы иссушить корень зла».

*Он был добрым и обаятельным человеком.
Таким мы его и будем помнить...*

Не дожив меньше месяца до своего 60-летия, 11 июля 2019 г. ушел из жизни видный ученый-этнолог, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН Риф Исмагилович Якупов.

Хотелось бы, чтобы в рассказе о нем сквозь равнодушные череду дат и событий проступил портрет живого человека, друга, наставника, коллеги – человека с тонким умом и острым пером, с огромным чувством юмора и обостренным чувством справедливости...

Риф Якупов родился 6 августа 1959 г. в городе Стерлитамаке в семье служащих. Учеба Р.И. Якупова на историко-английском факультете Башкирского государственного педагогического института пришлась на 1980–1985 гг. В институт он поступил уже зрелым человеком, успев после окончания школы № 11 г. Уфы (история которой ведет свое начало от Уфимской мужской гимназии) поработать и лаборантом в одном из НИИ, и отслужить в рядах Советской Армии (в разведывательном батальоне в г.Тозке). Риф Исмагилович отмечал, что навыки разведчика, полученные в армии, впоследствии немало помогли

Р.И. Якупов. 8 марта 2016 г.

ему в исследовательской и полевой работе, особенно в беседах с информаторами, заставляли его в экспедициях подмечать мельчайшие детали и подробности. Риф Исмагилович особо подчеркивал «домашность» и какую-то особую камерность факультета, расположенного в старинном здании, в отдалении от основных учебных корпусов. Обитающий в те годы здесь добрый дух учености и атмосфера демократизма, взаимоуважения и доброжелательности были, конечно, же, в первую очередь, заслугой преподавательского состава. Негласная состязательность кафедр «английского» и «истории» стимулировала познавательную деятельность студентов, учила их размышлять, отстаивать свое мнение. Преподаватели «историки» не упускали момента пожуричь студентов за слабое владение языком, а «англичане» за незнание исторического материала, если таковое обнаруживалось. Впрочем, делалось это ненавязчиво, без упреков и репрессий. Отсюда и прекрасное знание языка (Р.И. Якупов легко писал статьи на английском), и историческое мышление, и любовь к истории как к процессу, ставшая впоследствии смыслом жизни Рифа Исмагиловича.

После окончания вуза Р.И. Якупов, проработав год в школе № 103, был приглашен на работу в родной пединститут, где прошел путь от ассистента до доцента и профессора. Сначала он с воодушевлением берется за создание телепресс-центра при БГПИ и успешно руководит его работой, одновременно работает на кафедрах Истории СССР и истории КПСС (позднее истории Отечества БГПУ), читает лекции и ведет спецкурсы по общей этнологии и этнографии народов Волго-Уральского региона, исто-

риографии, источниковедению и прочим предметам. Талантливый организатор науки Р.И. Якупов внес значительный вклад в формирование системы подготовки профессиональных историков и этнологов, а как способный лектор и педагог, он способствовал становлению и творческому росту молодого поколения ученых.

В 1989 г. Якупов Р.И. поступает в аспирантуру Уфимского научного центра РАН по специальности этнология в Отдел народов Урала (ОНУ). Его научным руководителем, разумеется, становится Р.Г. Кузеев, который представлял собой огромную величину, глыбу в отечественной и мировой этнографии. Первое знакомство Р.И. Якупова с научными взглядами вице-президента Академии наук Республики Башкортостан, члена-корреспондента РАН, профессора Р.Г. Кузеева произошло еще на истфаке, где последний читал курс общей этнологии. Лекции Раиля Гумеровича, проходившие раз в неделю, каждый раз становились событием; в аудитории стояла полная тишина, было слышно как «пролетает муха», темы и манера преподавания настолько увлекали студентов, что лектору не нужны были никакие особые приемы привлечения внимания слушателей. Уже в студенческие годы Р.И. Якупов начал серьезно заниматься исследовательской работой под руководством Р.Г. Кузеева. Вот цитата из рекомендации на Якупова, написанная Раилем Гумеровичем. «Риф Якупов – один из моих учеников. Еще во время выполнения курсовых и исследовательских проектов я обратил внимание на его способности к философии, умение делать обобщения, неординарность мышления. За время совместной работы Р. Якупов не только проявил незаурядные качества исследователя, но и большие организационные способности». Эти слова мэтра дорогого стоят.

Значителен вклад Р.И. Якупова в деятельность Музея археологии и этнографии. Он был автором концепции новой экспозиции Музея в начале 1990-х гг., ходил по залам буквально с миллиметровкой и поделился данным опытом в статье «Научная концепция этнографической экспозиции МАЭ: из опыта работы», опубликованной в сборнике «Музееведение» (1995). Ему принадлежит авторство оформления музейных выставок по традиционным верованиям и религиям народов Южного Урала. В 2003 г. он с успехом прошел стажировку в США по программе «Сохранение памятников истории и культуры», организованной под эгидой Госдепартамента США.

В эти же годы Р.И. Якупов участвовал в ряде прикладных проектов, в частности, по созданию заповедника «Аслы-куль». Являясь ответственным секретарем коллективного исследования «Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки», Риф Исмагилович внес значительный вклад в подготовку и публикацию данной монографии. Он также успешно работал над совместными проектами с Институтом этнологии РАН (г. Москва) в области этноэкологии, этносоциологии, вел научно-методологические семинары в Отделе народов Урала и другую научную работу.

В этнографической экспедиции. Учалинский район. 1997 (?) г.

Среди коллег. Сотрудники Центра этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН. 1997 г.

После окончания аспирантуры в 1993 г. по предложению Р.Г. Кузеева, Р.И. Якупов возглавил сектор этнологии в ОНУ. С 2001 г. по 2003 г. Р.И. Якупов – заместитель директора Центра этнологических исследова-

ний с Музеем археологии и этнографии УНЦ РАН по научной работе. На этой должности он как ученый-этнолог немало способствовал активному развитию и центра, и музея.

В 2003 г. Р.И. Якупов был назначен деканом факультета истории и права Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права (ВЭГУ). Одновременно он является заведующим кафедрой Всемирной истории этого университета.

С 2005 г. и до последних дней жизни Риф Исмагилович – ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ (ныне УФИЦ) РАН. Он являлся Членом Ассоциации этнологов и антропологов России (АЭАР) с 1990 г. (в том числе Председателем регионального отделения АЭАР в 1995–2003 гг.), Членом Общества Востоковедов РАН с 2000 г., Членом Российского географического общества с 2017 г. и т.д. В разные годы он входил в состав многих Ученых Советов: Центра этнологических исследований (1993–2003 гг.), исторического факультета БГПУ (1996–2003 гг.), ВЭГУ (2003–2007 гг.), Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы (2009–2019 гг.), Российского исламского университета (2007–2019 гг.). В 2010 г. Риф Исмагилович был избран Членом Совета по исламскому образованию при Совете муфтиев России, а также Членом Экспертного совета при Министерстве образования и науки РФ по разработке и внедрению учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Кроме того, он был Членом экспертного Совета ВАК по специальности «Теология», проректором и преподавателем Российского исламского университета; членом редколлегии ВАКовского журнала *Minbar. Islamic Studies*, главным редактором, членом редколлегии и редсовета научно-теологического альманаха *Дары знаний* (Уфа), международного «Дайджест-Бюллетеня РИУ ЦДУМ России» и т.д.

Р.И. Якупов – участник многочисленных (более 100) региональных, всероссийских и международных научных конференций; в том числе, Конгрессов этнографов и антропологов России; один из разработчиков Государственной программы «Народы Башкортостана»; член редколлегии авторитетных журналов и сборников, среди которых сборники «Мировое сообщество» (Уфа); «История и современность» (Москва); газета «Татарский мир» и ее приложение «Восток» (Москва); журнал ВАК «Вестник ВЭГУ» (Уфа) и др.

Подготовленные профессором Р.И. Якуповым научные кадры (выпускники вузов, аспиранты, кандидаты наук) свидетельствуют, что Риф Исмагилович является и основателем собственной научной школы. Адекватным отражением достижений в области науки и образования стало присвоение Рифу Исмагиловичу в 2004 г. ученого звания профессора.

Р.И. Якупов и муфтий Талгат Сафич Таджутдин.
Региональная научно-практическая конференция «Личность, общество,
государство, религия: взаимодействие и противоречия». Уфа, 2003 г.

III Кузеевские чтения в Институте этнологических исследований
УНЦ РАН. Октябрь 2012 г.

Как этнограф Р.И. Якупов совмещал кабинетную работу с ежегодными полевыми выездами, в том числе в качестве начальника экспедиций. Особое внимание исследователь уделял сбору материала среди тептярей – главного объекта своих научных изысканий.

Занявшись этнографией еще в институте, Риф Исмагилович больше уже не изменял своему увлечению. Р.И. Якупов – автор почти 200 научных публикаций, в том числе пяти монографий: «Тептяри: этносоциальный феномен и научная проблема» (Уфа, 1998), «Тептяри: историко-этнографические очерки: к проблеме генезиса этничности» (М., 2002), «В поисках традиционной культуры: архивно-этнографическая эвристика на материалах ЦИА РБ» (Уфа, 2012), «Архив – как экспериментальная база исследователя: историко-дидактические очерки» (Уфа, 2016) и «Из истории духовного образования: от медресе “Талия” до “Российского исламского университета”: к 110 летнему юбилею» (Уфа, 2016); многочисленных коллективных монографий, в числе которых семитомная «История башкирского народа»; учебно-методических и справочных работ, курсов лекций и т.д.; а также десятков научных статей, некоторые из которых написаны на английском языке. Кроме того, Риф Исмагилович был ответственным редактором почти 40 монографий и коллективных трудов, членом редколлегии многочисленных научных изданий. В числе последних: «Этносы и природа: проблемы этноэкологии» (1998); «Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки» (2002); «Евразийство: проблемы осмысления» (2002); «Личность, общество, государство, религия: взаимодействие и противоречия» (2003); «Взаимодействие этносов на Южном Урале: комплексные этнолого-антропологические исследования» (2006); «Институт истории, языка и литературы: время, открытия, люди» (2007); «Институт истории, языка и литературы: флагман гуманитарной науки Башкортостана» (2017) (два последних сборника были выпущены к 75- и 85-летию ИИЯЛ); «Народы Южного Урала в этносоциальном измерении. Башкиры, татары, русские в последней четверти XX в.» (2010) и др. Буквально на днях, уже после смерти Рифа Исмагиловича, увидела свет коллективная монография «Этносы и культуры в единой семье Башкортостана», в которой он был автором статьи о татарах.

Темы, которыми на протяжении жизни занимался Р.И. Якупов, представляются чрезвычайно интересными и актуальными, как для российской, так и для мировой этнологии в целом. Область его научных интересов чрезвычайно обширна: это и этнология, и историография, и источниковедение, и музееведение, и исламоведение, и науковедение, и лингвистика, и история государства и права, и общая педагогика и т.д. Особое внимание, однако, Риф Исмагилович уделял вопросам теории этноса, методологии исследований, фундаментальным проблемам культурологии, этногенезу и этнической истории башкир, татар, тептярей и других народов Волго-Уральской историко-этнографической области.

Кандидатская диссертация Р.И. Якупова «Проблема тептярей в историко-этнографической литературе XVIII–XX вв.», защищенная в 1996 г. в Совете при Музее археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург), была выполнена на стыке историографии и этнографии. В ней в значительной степени проявился интерес молодого соискателя к проблемам истории науки и источниковедения. А в своей фундаментальной докторской диссертации «Тептяри: Проблема формирования этничности», защита которой состоялась в 2001 г. в Совете Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), Риф Исмагилович, рассматривая в историческом плане генезис тептярей, уже вплотную подошел к вопросам теории этноса. Главной проблемой для исследователя было то, как идентифицировать эту общность. Как социум (сословие), как этнос (народ), субэтнос (часть народа, этнографическая группа) или как нечто еще? Прежде всего, он заострял внимание на концепции этноса, его природе, раскрывал законы развития этноса, останавливался на изучении этнических процессов и механизмов их протекания, факторов, влияющих на этнические процессы и многом другом. После определенных усилий, а именно после реконструкции их истории, ученый пришел к выводу, что процесс формирования тептярей может и должен рассматриваться как модель этногенетических и этнокультурных процессов. Предложенная в этой работе модель генезиса этничности в новое и новейшее время чрезвычайно интересна и важна для теоретической этнологии в целом. Рассуждая об этногенезе и этнической истории, ученый призывал четко различать, где еще идут этногенетические процессы, а где уже идет процесс этнической порции (выделения новых этносов из существующих).

В своих трудах Якупов спорил с конструктивистами, которые, на его взгляд, подчас отказывают этносу в объективности и, как правило, рассматривают его как один из типов социальной общности, в которой предполагается личный выбор индивида в его социализации и вхождении в различные среды и сообщества, в том числе этнические.

Темы, затронутые в работах Рифа Исмагиловича, сколь сложны, столь и необъятны. Ученый говорил, что этнос – и прост, и сложен, прежде всего потому, что этносы – это все мы. Всякий человек является представителем своего народа и ему кажется, что как минимум о своем народе он знает практически все, а потому какие там еще могут быть загадки? Но все это иллюзия, – предупреждал исследователь. Этнос – это сложный объект, сложная система, сложный механизм, над его пониманием трудилось и трудится не одно поколение ученых. Р.И. Якупов искал и находил закономерности взаимосвязей различных элементов этноса, а показанный ученым механизм формирования, сохранения и трансформации этнических общностей, позволяет глубже понять перспективы этнокультурного развития в России и влияния этнического фактора на все стороны жизни российского общества. Общеизвестно, что этничность в России в силу ряда исторических причин, является важным фактором общественной жизни, и, видимо, еще долго будет играть роль в культурной, социальной и политической жизни.

Награждение медалью и грамотой ЦДУМ Российской Федерации
«За вклад в развитие духовного образования». 2016 г.

В кругу семьи. 2017 г.

В монографии «В поисках традиционной культуры. Архивно-этнографическая эвристика на материалах ЦИА РБ» Р.И. Якупов дает практические рекомендации и предлагает методику анализа письменных материалов, которые до последнего времени весьма ограниченно (в отличие от полевых материалов) использовались в этнографических исследованиях и при изучении этногенетических и этноисторических процессов; приводит собственные методы поиска информации в архивах, делится алгоритмом анализа бесчисленного множества источников, выявления их культурографического содержания. Автор ввел в научный оборот новые понятия и термины, важнейший из которых «архивно-этнографическая эвристика», который, по мнению коллег ученых, вероятно, займет свое место в терминологии этнографической науки. В данной монографии ученый приоткрывает завесу над мастерской исторической и этнографической науки, ставит и успешно решает вопросы выявления и критического разбора архивных письменных и других визуальных источников, говорит о возможности их применения в гуманитарных науках, то есть практически дает специалистам и всем интересующимся историей и этнографией ключ к уникальным источникам как Национального архива Республики Башкортостан, так и архивов страны в целом.

...После перенесенного в 29 лет инфаркта Риф Исмагилович тяжело болел, его здоровье постоянно находилось под угрозой, особенно в последние годы, его часто увозили в реанимацию и буквально возвращали с «того света». Каждый день был для него борьбой за жизнь. Но, несмотря на болезнь, ученый продолжал плодотворно заниматься научной и преподавательской деятельностью, очень хотел жить, дождаться внуков. С его слов: «С этим нужно просто считаться, принять как есть. Не пугаться, не опускать рук. Но знать и понимать и строить свое бытие, извлекая максимум возможного из своего потенциала, который настолько огромен в человеке, что при определенных обстоятельствах, даже необратимые следствия отступают». В этом году доктору исторических наук, профессору Рифу Исмагиловичу Якупову исполнилось бы 60 лет.

К сожалению, не суждено было осуществиться множеству его задумок, планов и проектов. Но, к счастью, осталось его богатое научное и человеческое наследие, которое еще предстоит изучить и осмыслить новому поколению этнологов, культурологов, религиоведов. Когда-то Риф Исмагилович произнес «Жаль, что мы всегда осознаем потери спустя время». Да, действительно очень жаль...

В наших сердцах останется светлая память об ученом, жизнь которого без преувеличения была посвящена служению науке.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Р.И. ЯКУПОВА

Монографии:

Тептяри: этносоциальный феномен и научная проблема. Уфа, 1998.

Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М., 2001.

В поисках традиционной культуры. Архивно-этнографическая эвристика на материалах ЦИА РБ. Уфа, 2013.

Архив – как экспериментальная база исследователя. Историко-дидактические очерки. Уфа, 2016.

Из истории мусульманского высшего образования. От медресе «Галия» до Российского Исламского Университета ЦДУМ России. К 110 летнему Юбилею. Уфа, 2016.

Введение в общую этнологию. Уфа, 2016.

Статьи:

Тептяри: сословие или этнос // Этнос и его подразделения. Ч. 2. Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. М., 1992. С. 165–170.

О концепции Евразийства // Вестник АН РБ. № 4. 1998. С. 67–73.

Краткий очерк развития этнографии Башкортостана // Вестник ВЭГУ. 2007. № 31/32. С. 152–161.

Этносы и этничность в начале XXI в. // Вестник ВЭГУ. 2008. № 6 (38). С. 47–51.

Как осмысливалась этническая история Евразии (памяти Р.Г. Кузеева) // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 110–119.

Российская школа теории этноса: историографическое обоснование // От племени к этносу. Этнография в Русском географическом обществе. Под ред. А.В. Псянчина. Вып. 2. СПб., 2015. С. 7–22.

Традиционный ислам: терминология и риторика // Традиционный ислам: понятие, сущность и содержание. Уфа, 2015. С. 30–37 и др.

Статьи о нем:

Якупов Риф Исмагилович // Музей археологии и этнографии. Уфа, 2007. С. 27.

Кулешов Д. Путь ученого // Грани познания. 2009. №7/8. С. 189–192.

Якупов Риф Исмагилович // Башкирская энциклопедия: [В 7 т.]. Уфа, 2011. Т. 7. С. 447–448.

Якупов Риф Исмагилович // Народы Башкортостана: Энциклопедия. Уфа, 2014. С. 449–450 и др.

Сведения об авторе: Мигранова Эльза Венеровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (450054, Проспект Октября, 71, Уфа, Российская Федерация); mig.el@mail.ru

Мигранова Э.В. «Жаль, что мы всегда осознаем потери спустя время»

“IT’S A PITY THAT WE RECOGNIZE LOSSES ONLY LONG AFTER”

E.V. Migranova

*Order of the Badge of Honour Institute of history, language and literature
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation
mig.el@mail.ru*

This memorial article is devoted to the description of the life, research and pedagogical work of the schola and ethnologist Rif Ismagilovich Yakupov, who died prematurely, made a significant contribution to the study of theoretical issues of the ethnos theory, solving the problems of the formation and historical development of teptars, studying archival affairs in the Republic of Bashkortostan and other urgent problems of modern ethnological science.

Keywords: Rif Ismagilovich Yakupov, scientist, ethnologist, teacher, ethnos theory, teptyari.

For citation: Migranova E.V. “It’s a pity that we recognize losses only long after”. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 386–398. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.386-398

R.I. YAKUPOV’S FUNDAMENTAL WORKS

Monographs:

Teptyari: etnosocial'nyj fenomen i nauchnaya problema [The Teptyars: An ethno-social phenomenon and a scientific problem]. Ufa, 1998 (In Russian).

Teptyari: istoriko-etnologicheskie ocherki. K probleme genezisa etnichnosti [The Teptyars: Historical-ethnological essays. On the problem of genesis of ethnicity]. Moscow, 2001 (In Russian).

V poiskah tradicionnoj kul'tury. Arhivno-etnograficheskaya evristika na materialah CIA RB [Searching for traditional culture. Archive and ethnographic evristics based on the materials of the Republic of Bashkortostan Central Historical Archive]. Ufa, 2013 (In Russian).

Arhiv – kak eksperimental'naya baza issledovatelya. Istoriko-didakticheskie ocherki [Archive as a researcher’s experimental base. Historical-didactic essays]. Ufa, 2016 (In Russian).

Iz istorii musul'manskogo vysshego obrazovaniya. Ot medrese «Galiya» do Rossijskogo Islamskogo Universiteta CDUM Rossii. K 110 letnemu YUbiyeu. Ufa, 2016 (In Russian).

Vvedenie v obshchuyu etnologiyu. Ufa, 2016 (In Russian).

Articles:

Teptyari: soslovie ili etnos // Etnos i ego podrazdeleniya. Ch. 2. Etnicheskie i etnograficheskie grupy v Volgo-Ural'skom regione. M., 1992. S. 165–170 (In Russian).

O koncepcii Evrazijstva [On the concept of Eurasianism]. *Vestnik AN RB – Bulletin of the Republic of bashkortostyan Academy of Sciences*, 1998, no. 4, pp. 67–73 (In Russian).

Kratkij ocherk razvitiya etnografii Bashkortostana [A short essay on the development of Bashkortostan ethnography]. *Vestnik VEGU – Vestnik of VESU*. 2007, no. 31/32, pp. 152–161 (In Russian).

Etnosy i etnichnost' v nachale XXI veka [Ethnos and ethnicities in early 21st century], *Vestnik VEGU – Bulletin of VESU*, 2008, no. 6 (38), pp. 47–51 (In Russian).

Kak osmyslivalas' etnicheskaya istoriya Evrazii (pamyati R.G. Kuzeeva) [How the ethnic history of Eurasia was comprehended (in memory of R.G. Kuzeeva)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2010. no.2, pp. 110–119 (In Russian).

Rossijskaya shkola teorii etnosa: Istoriograficheskoe obosnovanie [The Russian school of the ethnos theory: Historiographic foundation]. *Ot plemeni k etnosu. Etnografiya v Russkom geograficheskom obshchestve* [From a tribe to ethnos. Ethnography i the Russian geographocal society]. Ed. A.V. Psyanchina. Issue. 2. St. Petersburg, 2015, pp. 7–22 (In Russian).

Tradicionnyj islam: terminologiya i ritorika [Traditional Islam: terminology and posturing]. *Tradicionnyj islam: ponyatie, sushchnost' i sodержanie* [Traditional Islam: the notion, essence amd content]. Ufa, 2015, pp. 30–37 (In Russian) etc.

Articles about him:

Yakupov Rif Ismagilovich. Muzej arheologii i etnografii [The Museum of Archeology and Ethnography]. Ufa, 2007. P. 27 (In Russian).

Kuleshov D. Put' uchenogo [The parth of a scholar]. *Grani poznaniya – The Verge of Knowledge*. 2009, no.7/8, pp. 189–192 (In Russian).

Yakupov Rif Ismagilovich. Bashkirskaia enciklopediya. V 7 t. [The Bashkir Encyclopedia. In 7 vol.]. Ufa, 2011. Vol. 7. Pp. 447–448 (In Russian).

Yakupov Rif Ismagilovich. Narody Bashkortostana: Enciklopediya [Peoples of Bashkortostan: Encyclopedia]. Ufa, 2014, pp. 449–450 (In Russian) etc.

About the author: Elza V. Migranova is a Candidate of Science (History), Senior Researcher Fellow of the Department of Ethnology, Order of the Badge of Honour Institute of history, language and literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, Prospect of October, Ufa 450054, Russian Federation); mig.el@mail.ru

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2014–2019 годы)»

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<http://historicaethnology.org>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2019. Том 4, № 2

HISTORICAL ETHNOLOGY, 2019, vol. 4, no. 2

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 04.11.2019 г. Дата выхода в свет 18.12.2019 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,5 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

